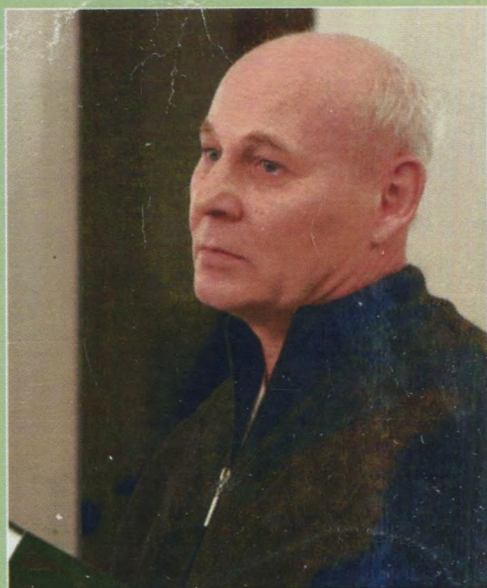

К-1462600

Андрей СМОЛИН
ИЗБРАННОЕ

Андрей СМОЛИН
ИЗБРАННОЕ

*Светлой памяти
Нины Николаевны Смолиной,
Георгия Яковлевича Смолина*

Вологда

2015

Редактор — Виталий СЕРКОВ,
член Союза писателей России

Смолин А.П.
Избранное. — Вологда, 2015.

Очередная книга литературного критика, живущего в Вологде. В неё вошли избранные критико-литературоведческие работы за 35 лет творческой деятельности Андрея Смолина. В книге представлены литературные портреты писателей-вологжан, проза, дневниковые записи.

Книга рассчитана на широкий круг любителей русской литературы Русского Севера.

Куда уходит время?

(Заметки о творчестве Андрея Смолина)

Андрею Смолину было два года, когда 25 июля 1961 года в Вологде «родилось» отделение Союза писателей РСФСР. Кто бы знал, что ровно через пятьдесят лет именно он будет писать юбилейный очерк об истории Вологодской писательской организации. Но так расположились на небе звёзды, и так распорядилась на земле судьба, что именно ему отведены судьбой и право, и ответственность подвести итоги полувековой жизни писателей-вологжан.

Призван был Андрей Смолин в литературу и для того, чтобы сказать слово о поколении поэтов и прозаиков, рождённых в пятидесятых годах прошлого века, чтобы, опираясь на традиции «вологодской школы», ввести «потерянное» поколение в единый литературный процесс и представить читательскому сообществу имена его талантливых и незаслуженно забытых представителей.

Одну из своих книг он так и назвал — «Рождённые в пятидесятых». Андрей Петрович писал эту книгу с надеждой, что когда «потомки, даст бог, проявят интерес к поэтам, оставшимся в тени великих имён, то его заметки на полях книг своих современников помогут будущему читателю «воссоздавать портрет нашего поколения, чтобы иметь полное представление о поэтической Вологде второй четверти XX века — начала третьего тысячелетия...»

Со своей стороны хочу сказать краткое слово и о нём, тоже, кстати, принадлежащему к этому же послевоенному поколению.

В отличие от нас, выходцев из русских деревень, он родился в Вологде, но из-за сложных семейных перипетий детство своё провёл в Кадниковском дошкольном детском доме и потому считает, что и он душой больше «деревенский» или «райцентровский». Этот был тот самый детдом, в котором до него воспитывался и композитор Валерий Гаврилин. Андрей помнит даже крёстную Валерия Гаврилина: «Приходила такая скромная сгорбленная старушка, ей уже тогда было очень много лет, она была ночной сиделкой. Садилась у тёплой печки и тут же засыпала, а мы ещё успевали пошалить, когда уходили воспитатели».

В детдоме он вместе со всеми участвовал в хозяйственных делах. Андрей вспоминает, как они ходили на покосы грести сено (были свои лошади), как укладывали дрова (огромные поленницы, между ними играли

в прядки), дежурили по столовой, убирали двор. А главное — осталось в сердце ощущение, будто ото всех, кто был рядом, исходила светлая доброта: «В моей жизни уже не было такого ощущения добра, как в те четыре года, которые я провёл в детском доме».

В 2011 году детский дом сгорел — не сберегли. А я помню, как Андрей водил меня по Кадникову, когда я снимал документальный фильм о Валерии Гаврилине. Мы долго стояли перед двухэтажным деревянным зданием, где будущий композитор (да и сам Андрей тоже) провёл свои начальные годы жизни.

В 1966 году Андрей переехал в Вологду и стал жить дома. Учился в городской школе № 8.

Свою родословную знает только по материнской линии. Мама — Елена Леонидовна — в своё время училась на агронома в сельхозинституте, который располагался в зданиях бывшего Царскосельского лицея, потом закончила биофак Вологодского пединститута.

Она рассказывала ему о многочисленной фамилии Смолиных — о прапрабабушках и прадедах, тётушках и дядюшках. Среди них кого только ни было: дворяне, мещане и чиновники губернского правления, майоры и прапорщики, и даже... содержатель, как тогда говорили, фотографической литографии, на «карточках» которого золотым тиснением выгравировано: «Фотография Н.Н.Смолина в Вологде, на Московской улице, в собственном доме» (это двоюродный брат прадеда)».

Вспоминая о далёких, но неведомых ему родственниках, Андрей однажды с грустью и горечью напишет: «Всех выбил проклятый двадцатый век. Братья бабушки погибли на войне, их жён и детей разметало по стране, а ведь какая огромная семья могла быть! Почти никого не осталось, а фамилия, вероятно, и закончится на моём сыне, у брата дочери и моя дочь Маша уже поменяли».

ВсвязисегофамилиейприведустрокииздневникаАндрея:«Позвонила Наташа из Питера: полчаса назад умер д. Гоша...»

Дядя Гоша — это Георгий Яковлевич Смолин. Он родился в Вологде в 1930 году. Детские годы провёл в прекрасной довоенной Тотье, которую очень любил. Закончил 1-ю вологодскую школу с золотой медалью. В 1948 году поступил на Восточный факультет Ленинградского университета. Был крупнейшим специалистом в России по истории средних веков Китая. До конца дней оставался убеждённым коммунистом, верным СССР.

«Не будь дяди Гоши, не было бы этой «ленинградской» ветви нашей семьи. А так, конечно, это было счастье. Ещё с детства помнились его приезды в Вологду, всегда — ощущение большого человека, невероятно умного. Ну, и Дибуну в детстве... И потом моя учёба в Ленинграде. Снова его приезды в Вологду, наши долгие разговоры по телефону. Сколько всего мы переговорили! И всё кончилось...»

Эта запись от 1 ноября 2011 года; от первой, сделанной им в дневнике, её отделяет тридцать семь лет. Андрею было пятнадцать, когда он записал:

«2.1.74. Сегодня я начинаю дневник. Это журнал жизни. Все великие люди, например, Л.Н.Толстой, высоко ценили дневники за их пользу в воспитании себя. Я долго готовился к этому маленькому событию в моей личной жизни, и, наконец, это свершилось. Это 15-й год моей жизни. Я закончу 8 классов. Передо мной встанет задача — выбрать профессию, которая бы была по душе, а тогда и работать можно продуктивнее, свободнее, вдохновеннее... Я думаю, что писать нужно каждый день, в любых условиях...»

Когда я узнал о школьном дневнике, то попросил Андрея познакомить меня с ним. Он не отказал. Перелистываю страницу за страницей и открываю для себя удивительный мир юного гражданина страны Советов, а через него и приметы того достопамятного времени, когда шло становление человека и будущего критика.

Позже, когда он, будучи уже взрослым человеком, вернулся к своим дневникам, то читал их не без удивления. Думаю, и не без радости, не без гордости за своё поколение и даже оставлял к ним взрослые комментарии. Если читать выдержки из дневника 1974 года с его комментариями, сделанными уже не в стране «победившего социализма», а в стране неуправляемой демократии, когда у нынешних восьмиклассников появились другие герои для подражания, то интересный, скажу я вам, получается у него диалог с самим собой, неожиданный и поучительный.

В дневнике пульсирует живая душа восьмиклассника. Прислушаться к ней, да в наше развращенное время — всё равно, что глотнуть свежего воздуха.

У него уже тогда появляется свой взгляд на прочитанные книги:

«Последний, 31 день января. 19.30. Сегодня закончил читать «Никодимово озеро». Повесть о молодежи, нравственная повесть, но события очень путанные, отношения героев мне показались не очень современными...»

Комментарий Андрея Смолина в наши дни:

«Я уже тогда читал такой журнал, как «Искусство кино»? Зачем мне это надо было? Сколько, интересно, подростков читали его в 250-тысячной Вологде того времени? Думаю, что очень мало...»

А вот другие пометки в дневнике Андрея:

«5.1. Жизнь прекрасна и удивительна», — писал Горький. Самое дорогое, что есть у человека, жизнь, прожитая с пользой для других, а кто живёт для других, тот бесконечно счастлив. Так, проживём и всю жизнь на «отлично». В добрый путь, в жизнь...»

Как наивно (и по-своему трогательно) сегодня читаются такие записи. Но не будем забывать, что их сделал обычный вологодский подросток.

«Сегодня в «Комсомолке» поставлен интересный вопрос. Стоит ли прожигать жизнь? Что такое «прожигание» жизни? Одна девушка, очень довольная собой, собственной красотой, написала в «Алый Парус», что она «прожигает жизнь». Вообще, спорно, что она считает «прожиганием жизни»: это поверхностная любовь, поцелуи в парках,

вечеринки с погашенным светом, вообще это просто ничегонеделание, а не прожигание жизни...

«16.1. среда. Великая жизнь, жизнь — подвиг. Сейчас показывают «Как закалялась сталь». Образ Корчагина, все образы, созданные Островским, сотни противоречий, побед, ужасы жизни. И всё это заслоняет борьба. Борьба с врагами, с самим собой. Это очень трудно — превзойти себя. Но надо во всём, всегда уметь побеждать...»

Комментарий Андрея Смолина в наши дни:

«То общество утверждало культ героя. В любых обстоятельствах! Не в том ли, в 1974, году, а, быть может, годом-двумя раньше, всю страну всколыхнул очерк Константина Симонова о молодом механизаторе Толе Мерзлове. Помнит ли кто сейчас ту историю? Жарким летним днём вспыхнуло поле зерновых. И вот молодой парнишка, недавний выпускник сельского профтехучилища, в одиночку на тракторе начинает бороться с огромным пожаром, опахивая плугом его очаг. К тому же он пытался спасти колхозный трактор, старенький, латанный-перелатанный, но только что полученный под расписку у председателя хозяйства... Он получил смертельные ожоги, но дождался помощи. Было ему восемнадцать или девятнадцать лет...»

Одном из мотивов симоновского очерка был такой: а надо ли было идти на подвиг, стоило ли это поле зерновых жизни, единственной и неповторимой, молодой, ещё, по сути, в самом её начале? И писатель утвердительно говорит: да, стоило, подвиг — это норма жизни! И мало кто в то время захотел бы такое утверждение оспорить...

В то время всё решалось «просто». «Раньше думай о Родине, а потом о себе», — такой рефрен задавал ритм жизни каждого человека...

Уже в те годы он размышляет о вдохновении, будто предугадывая свои будущие творческие муки: «Это интересная штука — вдохновение. Человек может сделать очень многое, когда оно приходит. Оно может прийти по разным причинам: новая мысль, человек, который вдохновляет другого на какие-то поступки, хотя писателю, например, вдохновение необходимо каждый день, ночь, почти всегда. Оно приходит к нам часто, но если человек ленив, он ничего не сделает, хотя, может, и жил этой мыслью. Вот поэтому вдохновение — не для ленивых».

И он не ленился и вдохновенно откликался на различные события той благословенной жизни.

«3 февраля, воскр., 19.00. Сегодня в «Комсомолке» высказана интересная мысль: «Две недели» силы воли. Мне мысль показалась интересной. Две недели воспитания себя, собственных эмоций, мыслей, тела, духа. Спартанский образ жизни, десятки книг, шесть часов сна — это показатель двух недель. Это интересно, но я думаю, что в эти две недели надо характеризовать себя и свой день на страницах дневника. Надо попробовать...»

И он пробовал, он читал, он думал, он ответственно готовил себя к жизни в обществе, в котором под видом морального кодекса строителя коммунизма, по сути, исповедовались «библейские заповеди».

В одном квартале жил рядом с ним ещё один «благоверный октябрёнок-пионер», преданный «делу Коммунистической партии» мальчишка, — Слава Белков: «Два юных вологжанина, один — почти юноша, другой — незрелый отрок, маленькие «гении» с тощими тетрадка́ми стихов или прозы — сталкиваются посреди обыкновенного двора на улице Менжинского...».

Недалеко от них провёл детство в доме на углу Менжинского и Жданова у бабушки и третий «гений» — Дима Шеваров. Тогда они друг друга ещё не знали, хотя учились в 8-й школе почти в одно время, но соседство их, как показала жизнь, было совсем не случайным и впоследствии вылилось в настоящую человеческую и творческую дружбу.

У них удивительно схожее ощущение детства и эпохи. У Андрея Смолина есть повесть-эссе о Вячеславе Белкове и в ней много примет той во многом благословенной и действительно счастливой их мальчишеской жизни. Обращаюсь к ней потому, что внутри вологодских двори́ков становились характеры, вызревали оригинальные таланты, намечались непростые жизненные пути и непостижимые русские судьбы. «Среда обитания» и сегодня во многом, согласитесь, определяет мироощущение человека, его самочувствие в городе, воспитывает его чувства — любви, добра и красоты.

Тогда, выходя из дома, человек не сразу попадал в мир большой. Путь его пролегал сначала через двор, и он как бы из узкого круга семейного переходил в круг общий — соседский. И лишь потом, отворив калитку или ворота, человек погружался в мир родной ему улицы, которая связывала его с другими двори́ками. Жителем же города человек ощущал себя уже на центральной площади с собором и другими церковными и общественными зданиями и постройками. Переходя из круга в круг, перетекая из одного пространства в другое, человек незаметно подготавливал себя к встрече с городом. И мир его уже не казался ему чужим, поскольку был он органично связан с миром его семьи и обжитого двора.

У них была своя «территория пространства», её, по словам Вячеслава Белкова, «надо было обязательно обойти, освоить, чуть ли не обнюхать...» Её надо было охранять и беречь.

Из повести-эссе Андрея Смолина: «...Сейчас, на прогулке, проходя по любимой Предтеченской, вдруг завернул в тот двор. Наш двор! Вроде, всё как прежде. Вот тут, на углу, стояла церковь св. Екатерины. Для Вологды, может, и обычное явление, но тут дело в ином — она была единственной и неповторимой. Тут я вспомнил, что в этом дворе было Славе явление Галактиона Вологодского. Старец сказал: «Нет у нас книги родства!». Попробуй, пойми: чтобы это значило? Что такое книга родства? Сама известная — Иисуса из Назарета...»

Думаю, это в их жизни и есть то главное, что отличало и отличает мальчишек тех лет от их нынешних сверстников, — мучительно-жгучее постижение родства и обретение внутренней цельности. Родства — со своим двором, с городом, друг с другом, со своим поколением, с род-

ным Отечеством и миром. Андрей Смолин именно из этого поколения граждан древней Вологды.

* * *

Вот с таким благородным душевным настроем, с такой незапачканной биографией, с такой жаждой подвига и служения Родине он появился в училище связи № 30 и сразу попал «под крыло» талантливого педагога, одержимого литературным краеведением, — Валентины Станиславовны Старковой.

Судьба была к Андрею благосклонна и будто вела по жизни к намеченной цели, готовя его к писательскому труду. Можно представить, как благодатно легли тогда на его юную душу, как перекликаясь с ней и в ней, отзывались слова Александра Яшина, которыми Валентина Станиславовна начинала в училище каждый учебный год: «...Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия порой захватывают меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья. И ещё хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полёта души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной и уже никогда не забывал бы этого животворящего, очистительного, святого чувства».

Андрей Смолин был два года старостой литературного кружка «Яшинская рябинка». Вёл его дневник. Где только он с «Яшинской рябинкой» ни побывал (Никольск и Москва, Ленинград и Волгоград). С кем только из писателей — друзей Яшина — ни встретился (Всеволод Вишневский, Всеволод Азаров, Злата Константиновна — вдова Александра Яшина, Борис Непеин). Кружковцы вели переписку с поэтами, знавшими Яшина, — М.Алигер, В. Каверин, С.Лесневский, вдовой М.Пришвина и многими другими. Сам Андрей писал, например, Евгению Евтушенко и Владимиру Солоухину.

Осталась в памяти поездка в Дунино — в дом Михаила Пришвина (рядом с ним одно время Александр Яшин снимал дачу). Их встречала вдова писателя — Валерия Дмитриевна. Андрей вспоминает: «Какая там природа! Родиться можно где угодно, но пожить в таком месте — это, наверное, счастье!»

Он был среди тех кружковцев, о ком писала Валентина Станиславовна: «Помню, как слушали Валерию Дмитриевну мои ребята — для них и для меня это была необычная встреча с удивительной женщиной и с жизнью её дома и усадьбы. Встреча с миром, вроде бы и утраченным нами, но именно с тем миром, который мы пытались тогда найти и обрести в самих себе и по которому искренне тосковали — каждый по-своему...»

Запомнилась Андрею и дружба с писателем-краеведом Борисом Сергеевичем Непеиным: «Моя бабушка танцевала с ним на гимнастическом балу (они с одного 1904 года). Представить только, как размыкалось время для моего воображения. Это был милый-милый старичок, добрый, покладистый. Поил меня чаем с варением...»

Кружковцы собирали воспоминания поэтов-земляков об Александре Яшине: Сергея Чухина, Германа Александрова, Леонида Патралова, Владимира Ширикова. Вместе со всеми он собирал для яшинского музея рукописи и книги, дневники и фотографии, письма, вещи и автографы... «Что там говорить, признаётся Андрей, всех писателей-воложан я узнал много раньше, чем с ними познакомился. Это уже общее место. И печататься я стал благодаря «Яшинской рябинке». Писал заметки в газеты. А потом даже короткие рецензии. Так и пошло...»

Каких только открытий для себя он ни сделал в те благословенные годы. Валентина Станиславовна права: «Мы не только собирали, но и сами в разных жанрах записывали свои впечатления от встреч и поездок — в стихах и путевых заметках, в эссе и в дневниках. И, конечно, размышляли над ними. Уже и наши записи, не побоюсь сказать, сами обрели с годами историческую ценность. Ведь в них кроются мучительные духовные поиски юных земляков поэта. Есть в них и свои ответы на некоторые не простые вопросы...»

Потом было Ленинградское высшее военное училище связи. Там он уже активно сотрудничал с окружной газетой «На страже Родины». Потом учёба на естественно-географическом факультете Вологодского пединститута...

В судьбе Андрея Смолина Валентина Станиславовна Старкова, безусловно, сыграла особую роль. Это она, как вспоминает сам Андрей, заставила его писать заметки в газету, а потом привела «за руку» в газету «Вологодский комсомолец».

Это было уже при мне, когда я редактировал молодёжную газету, и потому помню скромного, но уверенного в себе молодого человека, появившегося на пороге кабинета. Я предложил ему, как сейчас помню, необычное дело, а именно — поразмышлять над статьями из морального кодекса строителя коммунизма. Не каждый, знаю, за это взялся бы, но Андрей согласился. Он, казалось мне, по ним и жил. Потом он съездил в командировку в село Верховажье, а через некоторое время мы приняли Андрея в штат редакции по отделу рабочей и сельской молодёжи, который возглавлял известный ныне журналист и писатель Анатолий Ехалов.

Позже Андрей напишет: «У каждого человека в жизни есть люди, которые нередко становятся роднее самых родных и близких по крови. Так сложилось, что Валентина Станиславовна не ушла из моей жизни даже после окончания ПТУ. Стал ли бы я без неё литератором или журналистом? Всего скорее, да — писательский зуд преследовал меня с детства. Но без неё, наверняка, вхождение в литературную среду было трудней и сложнее, затянулось бы на многие годы. А так с её участием всё получилось довольно легко, будто бы по накатанной колее...»

Тут Андрей, конечно, бравирует. Не думаю, что у него «всё получалось легко», и знаю, что далеко не всё сразу и уж совсем шло порой не «по накатанной колее». Правда, изначально было понятно, что это человек творческий, умеющий думать и размышлять.

Нужны были годы работы в газете, нужен был характер, вера в себя и своё призвание, учёба на Высших литературных курсах в Москве, чтобы сначала утвердиться самому на избранном пути, и уже потом завоевать признание у коллег по литературному цеху.

Валентина Станиславовна Старкова, по признанию Андрея, была не только сердечным и добрым человеком, но и требовательным — к себе и своим бывшим ученикам. Андрей помнит, как она попеняла ему: «что-то редко бываешь на вернисажах в «картинке», не видно тебя и на музыкальных вечерах. Мне стало стыдно, как провинившемуся школяру...»

Где они нынче — такие вот неравнодушные наставники, которые не выпускают из поля зрения своих выпускников и тогда, когда у самих учеников уже вырастают дети?! Где те «сказочные дворы», из которых выходят «в люди» добрые, щедрые и благодарные ученики? Где тот город, который хранил, как оберег, и согревал домашним теплом человека даже вдали от родного дома?..

Время неумолимо, а новое время, ворвавшееся в нашу жизнь на рубеже столетий, как-то разом выхолодило некогда тёплые души. И мы, родившиеся в пятидесятых годах двадцатого века, вдруг оказались один на один с собой на вселенском сквозняке и по-сиротски топчёмся на обочине жизни. Будто остались мы обманутыми в своих ожиданиях и вере — без любимой Родины, ради которой жили и творили, без будущего, всё, созданное нами, в новой России не пришлось ко двору, без цели, у новых поколений она другая — прагматичная, без идеализма и романтизма, с привкусом безудержного потребления.

Потому, может, и обратился Андрей Смолин к поэтическим судьбам своего «забытого» поколения, потому, наверно, так проникновенно и звучат его слова, написанные о творчестве собратьев по перу...

К поэтам своего поколения он обратился тогда, когда уже вошёл в поэтический мир наших классиков — Константина Батюшкова и Алексея Ганина, Александра Яшина и Николая Рубцова, Сергея Орлова, Виктора Коротяева и Михаила Сопина. О каждом из них он написал или статью, или эссе, или книгу.

Но когда он подступался к поэтам, рождённым в пятидесятых годах двадцатого века, я не только приветствовал его, считая, что он взялся за нужное, но деликатное дело и что, кроме него, взяться за него некому, но и по-дружески предостерегал его. У нас даже по этому поводу возникла полемика в письмах.

Я, в частности, писал ему: «Мы, поколение 1950-х, в большинстве своём работали и работаем как раз в русле литературной традиции — и традиции именно классической. Но это тоже важно и для этого тоже надо иметь призвание и талант, волю и трудолюбие. Тут я согласен с Вадимом Кожинным: «только осуществив творческое приобщение к традиции, писатель может стать необходимым звеном в вековой цепи литературного развития: не решив этой задачи, он обречен на простую фиксацию примет

своего времени... Кто мы, пишущие сегодня? Эпигоны или стилизаторы? Фиксаторы примет своего времени?..

Тебе, критик, решать, каков же «удел» каждого из нас и насколько мы «приобщились к традиции», чтобы о нас можно было уверенно сказать как о «звеньях вековой цепи литературного развития». Пусть даже и в рамках «вологодской школы».

Андрей Смолин в ответ на мои предостережения «быть собраннее, убедительнее и осторожнее» отстаивал свою точку зрения. Для него как критика «новаторство современных ему поэтов-земляков заключается в том, как точно они отражают *время*! Нашему поколению, уточняет он в письме ко мне, это удалось через боль трагедии русской деревни». Это его главный тезис. И, пожалуй, в нём есть своя правда, с которой нельзя не согласиться.

Итак, что выделяет литературный критик Андрей Смолин в наших современниках?..

Об **Александре Швецове**: «По итогам семинара молодых писателей Вологодчины 1973 года его имя — главное открытие. Первая книжка стихов «Крылатый снег» вышла в Москве, в 1979 году. Казалось, широкая дорога в поэзию была Александру Швецову открыта. Но в реальной жизни всё сложилось не так легко, как виделось в самом начале «творческого пути». Александр Швецов, отмечу, был одним из немногих в его поколении, кого можно назвать истинным писателем, человеком подлинной культуры. По нынешним временам это огромная редкость. Александр Швецов — «Робин Гуд» нашего времени. Нет, скорее всё же — будущего!.. «Стрелы» его стихов, уверен, ещё долетят до сердец читателей!»

О **Василии Ситникове**: «Стихи В.Ситникова запоминаются правдой отражения жизни, отчасти заменяя ему дневниковые записи. За ними чувствуется бытование настоящего мужчины, чьи взгляды сформировались долгим наблюдением за жизнью районного городка, но какого — Великого Устюга, с его глубиной исторической памяти и культурного наследия...»

О **Михаиле Карачёве**: «Михаил Карачёв от рождения словно бы причастен к высшей тайне бытия, к русскому космосу. Он пропускает через себя весь объём многовекового хронотопа, вмещающее в себя вселенское время-пространство. В его духовном постижении мира есть напор чего-то высшего, даже — потустороннего...»

О **Николае Фокине**: «Основа его творчества — это поэтический дневник, судьба, перелитая в стихи. Николаю Фокину досталась тяжёлая доля: стать летописцем русской деревни, если не периода «полураспада», то очевидно далеко не лучших её времён, и этим оставить своё имя в сердцах и памяти людей...»

О **Лидии Тепловой**: «В её стихах нередко возникают мотивы надрыва, несбывшихся надежд, но поверх этого всегда есть ощущение тепла женского сердца, материнской любви, светлой православной веры. Это проявляется во всём: и в отношении к малой родине, к родным, к детским воспоминаниям, к любимому, к детям, к щенку, к берёзе... Уверен, что мир

человека, соприкоснувшегося с поэзией Лидии Тепловой, станет светлее, добрее и шире. А это очень важно в нашем жестком времени...»

О **Владиславе Кокорине**: «В его творчестве видится глубокая традиция «крестьянской» философии: не просто поминание усопших душ, но и постижение смысла жизни, её космической непрерывности и обязательно с осознанием таинственных сил, характерных для «народного православия». Другая особенность Владислава Кокорина: историзм его мышления. Исторические реалии у него обращены к современности или в будущее, преобразуясь в символику «русского сопротивления».

Эти цитаты из книги Андрея «Рождённые в пятидесятых». А вот отрывки из наших разговоров переписки в то время, когда я работал над очерками о писателях-вологжане, собранных в мою будущую книгу «Колокола литературной звонницы». Он всегда отзывался на мои «критические опыты», иногда даже заставляя меня по-новому увидеть товарищей по нашему поколению.

О **Юрии Максине**: «Мне нравится, как в последние годы работает Юрий Максим. В его стихах проявляется глубина поэтического воплощения нашего времени. Он значительно расширил возможности своей поэтики, она усложнилась, но стала *как бы* даже невесомой, лёгкой, гармоничной. Это уже истинное мастерство поэта. Однажды при мне Василий Иванович Белов назвал Максима «учеником» «петербургской школы» начала XX века. И мне тоже порой кажется такое мнение справедливым...»

Об **Александре Пошехонове**: «В поэзии А. Пошехонова появилась мудрость, солидная основательность. Можно по-разному относиться, скажем, к православным мотивам в его стихах (кому-то это покажется вторичным явлением), но у Александра важно то, что она новом этапе познания себя и земной жизни-прежнему утверждает ценности, достойные русского человека».

О **Виталии Серкове** (из письма-рецензии на мой очерк о поэте): «Я уверен, что ты не совсем правильно понял установки Виталия на творчество. У него в стихах и эпиграммах ирония и самоирония (что очень важно), а также сарказм и юмор направлены как раз против некоторых неопитов православия, лжепатриотов и отпетых графоманов. Он в поэзии часто выступает как критик чужого творчества, иногда даже наступая на горло собственной «песне», очень лиричной временами и проникновенной, кстати. Он воитель в поэзии, это редкое нынче качество в русских стихотворцах...»

О **Наталье Сидоровой**: «Как стремительно и ярко она начинала! Как-то в шутку Вячеслав Белков назвал её даже «Есениным в юбке», что, по-видимому, не совсем справедливо, но отчасти отражает наше восприятие её ранних стихов. А потом в силу её жизненных обстоятельств, оторванности от реальной жизни, стихи Натальи стали более предсказуемыми, где-то и вторичными к ней же самой «ранней». Больше в них стало поэтического мастерства, но от этого они меньше трогают душу...»

О **Василии Мишенёве**: «Да, для Василия его деревня Берёзово — кабинет, как помнишь, говорил Пушкин («деревня — наш кабинет»). Но

почти безвыездное житьё-бытьё в провинции лишает его возможности по-настоящему окунуться в профессиональную среду. Тут есть и несомненные плюсы, но есть и серьёзные минусы. Ему приходится вариться в «собственном соку», пусть и берёзовом... И порой в стихах не выбродивший «сок», а берёзовая водица...

Критик, осмысливая творчество и судьбы поэтов нашего поколения, оговаривается: «Это не возвращение к кондовости или самоизоляции словесных представлений о мире, тут забота иного плана — высшего: как всё происшедшее и происходящее может отразиться на будущем России-Руси?.. Вот какой историко-философский тезис лежал и лежит в основе раздумий *нашего* поколения! Это нашло отражение и в их творчестве (в разной степени творческого воплощения)...

Потому и слово Андрея Смолина о поэтах-современниках пока кратко и тезисно и пока не о каждом, а только о тех, кто ему ближе по духу и ценностным установкам. Открывать дорогие имена он намерен нам постоянно: «Не ставил я цели всё договорить до конца, это только «затравки» на будущее и для других». Надеюсь, завтра слово его услышат, и оно пригодится для новых читателей. Главное, что сделан зачин, а за ним, верится, будет и продолжение...

Да, мы все родом из деревни и потому в жизни у нас много общего — от раннего взросления в трудах крестьянских до поздних прозрений в чужих городах вдали от родительского дома. Каждый из нас мог бы сказать, что он, именно он «последний поэт деревни», потому что именно на веку нашем набирал силу трагический исход деревенского люда в города и райцентры — исход добра, любви и духа. Этот исход, как селевой поток, подхватил и нас на перекрестках больших дорог, разбросав без жалости по городам российским и весям.

Такое время уже не повторится никогда, и потому оно, пережитое нами, так учащенно пульсирует в стихах моего поколения — светло и трагично.

Андрей Смолин прав, когда пишет о том, что никто из нас не был избалован вниманием критики. И не потому, что мы его не заслужили. Просто такое на долю нашу выпало время — время очередной российской смуты и крутой смены не только исторических, но и духовно-нравственных ориентиров. Не все, к сожалению, прошли до конца путь, предназначенный судьбой. Кому-то не хватило сил, кому-то просто удачи и везения. Но мы, ныне здравствующие, никого не забываем.

Свидетельством тому и книга Андрея Смолина о поэтах нашего поколения и мои о нём заметки. Надеюсь и верю, что в будущем к их творчеству, в котором звучит голос отзвеневшей эпохи, проявят интерес и критики уже иных поколений, чтобы лучше понять и почувствовать весь драматизм порубежного времени на стыке старого и нового тысячелетий.

Декабрь 2011 года
(Публикуется в сокращении)

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

(Литературная Вологда: вчера и сегодня)

Виктору Плотникову,

Александру Цыганову

Родоначальником «вологодской» светской литературы является Константин Николаевич Батюшков. Раньше было большим риском назвать его поэтом «вологодским», сведущие люди понимали, что его поэзия мало имеет отношения к самой Вологде, она обусловлена «итальянскими впечатлениями», несёт в себе мощным зарядом западноевропейский романтизм, хотя к концу творческого периода в своей биографии Батюшков многое переосмыслил, все больше уходя от романтизма к русскому реализму.

Это, как можно справедливо признать, предвестие Пушкина и Лермонтова. В.Белинский считал, что Батюшкову совсем немного оставалось перейти грань от большого таланта к гениальности, но сделать этот шаг ему не позволила болезнь. Теперь очевидно, что Батюшков по творческой ориентации своей всё-таки «западник», хотя и с русской душой. Так вот, начавшись с «западника», литературная Вологда потом никогда особо к «западничеству» и не приближалась, словно получив прививку от этой «заразы».

Последовавшие за Батюшковым Василий Красов, Василий Сиротин («Раз из трактира иду я к себе, Улица пьяною кажется мне. Левая, правая где сторона? Улица, улица, ты, брат, пьяна...»), Феодосий Савинов — уже поэты чисто русские, почти без примеси влияний иной культуры.

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля.
Это русское раздолье,
Это русская земля!..

Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский Бог...
Это значит — русский духом
С головы я и до ног!

Это — Феодосий Савинов, уроженец города Тотьма. Если первую строфу этого стихотворения знают как зачин народной песни, то послед-

нюю (она на многие десятилетия была просто-напросто запрещена) едва ли кто вспоминает и поныне, кроме истинных знатоков вологодской поэзии, Ф.Савинов не принадлежит к первому ряду русских стихотворцев.

Никто не говорит, что в литературном произведении надо так откровенно утверждать свою общественную позицию, у поэзии свой инструмент влияния на умонастроения читателя. А с другой стороны, отчетливость этой самой позиции быстрее привлекает, чем отталкивает, заставляет задуматься о нравственной силе не только, как теперь иной раз говорят, «текста», но и его создателя.

Всё это отправные точки нашего разговора.

Говорить о каком-то «рамочном» литературном процессе в Вологде ни века девятнадцатого, ни начала века двадцатого, нет оснований. В то время существовали кружки творческой интеллигенции, чаще из ссыльных, но погоды в самом процессе они не делали.

Ситуация изменилась лишь в 1920-е годы, когда литераторы Вологды объединились в группы «Борьба» и «Спайка». Чем они там отличались, разбираются лишь историки, писатели, скорее всего, входили в них на условиях личной приязни или приемлемых творческих пристрастий. Но зачем к одним приезжал литературный критик И.Гроссман-Рошин, а к другим одессит Э.Багрицкий, едва ли представляется большой загадкой: хотелось им выходцев крестьянской Вологодчины подтолкнуть на «путь истинный», то есть к инородной культурной среде.

Отчасти им это удалось, слишком разнополярное брожение умов наблюдалось в ту эпоху, но и добром не закончилось, группы эти как-то быстро исчезли, почти не оставив ни только заметного следа в истории литературной Вологды, но и более-менее достойные имена в русской литературе, кроме Алексея Ганина, который, однако, никуда особо не примыкал.

Есть, впрочем, ещё одна загадка в истории литературы в Вологде. Когда в 1935 году инициировали организационное собрание писателей Северного края, в который входила наша область, вологжане были представлены на нём поэтом А.Яшиным и прозаиком К.Коничевым. Но почему при обратном разграничении в 1937 году Северного края на области не была поделена «общая» писательская организация, теперь понять нельзя. Наверное, некого было «делить», а поэт А.Яшин отправился уже в то время в Москву. Архангельск, к слову, датой рождения своей писательской организации считает 1935 год...

Литературная жизнь в Вологде после этого лет пятнадцать практически едва теплилась. А возобновилась лишь к концу 1940-х годов. Первое областное совещание писателей состоялось в 1949 году. Это — существенный шаг к организационному объединению литераторов-вологжан. Но только в 1961 году в Вологде появилось отделение Союза писателей РСФСР.

А было так: дождливым днём, во вторник 25 июля 1961 года, в обкоме партии (КПСС, понятно), располагавшемся тогда в бывшей гостинице «Ормитаж» на бывшей же Афанасьевской площади Вологды (ныне — ад-

министрация Вологды), собрался литературный актив и партчиновники. Герои дня — семь человек, к той поре в других городах принятые в члены Союза писателей СССР. Над ними незримо витала тень восьмого, а восьмой этот — ни кто иной, а Александр Яковлевич Яшин. Именно он устно и письменно настаивал в «верхах»: Вологде необходима своя писательская организация!

Но перед собравшимися выступал не поэт А. Яшин (Попов), а секретарь обкома тов. А. Сталь («Сталь» — партийный псевдоним). Он — идеолог Вологодского обкома того времени. Говорил А. Сталь довольно долго, всё с упором на единство партии и народа, об обязанности советских писателей помогать «родной партии» в строительстве коммунизма, незадолго до этого провозглашённого на 22-м съезде КПСС «светлым будущим» нашей Родины. Речи тов. Сталя литактив внимал с показушным усердием, не очень, по-видимому, соотнося в головах основную цель собрания с перспективами «светлого будущего», больше думая о предстоящем банкете. Ведь всем было понятно: идеолог обкома сейчас расставляет «барьеры», за пределы которых будущая организация писателей выходить не имеет права.

Итогом учредительного собрания стал протокол о «создании», который и утвердили «семеро избранных». Тут же «назначили» председателем новоявленной организации Сергея Викулова и оправились на праздничный банкет.

Только там, остынув от высоких и просто высокопарных слов, оглядевшись друг на друга, герои дня приздумались: как жить дальше? Действительно, что их могло объединять? Два бывших фронтовика, выходцы из глухих вологодских деревень (Сергей Викулов, Иван Полуянов); бывший петербуржец, моряк, а потом районный писатель-краевед (Виталий Гарновский); бывший «враг народа», «рабочий поэт» (Аркадий Сухарев); комсомольский газетчик, но имеющий глубокие крестьянские корни (Александр Романов); тоже бывший фронтовик, а потом профессор пединститута, белорус-шолоховед (Виктор Гура); дважды репрессированный, еврей-пушкинист (Виктор Гроссман) — едва ли можно представить более странную компанию за одним столом. Если это не фарс, то трагикомедия — точно, но из «песни», как известно, слов не выкинешь.

Маловероятно чтобы в тот день кто-то из них много размышлял об идейно-творческой «платформе», эстетических и этических принципах новой организации. Едва ли кто-то вообще представлял, что привнесло закончившееся собрание в летопись Вологодчины, человеку редко дано почувствовать высокую значимость события в тот миг, когда история творится.

Своим чередом пошли рабочие будни. Очень скоро, в ближайшие два-три года, выяснилось, что собрание семёрки «отцов-основателей» не прошло впустую. Организация оказалась своеобразным магнитом для молодых талантов. Вскоре в ней объявился Анатолий Гусев, уроженец Устюжны, переселившийся в Вологду из Прибалтики, где трудился моряком торгового флота. Приехала после учёбы в Литинституте в Москве Ольга

Фокина, за ней — Василий Белов; были приняты в члены Союза Николай Угловский, Виктор Коротаев, Борис Чулков...

Случилась негаланно и первая смерть, словно положившая начало многим другим трагедиям с вологодскими писателями. Молодой, 32-х лет, довольно талантливый поэт Анатолий Гусев погиб во время любовного свидания, от разрыва сердца. Смерть его долгие годы была предметом пересудов в среде вологодской художественной интеллигенции, став где-то легендарной, но тогда вряд ли кто подумал, что это, быть может, и «знак» свыше — поэтам бы надо быть поосторожнее с женщинами...

В тот же год (1964) стал частонаведываться в Вологду Николай Рубцов, ещё без мысли о постоянном здесь жительстве, но уже пристально вглядывающийся в литературную атмосферу родного края.

Но было в эти начальные для организации годы другое событие, которое как-то сразу определило и этико-нравственные начала нового писательского сообщества. Тут снова вспомним про «тень» Александра Яшина, витавшую над участниками собрания 25 июля 1961 года.

«Вологодская свадьба» А. Яшина (опубликована в 1962 году в журнале «Новый мир») вообще впервые многим в России напомнила, (а, возможно, стала открытием для кого-то), что есть такой город или, точнее, весь «территория», где ещё каким-то необъяснимым образом законсервировались русский дух и святая патриархальность, лишь тронутые веяниями времени. Особенно в самой глубине народного повседневного бытования, где так причудливо соединились обычаи «старины глубокой» и новые — советские — обряды.

«Вологодская свадьба» все 1960-е годы была на слуху, о ней толковали так и эдак, но было очевидно, что она привнесла новую струю в русскую литературу, обновляя современное понимание хорошо, казалось бы, известного термина — народность. О «народе» в то время было принято говорить с позиций «передового учения», как «объекте» политико-воспитательной работы. А русский народ, откровенно говоря, отринув партийные поучения, оставался верен своим корневым представлениям о смысле и формах бытования, заложенных предками, имеющих в основе традиции и символы «народного православия», а в чём-то и языческих верований.

Александр Яшин показал пример личного мужества и творческой уверенности в себе, обратившись к такому срезу народной жизни. Как-то неожиданно «патриархальная» Вологодчина решила проявить свою «продвинутость» в идеологии и устроила широкие обсуждения «Вологодской свадьбы» с «суровыми порицаниями» автору. Всё это стало испытанием и для вологодских литераторов.

Хорошо известно, что открыто и прилюдно на защиту Яшина и его «Вологодской свадьбы» встал только Александр Романов! (Викулов был на учёбе в Москве; Фокина, Белов, Рубцов в то время в Вологде ещё не жили.) Остальные же?.. Отмолчались, затаились, переживая ураган.

Стало ясно, что выбор придётся сделать каждому и **всем вместе**. Ведь нельзя усидеть между стульями: либо ты — «подручный партиидеком-

мунистическом строительстве», либо ты — заступник народный, совесть и «голос» русского народа. Выбор, согласишься, нелёгкий и ответственный не только по тем временам, но и сегодня тоже.

А тут ещё «громом с ясного неба» повесть «Привычное дело» Василия Белова, впервые опубликованная в журнале «Север» в 1966 году. Уже был сам термин «деревенская проза», но именно повесть В.Белова была названа *как бы* её эталоном (в литературе эталона быть не может): «...с «Привычным делом» В.Белова... проза пыталась взглянуть на деревню и вообще на народную жизнь изнутри её, без глобально-публицистической дедукции, и работала в соответствующих стилевых формах», — так об этом писал литературный критик Владимир Гусев.

«Деревенская проза» — это, как правило, реализм в точном смысле слова, т.е. реализм и по методу и по стилю. — Продолжает анализировать стилевое явление известный критик. — Повествование разворачивается «от имени Господа Бога» или даже и от первого лица «самого» автора, тут не в этом суть. Суть в том, что жизнь предстает в её дневной, практической модели, что перед нами проходят замкнутые в себе, объективные или сориентированные на объективность характеры, что сама жизнь предстает в ее народном многообразии и понимается как объективный социально-житейский и социально-психологический поток, а не как внутренняя жизнь по преимуществу. Внешние стилевые факторы формы привязаны к нормам правдоподобия, жизнеподобия, народной материальной «толщи» как принципа жизни».

Цитата сложная, на первый взгляд. А суть её довольно проста. «Писатель Белов» в «Привычном деле» словно бы растворился, а появился «сосед» или, как сказали бы раньше в северной деревне — «сродственник», поведавший историю Ивана Африкановича и Катерины Дрыновых. Сам жанр современной стилизации под «сказ» (скажем, Николая Лескова, хотя давно утверждён термин «беловский сказ») определял искренность и доверительность, откровеннейшую интимность душ героев повести, тем самым выводя «сказ» Василия Белова как бы за пределы литературы, а оставалась его жизненная основа, трагическая и подлинная в своём сюжете. Никто в русской литературе до Белова не смог поднять на такую высоту природноесамосознание русского крестьянина.

Не прошло и года после выхода «Привычного дела», как в московском издательстве «Советский писатель» печатается книга стихов Николая Рубцова «Звезда полей» (1967). Многим из сведущих людей стало ясно: в России появился «долгожданный поэт» (Глеб Горбовский).

Тогда это ещё не особо осознавалось, но ныне отчётливо видно, что Николаю Рубцову удалось оставить после себя целое направление в русской поэзии. Его неудачно называли «тихой лирикой», потом поправились. Конечно, нет в поэзии Николая Рубцова никакой «тишины». Есть наполненность самой народной жизнью в её различных проявлениях. Поэзия Рубцова — это «голос» народа.

Вадим Кожинов, выдающийся русский литературовед, так выразил эту мысль о творчестве Н. Рубцова: «Зрелые стихотворения Николая Руб-

пова отмечены печатью подлинной народности и человечности. Здесь необходима оговорка «подлинной», ибо пишется масса стихов, которые лишь претендуют на народность и человечность. В таких стихах много говорится о народе, его истории, рисуются картины русской природы и т.п. Но всё это остаётся лишь внешней темой. Между тем поэзия Рубцова не просто говорит нечто «о народе», (а также об истории и природе); в ней как бы говорят сами народ, история, природа. Их естественные «голоса» звучат в голосе поэта.

Тогда на этом осмысление творческих итогов Николая Рубцова едва ли закончилось. Может показаться, что всё это междусобойчик критиков, а поэзия вообще, и Рубцова в частности, существует сама по себе, ей дела нет до теоретических изысков. Всё это так! Но есть уверенность, что поскольку мы «не договорили» ещё и о Рубцове, то последующие поколения русских поэтов тем более остаются как бы «бесхозными», то есть выпадающими из истории литературы.

Сейчас важно замолвить новое слово о новаторстве Николая Рубцова в русской поэзии. Это никогда не было особым акцентом в диалогах о поэте. Однако же сами эмоционально-лингвистические определения его поэзии, такие как «выдающаяся», «долгожданная», «органическая», (иногда — «гениальная»), должны бы подсказывать нам, что у поэзии Рубцова есть черты новаторства. А какие? Поставит ли этот вопрос кого-то в тупик? Если нет, значит, действительно место Николая Рубцова в современной поэзии уже определено.

Ведь не будешь спорить с тем, что Рубцов в своей идейно-художественной позиции шёл от ощущения, что в мире господствует высшая гармония, которую необходимо на новом этапе закрепить в поэтическом слове. Как и с тем, что, по мнению Рубцова, человек — только часть природы, её составная часть, что определяет наличие у «гомо сапиенс» недосказанной в душе высшей духовности, а не только материалистических знаний.

И это вновь стало утверждаться в ту пору, когда загадочный космос стал осязаемой реальностью земного бытования (первые полёты в космос не только аппаратов, но и человека). Рубцов же увидел совсем другое: его возвращение к русскому «крестьянскому космосу», его ценностям, вдруг стало (будем говорить так: почти на пороге новой эры, техногенной и взрывоопасной по своим законам развития, сумасшедшей в своём разрыве человека с природой), сущим откровением для читателей. А они в это время, закинув головы, смотрели не на звёзды, а тем более не на «сон столетий, божий храм», а на жёлтый мигающий прожектор очередного спутника, несущегося посреди ночного неба.

Выдающийся поэт, а Рубцов, без сомнения, таковым был и остаётся в русской литературе, всегда отражает своё время. Несмотря на противоречия и сложности своей эпохи, он стремился создать гармонию высшего порядка. Будем откровенны, в той эпохе удалось это только Николаю Рубцову. Другой стороной новаторства Рубцова в то время стала кажущаяся «неслыханная простота» (Пастернак) его поэтических средств, наивно-

ритмическая в своей естественной основе, в реалистически-жизненной достоверности сюжетов.

...Да, выше намеренно приведены цитаты литераторов «со стороны», чаще — столичных, умных и объективных. Им-то уж не было нужды славословить писателей-вологжан. Но сейчас важно другое! Видим, как сложно и неоднозначно выкристаллизовывалась идейно-творческая «платформа» литературной Вологды того времени: традиционность, реализм, народность. И как она шла поверх барьеров «общественного мнения», чаще всего опиравшегося на партийные установки и рекомендации.

К тому времени набрали подлинную силу Александр Романов, Ольга Фокина, Виктор Коротаев, Борис Чулков, Анатолий Петухов, Владимир Железняк (Белецкий)... Их уже знала читающая Россия, тонко различая литературный «голос» почти каждого писателя-вологжанина.

В 1968 году тяжело и мучительно уходит из жизни Александр Яшин. Как потом скажет Александр Романов, литераторы Вологды «просто осиротели». Ведь во многом через Яшина, по словам Романова, шли магнитные линии притяжения Вологды и столицы — чего стоит тот факт, что Яшин дал рекомендации в Союз писателей Василию Белову и Николаю Рубцову(!). Но своим незримым, деятельным присутствием он объединял писателей и в самой Вологде, бывая здесь только наездами из Москвы.

Игорь Шайтанов высказал однажды мысль, что поживи ещё какое-то время Яшин, «литературная Вологда» быть могла бы другой: без замкнутости (надо полагать, на самого себя) и «переменам не подверженной». Но мнение это, по-моему, от лукавого. Уроженец Вологды, но рано покинувший свои «пенаты», профессор Шайтанов излишне упрощает ситуацию. Определённая «идейная», отчасти — и творческая, «замкнутость» литературной Вологды потому и стала проявляться к концу 1960-х годов, что слишком многие в Москве достаточно агрессивно отвергали то, что заложил в писателях-вологжанях именно Александр Яшин. А своеобразная «неподвижность» в творческих поисках стала формой самозащиты. Как показало время, «самоизоляция» оказалась одним из условий сохранения не «местного колорита», а именно общенациональных ценностей.

Тем более что в 1969 году в Вологду переезжает Виктор Астафьев, который терпеть не мог какой-либо «замкнутости» и любых искусственно воздвигаемых барьеров. Конечно, Астафьев (и Василий Белов тоже) — это, прежде всего, художники по своей личностной ориентации. Всяческие «игры» в идеологов им претили. Да они по сути своей к этому и не стремились. Хотя, понятно, что их влияние на литературную ситуацию того времени в Вологде было очень значительным. Но они имели на это право, отстаивая его своими творческими достижениями.

«Вологодский» период (1969-1980) Виктора Астафьева отмечен яркими страницами в культурной жизни Русского Севера. Пребывание здесь столь крупного и значительного писателя прямо и косвенно влияло на творческую атмосферу, создавало особую культурологическую среду. И теперь через него (в частности), как раньше через Александра Яшина, ли-

тературная Вологда раздвигала свои границы, как говорится, от «Москвы до самых до окраин».

Но надо было подводить итоги становления писательской организации в Вологде. Сделано это было самым неожиданным образом. Октябрь 1970 года отмечен небывалым наплывом советских писателей в вологодские пределы. Дело в том, что Союз писателей РСФСР затеял грандиозное мероприятие-акцию: выездной секретариат Союза на Русском Севере. Проходил он в Архангельске, где подробно и много говорили о писателях-вологжане.

В докладе о современной поэзии Сергей Орлов отмечал, что «русская советская поэзия не может быть разделена на «столичную» и «провинциальную»... С этой точки зрения Орлов анализировал стихи Николая Рубцова, подробно останавливался на близкой к фольклору поэзии Ольги Фокиной, говорил о публицистически остром ощущении современности у юного Александром Романовым, вещем изображении мира у Бориса Чулкова. В докладе о «северной» прозе Сергей Залыгин много места уделил произведениям Василия Белова, Виктора Астафьева, Ивана Полуянова...

Затем деятели литературы на поездах и самолётах «ЯК-40» перебрались в Вологду. Только перечисление тех писателей, которые тогда побывали в нашей области, заняло бы много места. Но стоит назвать хотя бы такие имена: Сергей Михалков, Сергей Залыгин, Сергей Орлов, Анатолий Анянцев, Григорий Коновалов, Егор Исаев, Павел Нилин, Виктор Боков, Виль Липатов...

Как водилось в таких случаях, писатели «пошли в народ», проводя многочисленные встречи на предприятиях и учебных заведениях Вологды и Череповца, некоторых райцентров. Завершилось это грандиозное мероприятие большим литературным вечером в Доме политпросвещения областного центра.

Выездной секретариат Союза писателей РСФСР 1970 года стал важнейшей вехой в литературной истории вологодского края. Оценка литераторам, живущим в Вологде, дана была высочайшая, а это стало поводом для теоретических изысков критиков и литературоведов. В том же октябре 1970 года, в газете «Литературная Россия», московский литературный критик Всеволод Сурганов впервые упомянул термин — «вологодская школа» современной литературы. Проговорил он его вскользь, *как бы* между прочим, но потом его подхватили многие исследователи литературы.

Например, замечательный русский литературовед Юрий Селезнёв позднее писал: «Очевидно признание того факта, что «вологодское» явление, как его не оценивай, — явление далеко не местное, но скорее всеобщее, что к нему в равной мере причастны и Сибирь, и Кубань, и Урал, и Центральная Россия, что чуть ли не повсеместно можно отыскать свое «возрождение» и что все эти местные явления — только взаимосвязанные и взаимообусловленные «фрагменты» единого процесса».

Тогда ещё можно было говорить о едином литературном пространстве страны; сегодня это почти анахронизм.

Между тем, надо признать, литераторы Вологды приняли сам термин «вологодская школа» довольно прохладно, если не сказать больше. Многие из них старались его избегать не только в то время, но и в наши дни. Хотя понятие «школы» существует в литературоведении издавна, ничего зазорного в этом нет. Кстати, и географические определения в названиях «школ» приняты довольно широко: «московская», «одесская», «смоленская», «лианозовская»...

Смущало не только то, что литературная Вологда могла оказаться, как выразился один московский критик, «школой местного колорита», хотя и сохраняющей «общенациональные традиции». «Школа» почти неизбежно предполагает наличие «учителей» и «учеников», а ещё хуже — эпигонов. А на любую из этих ролей вряд ли бы кто в открытую согласился. Даже Александр Яшин для писателей-вологжан не был «учителем», чаще — наставником (обычно — духовным), а эти слова — учитель и наставник — хоть и одного синонимического ряда, но ведь по своей лексикологической окраске они всё-таки различны.

Впрочем, В.Сурганов, тем более — Юрий Селезнёв, подспудно видели в «вологодском явлении» обновлённое возвращение к идейным и стилистическим принципам «натуральной школы» 1840-х годов (прежде всего по части пристального внимания к жизни «простого» народа); преодоление застарелых канонов стилистики советских писателей, отдававших дань «сельской» тематике в 1940-50-х годах. «Вологодская школа» (как некогда и «натуральная») представлялась объективным критикам не чем-то замкнутым, а, наоборот, явлением широким и полнокровным, без «учителей» и «учеников», а вполне полноправных и независимых друг от друга её участников.

При этом «прочитывалось», что к «вологодской школе» могли бы принадлежать иркутяне Валентин Распутин и Александр Вампилов, курянин Евгений Носов, краснодарец Виктор Лихонос, архангелогородцы Фёдор Абрамов и Владимир Личутин, и даже — москвичи(!) — Юрий Казаков или Георгий Семёнов, например. Сюда же — произносилось тогда шёпотом на «кухне» — мог относиться и Александр Солженицын, скажем, со своим рассказом «Матрёнин двор» да и с повестью «Один день Ивана Денисовича» тоже... Все они, кстати, бывали в Вологде, есть в ней необъяснимая притягательная сила.

В таком случае, Впрочем, можно признать, что наименование «школы» — «вологодская» — узковато, не отражает истинный размах явления. Но скажите, в каком ещё областном центре (одном из самых маленьких в России) одномоментно собиралась такая «Могучая кучка» (использую термин В.Стасова): Василий Белов; Виктор Астафьев; Николай Рубцов; Ольга Фокина; Александр Романов; Виктор Коротаев; Сергей Чухин... Что не имя, то ярчайшее или неординарное явление в русской литературе высшего уровня.

А идти-то надо, быть может, от Батюшкова, Красова, Савинова, Брянчанинова, Гиляровского, Засодимского, Ганина, Ключева, Игоря Северяни-

на. Не забывая Варлама Шаламова, Александра Яшина, Сергея Орлова, Сергея Викулова, Феликса Кузнецова, Валерия Дементьева, Владимира Гендрякова... Какая уж тут «школа» — самая настоящая «академия»!..

«Вологодская школа» будет потом «вписана» в то направление современной литературы, которое назовут более удачно — «почвенническое». Но первоначальной сути это не меняло — литературная Вологда с начала 1960-х годов обрела свои подлинные очертания и духовно-творческие ориентиры, с отчётливым упором на сельскую тематику.

Отглядываясь теперь на явление «деревенской» литературы, мы зачастую спрашиваем себя: почему же писатели, живущие в Вологде, приняли это и добились (пока) в ней наибольших успехов?

Тут надо вернуться где-то в 1940-50-е годы. Становление многих писателей-вологжан, выходцев из северной деревни, происходило в условиях истинного «закрепощения» крестьянства. Это вызвало сильные «протестные» настроения. Выразить их в то время можно было только посредством... художественного слова. А «протестность» всегда обладает сильнейшим эмоциональным зарядом, придающим стихам и прозе особую привлекательность.

При этом, что очень важно, например, «Привычное дело» Василия Белова или «Последний поклон» Виктора Астафьева (многие главы написаны в Вологде), не были своеобразным реквиемом русской деревне, как теперь стали считать многие литературные критики. Тогда ещё русская деревня, значительно обескровленная насильственной коллективизацией и войной, обреталась полноценной жизнью, сохранялись надежды на возрождение её в формах и традициях многовекового бытования. Пафос «деревенской» литературы в том и состоял, что была уверенность: в нашей стране «всему начало — плуг и борозда» (Сергей Викулов), что никогда не потухнет «огонь родного очага» (Ольга Фокина).

«Деревенская» литература отличалась в то время социальным оптимизмом. Тогда казалось: прекратится «притеснение» крестьянства, выраженное в необузданных «реформах села»; будут направлены целевые денежные вливания; расширят «приусадебные участки», выделят удобные покосы; обустроят на современный манер социальную сферу — русская деревня вновь обретёт свою животворительную силу. По сути, писатели сельской тематики мечтали об определённой консервации традиционного деревенского бытия и вековых нравственных устоев. Это и отражалось в их многочисленных произведениях.

Как это часто бывает, любая направленность в литературе обладает, как сильными, так и слабыми сторонами. «Сила, конечно, в самой органичности и исходности материала, — размышлял в те годы русский литературный критик Владимир Гусев, — в мощи первичных ценностей, в острой постановке вопроса, в чем же *прочность, традиция* человека в нынешнем динамическом мире; слабость — в иллюзии герметизма деревни, в прекраснотушной мечте, что мир таков, *может быть* таким, каким мы представляем его, сунув голову в чистый, влажный зеленый куст какого-

нибудь чернотала или краснотала; но мир — вот он, вокруг, в просторе, и человек, даже дремля в зное, в общем-то, всё равно знает в душе, что впереди — дорога».

«Дорога», понятно, в данном случае символ не просто движения, а преобразований. Но тут следует и важное замечание, что «деревенская» литература, как явление, была необходима, чтобы выразить новые тенденции в духовной составляющей общественного сознания, вдруг появившегося необходимость возвращения к истокам страны, имевшей название «Россия, Русь», обозначено так же слитно, как и в известном стихотворении Николая Рубцова.

Иллюзии на возрождение русской деревни, однако, скоро закончились. «Деревенская» литература пришла к пафосу «прощания» с прошлым. Одним из первых это отразил Василий Белов, в недостаточно понятой, на мой взгляд, книге «Воспитание по доктору Споку». Адаптация вчерашних «крестьянских детей» в урбанизированной среде — трагедия не меньшей силы, чем «умирание» самой русской деревни. Истоки многих этико-нравственных проблем современного общества надо искать в насильственном (даже — революционном!), сломе многовекового уклада жизни на новый, излишне стандартизированный для всех и каждого. Когда ещё об этом заговорили писатели? Но, как водится на Руси, слушали их очень и очень плохо.

...Первое десятилетие Вологодской писательской организации (1971) закончилось, как повсеместно теперь известно, «вологодской трагедией»: от рук убийцы (в прямом смысле этих слов) погиб Николай Рубцов... Как это ни парадоксально и страшно осознать, смерть его стала началом всенародного признания поэта. Но постижение русским народом поэзии и судьбы Рубцова опять притянуло внимание к литературной Вологде, на десятилетия вперёд определяя её отнюдь не периферийное значение.

* * *

Не секрет, что литературная жизнь — это более широкое понятие, чем собственно литературный процесс. Если «процесс» — это книги и критика на них, то «жизнь» — это всё, что процессу сопутствует.

Надо заметить, что сама фигура более-менее активного писателя в то время вызвала неподдельный интерес в гражданском обществе. Встречи писателей с читающей публикой, кстати, бывали очень интересными, будоражащими некоторые общепринятые нормы; нередко на них высказывались крамольные по тем временам мысли и проблемы, которыми озабочилось писательское сообщество, не всегда имея возможность донести их со страниц книг или печатных СМИ. И хотя, как ныне это называется, в идеологической и общественной сферах жизни наблюдался «застой», писатели-вологжане уже заглядывали вперед, имея для этого подпитку идей и фактуры, недоступных массовому читателю.

По-видимому, к концу 1970-х годов начали устанавливаться связи писателей-вологжан с некоторыми русскими национал-патриотическими

организациями в Зарубежье, в частности с НТС (Народно-трудовым союзом). Во всяком случае, уже в начале 1980-х в Вологде имели место случаи хождения журнала «Вечер», издаваемого в Мюнхене русским патриотом Олегом Красовским. И других изданий Русского Зарубежья тоже, например, журнала «Посев». Важен факт, что информационные источники писателей, причисляемых к «вологодской школе», были намного шире, чем об этом принято думать.

Сюда же примыкает и пресловутый «еврейский вопрос». Раздували его всегда и всюду сами сионисты, почему-то взяв на себя право накладывать бесконечные табу-барьеры на «еврейскую тему», действуя нагло и провокационно.

Разумные люди понимают, что это из тех «вопросов» едва ли разрешимых в ближайшей перспективе. Даже не самые последние творческие личности, такие, как выходец из Вологодчины писатель Владимир Тендряков (он называл всех писателей-вологжан людьми «с душком», с антисемитским душком, разумеется, как об этом вспоминал В.Белов), не смогли в нём разобраться, конечно, не имея той информационной базы, которая ныне доступна каждому русскому читателю. Тут надо (хотя бы!) внимательно освоить книгу А.Солженицына «Двести лет вместе».

Впрочем, какие там «200 лет»?..

Всё это идёт от ветхозаветных времён. А на Руси от времени принятия православия: «Согласно «Повести временных лет», до крещения князя Владимира имело место «испытание вер»: Владимиру предлагались, в частности, ислам из Волжской Булгарии, иудаизм от хазар и латинство. Все они были отвергнуты князем по различным причинам». Естественно, «отвергнутые», особенно, «иудеи», продолжали свои атаки на русское самосознание, имеющее совсем другое воззрение на идейное развитие нашего народа.

«Еврейский вопрос» во второй половине двадцатого века был так сознательно запутан, что даже Виктор Астафьев поддался на провокацию историка Н.Эйдельмана: «...На этом фоне уже пустяк фраза из повести «Печальный детектив», что герой в пединституте изучает лермонтовские переводы с немецкого вместе с «десятком еврейчат». ... Или тут обычная астафьевская злая ирония насчет литературоведения: вот-де «еврейчата» доказывают, что Лермонтов портил немецкую словесность, ну, а сами-то хороши...»

«Печальный детектив», как хорошо известно, создавался во многом на «вологодском» материале, в нём хватает вполне узнаваемых цитатных фактов из областных газет «Красный Север» и «Вологодский комсомолец», такие исследования проводились.

В.Астафьев ответил очень достойно: «У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем дойти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам «эсперанто», «тонко» названном «литературным языком». В своих шовинистических

устремлениях мы можем дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, — собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже «приберём к рукам» и, о, ужас! о, кошмар! сами прокомментируем «Дневники» Достоевского...

В бытовавшей практике литературной Вологды никакого «антисемитизма» или «русского шовинизма» особо не наблюдалось. В «еврейчата» почти всегда попадали как раз русские, склонные к «западничеству», к какому-нибудь «поп-арту», а то и к простому конформизму с чуждыми веяниями в русской культуре. Их было не так много в те времена, сегодня — «пруд пруди». Но это только подчёркивает глубину проблемы.

Вполне естественно, что более пристрастно в писательской среде обсуждались внутренние проблемы общественной жизни страны. И, прежде всего, положение русского крестьянства. Послевоенная индустриализация, тенденции урбанизации, характерные, понятно, не только для Советского Союза, вызывали серьёзную озабоченность представителей «вологодской школы».

Если по переписи населения 1937 года, вроде бы сильно фальсифицированной, сельское население Вологодчины составляло более 70 процентов, то по переписи 1979 года уже менее 35, при этом с сёлами-райцентрами. Такой массовый, но по историческим меркам очень быстротечный, можно сказать, на глазах одного поколения, отток сельского населения был крайне болезнен, тревожен: реальная смена уклада жизни — всегда трагедийное явление. Заметим, что тут не случайно соотносятся идейные проблемы общественного характера и чисто литературно-творческие. Не секрет, что они всегда находятся в единстве, влияние их на массового читателя неоднократно проверялось практикой жизни.

А если вспомнить, что и в писательской среде Вологды в то время уже возникали какие-то трения, то, по всей видимости, в идейной сфере они и касались как раз «вопроса» о русском крестьянстве. Разногласия на этот счёт были, ибо как говорится в таких случаях, «двух мнений быть не может», а были не два и не три, а гораздо больше. Иногда можно услышать такую фразу: сколько писателей, столько и мнений, и это не так уж и далеко от истины, любой художник слова откровенно дорожит собственным мнением, «личным взглядом» на любую проблему. Тем более, если оно отличается от общепринятого на данный исторический момент. Иное дело, насколько такое мнение «прогрессивно» или «консервативно» в плане исторической перспективы, но об этом чаще всего судят уже потомки.

Идейные поиски писателей-вологжан не оставались без внимания идеологов КПСС. Если о том, что говорил А. Сталь 25 июля 1961 года, мы знаем лишь в пересказе, то, что в 1980 году «думал» первый секретарь обкома А.С. Дрыгин, хорошо известно из первоисточника. Тут обратимся к его статье «От корней народа» (сентябрь 1980 года, газета «Сов. Россия»).

Статья начинается как бы издалека — от Константина Батюшкова, потом зачем-то вспоминается Владимир Гиляровский, который, оказыва-

ется, сказал «свое весомое слово, прибавив славы и своей родной земле, и воспев Москву-матушку, дорогую сердцу каждого русского человека». Сейчас представляется, что о книгах Гиляровского первый секретарь знал лишь понаслышке, не читая его произведений, «воспевал» наш земляк явно не лучшие стороны Москвы, а преимущественно обитателей социального «дна».

Потом оказалось, что «сегодня немислимо представить русскую культуру без Александра Яшина и Сергея Орлова, Владимира Тендрякова и Феликса Кузнецова, Сергея Викулова и Валерия Деметьева». Заметим, что к тому времени все они жили уже в столице.

Всё это, как говорится, ещё куда ни шло. А в чём же «соль» статьи Анатолия Дрыгина? Вот, что он сам пытается объяснить, при этом, заметим, от «первого лица».

«Почему я сделал такой экскурс в историю? — спрашивает сам себя автор. — Мне кажется, талант, как хорошее дерево, не рождается на пустой земле. Дело наших литераторов — неотъемлемое продолжение давних традиций просветительства. Наша задача развивать эти таланты, бережно и требовательно растить молодые таланты, укрепляя и формируя их самосознание. Дело это, прямо скажу, нелёгкое. Творческая индивидуальность — она чаще всего противоречивая, ей хочется познать, открыть непознанное — здоровое стремление, но тут и поджидают трудности. Хватит ли духа, ума, таланта, хватит ли, наконец, до-статочно критического взгляда на созданное, написанное? Именно здесь начало начал творческого пути будущего литератора. ...Считаем важным, когда маститые, признанные мастера читают рукописи начинающих и в тесном кругу совместно открывают истину.

...Нас, вологодских руководителей, нередко спрашивают коллеги из других областей: как вы умеете ладить со своими именитыми литераторами?... А я вот думаю про себя: ведь не в один день они стали имениты. Они выросли на наших глазах и не без нашей помощи...

И ещё одна неожиданная проговорка А.С.Дрыгина: «Долг писателя — не только исследовать народную эстетику, но, прежде всего, глубоко вскрывать психологию наших современников, их помыслы и устремления...»

Как видим, даже «Лад» Василия Белова воспринимался если не в штыки, то с оговорками, а ведь это яркая и самобытная книга не только тех лет, но теперь уже на долгие времена.

Очевидно также, что партия никак не намеревалась снимать те «барьеры», которые ещё когда-то установила писателям-воложанам. А они никак не хотели их признавать. Всего скорее, статья первого секретаря обкома стала откликом на книгу публицистики Виктора Астафьева «Посох памяти» (1980), где область упоминалась не в самом лучшем свете, точнее те проблемы, которые в ней тогда были, прежде всего — сельские.

В это же время в периодике публикует свои острозлободневные статьи Василий Белов, вошедшие потом в его книгу публицистики «Раздумья на Родине» (1986). Раздумья, надо сказать, по большей части грустные, без

всякой веры в «светлое будущее». В частности это касалось «судьбы деревянной Вологды», проблем «сельской» экономики, «зелёного змия», активно потребляемого многими жителями страны. Проблемы, понятно, не решались, а вот «писательское слово» вызывало раздражение «высокого начальства», это читается в статье Анатолия Дрыгина.

В 1980 году решил вернуться в Сибирь Виктор Астафьев... В 1985 году под колесами «транспортного средства» погибает поэт Сергей Чухин, который в «позднем» своём творчестве мог бы завершить многие темы, заложенные в русской поэзии другом-соратником Николаем Рубцовым. Казалось бы, такие потери значительно ослабят притяжение «вологодской школы». Но этого не случилось. Духовные и творческие основы «школы» были заложены крепкие.

* * *

Снова обратимся к истории литературной Вологды. Тут нас ждут довольно любопытные наблюдения.

Взять, к примеру: а какой район может считаться поистине «литературной вотчиной» Вологодчины? Тут без всяких сомнений — Сокольский (или бывший Кадниковский уезд).

Судите сами, с Сокольским районом так или иначе связаны такие имена: Василий Красов, Павел Засодимский, Алексей Ганин, Александр Романов, Глеб Тёкотев, Виктор Коротаев, Владимир Хазов, Полина Рожнова, Владимир Коробов (автор книг о Шукшине и Юрии Бондареве), Александр Швецов, Лидия Теплова, Владислав Кокорин, Александр Сушинов, Леонид Патралов, Лидия Мокиевская, Алфей Шабанов, Николай Толстиков, Андрей Смолин, Галина Швецова, Сергей Тихомиров... Тут, не заглядывая в различные справочники, едва ли все и есть.

Деревня Самылково (ныне — Сокольского района, раньше — Тотемского уезда) — родная деревня предков Николая Рубцова (даже архангелогородцы смирились с тем, что историческая правда в данном случае, а Рубцов родился в Емецке Архангельской области, остаётся на стороне вологжан). А бывший Кадниковский уезд — родина Константина Коничева, Александра Тарасова, Василия Белова, Владимира Тендрякова, Василия Елесина... И хотя, как хорошо известно, количество в литературе не всегда переходит в качество, но ясно, что сокольчанам, в данном случае, есть чем гордиться!

Но есть и другой срез развития литературной Вологды — биографический. Тут тоже есть свои грандиозные открытия.

Почти не задержимся на 10-20-х годах прошлого века: Виталий Гарновский, Владимир Железняк (Белецкий), Аркадий Сухарев Иван Бодренков, Сергей Викулов, Николай Угловский Виктор Астафьев, Виктор Гура, Валерий Дементьев, Иван Полуянов, Юрий Леднев...

А вот дальше случилось то, что иначе как «литературным чудом» и не назвать. Наступили... 1930-е годы. Чем объяснить, что именно в то десятилетие появился на свет целый поток будущих «вологодских» (родились

некоторые и в других областях) писателей, наверное, не возьмётся никто. Но факты, как говорится, упрямая вещь.

В 1930-е годы появились на свет: Александр Романов, Людмила Славободова, Михаил Сопин, Анатолий Гусев, Василий Белов, Борис Чулков, Нина Груздева, Алексей Васильев, Анатолий Мартюков, Анатолий Петухов, Василий Елесин, Сергей Багров, Николай Рубцов, Владимир Степанов, Вячеслав Хлебов, Ольга Фокина, Александр Грязев, Мануил Свистунов, Александр Хачатрян-Рулёв, Василий Оботуров, Леонид Беляев, Виктор Коротаев... Нередко их называют «поколением детей и подростков» Великой Отечественной войны.

Небольшим «островком» смотрятся на этом фоне 1940-е годы: Николай Кучмида, Владимир Шириков, Роберт Балакшин, Сергей Чухин, Stanisław Мишнев, Николай Дружининский... Теперь и не узнать сколько талантов не досчиталась литературная Вологда. Да и так-то их было мало, а большинства уже и нет (С.Чухин, Н.Дружининский, В.Шириков, Н.Кучмида ушли из жизни трагически рано).

А вот дальше случилось опять что-то необъяснимое. Наступили 1950-е годы и снова — мощный поток новорождённых, которые почему-то потом захотели стать литераторами.

Тут только имена: Виктор Плотников, Вадим Дементьев, Анатолий Ехалов, Александр Швецов, Сергей Алексеев, Вячеслав Белков, Михаил Карачёв, Николай Фокин, Геннадий Сазонов, Наталья Сидорова, Владимир Кудрявцев, Лидия Теплова, Юрий Максин, Александр Цыганов, Владислав Кокорин, Сергей Созин, Александр Пошехонов, Василий Ситников, Татьяна Бычкова, Василий Мишенёв, Николай Толстиков, Андрей Смолин, Олег Ларионов, Михаил Жаравин...

Надо вспомнить и тех наших земляков, членов Союза писателей России, кто оказался за пределами области: Вячеслав Кошелёв, Полина Рожнова, Валентин Суховской, Василий Фирсов, Валентина Якуничева, Александр Кормашов, Виталий Серков, Сергей Сорокин (Вакомин)... А также тех, кто в силу разных причин членами Вологодской писательской организации не стали, но были близки к этому: Александр Драчёв, Сергей Баранов, Елена Саблина, Нина Веселова, Лариса Мокшева, Вера Маслова, Валерий Ельтипифоров, Алексей Швецов, Александр Алексеев...

И вдруг в «небесной канцелярии», ведающей литературными талантами, что-то сломалось. Вопреки логике: хотя бы раз в двадцать лет осуществлять большой «выброс» литераторов на Вологодчине, этого не случилось. Поток профессиональных писателей почему-то стал иссякать. Виктор Бараков, Александр Ломковский, Инга Чурбанова, Ольга Чернорицкая, Дмитрий Ермаков — давноуже не молодёжь, но после них в писательской организации больше никого и нет...

Но это разговор особый.

И всё-таки хотелось бы вернуться к тем, кто родился в 1950-е годы. Какие же характерные особенности этого «потока»? Буду говорить об этом, применительно к достижениям «вологодской школы».

Было бы, наверное, просто объяснить их идейно-творческое становление тем, что это «ученики» Яшина, Белова, Рубцова, Фокиной, Романова, Ю.Леднева, В.Коротаева... Это бы ещё больше укрепило само понятие «вологодская школа». В каком-то смысле, это так и есть: весь «поток», рождённых в 1950-е годы, «вырастал» на их глазах и при их активном участии в судьбах почти каждого молодого, по тем временам, литератора.

Надо сказать, что становление этой «генерации» литераторов шло довольно уверенно. Во всяком случае, большинство из них своевременно вышли к широкому читателю страны, выпустив первые или вторые книги в Москве, в издательствах «Молодая гвардия» и «Современник» (на такой высокий уровень была поставлена тогда работа с творческой молодежью), или опубликовав подборки в «толстых» журналах. Это не были «авансы» их творческой состоятельности: многие уверенно становились профессионалами рядом со своими «наставниками» по «вологодской школе».

При всех «плюсах» были и свои сложности. Когда этот «поток» почти одновременно входил в литературу, в Вологде ещё в полную силу работало предыдущее поколение. Получилось так, что «младое племя» довольно долго находилось на вторых ролях. Их нередко и печатали *как бы* вторым номером. Им и внимания от литературной критики доставалось поменьше. Впрочем, и старшее поколение тоже не сильно «страдало» от её внимания.

При этом очевидно, что «молодежь» легко и естественно восприняла «три кита» «вологодской школы»: реализм, традиционность, народность, всячески развивая их на новом этапе. Вот тут мы подходим к важным обобщениям.

Обратим внимание, что большинство представителей «потока», рождённых в 1950-е годы, это — крестьянские дети! Сюда можно относить даже вологжан, ведь «Вологда — большая деревня», что в 1950-е годы было вполне справедливо. Понятно, что воспитанные на мировоззренческих и этических традициях «крестьянского сословия», они с болью в сердце переживали умирание русской деревни, которое происходило на их глазах.

Если их предшественники ещё питали какие-то иллюзии на «консервацию» сельской жизни, то это поколение никаких надежд на будущее уже не питало. Это явление общественной жизни той поры заметно и трагично отражено в поэзии Владимира Кудрявцева, Владислава Кокорина, Михаила Карачёва, Юрия Максина, Александра Пошехонова, Виталия Серкова, Василия Мишенёва, в прозе Александра Цыганова, Виктора Плотникова, Дмитрия Ермакова...

Правда, как водится, выявилась и другая сторона этого явления. Мотивы эсхатологии, надвигающегося общерусского «апокалипсиса», сделали это поколение каким-то творчески «прибранным», а (в чём-то) и «односторонним» в трагическом осмыслении своего времени. Редко у кого из этого поколения проскользнут юмор, самоирония, подлинная возвышенность личного чувства, например, к женщине; ими владеют больше заботы о социальном и духовном обустройстве «новой России».

На этом, правда, молодые тогда писатели не остановились, а пошли дальше, наполнив своё творчество отражением судеб своих сверстников, уже в условиях привыкания к урбанизированной среде «горожан первого поколения». Но, в общем-то, им досталась грустная доля — спеть «последнюю песню» всему крестьянскому сословию на Руси-матушке, оставив себе лишь великую мечту о будущем «Граде-Китеже». А мечта эта не оказалась «целью», а больше эфемерным «воздушным замком», хотя прекрасным и отчётливым в своих очертаниях.

Другая особенность этого поколения заключалась в том, что оно не смогло выдвинуть из своих «рядов» настоящего посланца в Москву, занявшего там твёрдое положение в столичной «обойме». Я тут не только о примерах Яшина, Викулова, Валерия Дементьева, Сергея Орлова говорю, но и о Белове, Романове, Коротаеве, Фокиной, которых «Москва» знавала и уважала даже побольше, чем иной раз и сама «Вологда».

Будем откровенны: нет в этом поколении общенационального имени, сопоставимого с вышеназванными предшественниками. Тут речь даже не об организаторском таланте, а о духовно-творческом, художественном потенциале. Долгое время такой потенциал, предположим, виделся у поэта Владимира Кудрявцева.

Владимир Кудрявцев многие годы плодотворно работал на возрождение всей культурной «среды» Вологодчины, на «литературную жизнь» у него времени оставалось не так и много. А время и силы незаметно уходили, их хватало чаще всего только на собственное творчество.

В начале 1980-х годов приехали в Вологду два своеобразных и сильных писателя — прозаик Сергей Алексеев и поэт Михаил Сопин. Сергей Алексеев в начальную свою писательскую пору, заявив о себе, как мастер реалистического романа («Слово», «Рой», «Материк»), потом ушёл к роману-притче, роману-репортажу, а такие резко-индивидуальные формы творчества редко находят «продолжение» в других писателях, хотя проносят заслуженное внимание читателей. Судьба Михаила Сопина сложилась так, что длительное выпадение из «нормальной» жизни, поставило его уже в следующее «поколение» литераторов, хотя он на пять лет старше Николая Рубцова.

Сергей Алексеев и Михаил Сопин, конечно, заметно расширили представления о возможных путях развития литературной Вологды, но продолжения в других литераторах найти не смогли, что имеет свои объяснения в судьбах и творчестве этих писателей.

Но вернёмся ко второму «потoku» вологжан. Вот и ещё одна особенность этого поколения. Оно сейчас видится каким-то единым «ядром», своеобразным «запасным полком» старшего поколения. Каждый вносил и вносит свою «долю», а в итоге получился целостный объём творческих достижений, будто бы это сделал «один» автор. Мысль достаточно спорная, но в ней заложена основа для полемики вокруг этого «потoka» писателей-вологжан. Конечно, любой участник тут имеет свой творческий «голос», но он как бы притушен, редко чем выделяется из общего «хора» сверстников-коллег.

Исключениями в этом «поколении» виделись разнообразные творческие пристрастия Александра Швецова, Вячеслава Белкова (к большому сожалению, оба трагически ушли из жизни), да, пожалуй, Владимира Кудрявцева, который в последние годы работает (и не без успеха) в прозе критической эссеистике, значительно расширив свой творческий потенциал.

Но в этом поколении далеко не все выдержали «бремя профессионализма» литератора. Издав по две-три книги, отмеченные критикой и читателями, они ушли в «тень», словно бы не до конца поверив в актуальность и нужность своего направления творчества.

Из письма Владимира Кудрявцева автору этого очерка: «...А чем озаглавлена прошедшая четверть века? И главное — кем? Мы оказались не столь убедительны в своём творчестве, и вклад наш в «школу» несоизмеримо мал и практически незаметен. Увы, но это правда! Мы только хоронили тех, кто составлял её славу, и на наших глазах она практически исчезла. Всё осталось в прошлом, и все остались в прошлом. В том числе и мы, поскольку и мы уже давно не молодые и по спискам новой эпохи не значимся и не проходим.

По сути, если говорить жестко, то надо признать, что через нас достойного продолжения и продвижения «вологодской школы» не состоялось, не случилось, не произошло. Мы, к сожалению, остались при «них», духовных учителях. Остались при тех, кто нас вводил в литературу, остались как вечные их ученики, талантливые и благодарные, но самостоятельных имен — громких, российского звучания — не обрели. Мы — люди из той же эпохи. И по возрасту, и по идейно-нравственным установкам и ориентирам.

Мы — «потерянное» поколение, пусть и многочисленное, пусть и Богом не обиженное, но с судьбой промежуточной. Через нас о будущем говорить, к сожалению, трудно, если вообще возможно. Мы даже, как я думаю, и традиций-то не развили, мы просто «в традиции» жили, работали и творили...

Ни у кого из нас нет и не было книги, которая бы легла в основу нового направления в прозе или поэзии, как, например, у Василия Ивановича Белова или у Николая Рубцова. Нам просто надо понять, что мы из себя реально представляем, и на что, на какие почести вправе в этой жизни рассчитывать. Мы должны спокойно и философски мудро осмыслить своё место в бурном литературном процессе рубежа веков, принять его и смириться, не драматизируя свои судьбы и не умаляя свои скромные литературные достоинства и успехи. Надо продолжать работу в меру сил и отпущенного таланта. Надо просто работать, видя в этом своё призвание и долг перед собой и народом (не сочти за высокие слова).

Понятно, что это какие-то «предварительные итоги», очень важные и своевременные. Но в них ещё теплится надежда, что кто-то из этого поколения «выстрелит» неожиданно и ярко. Например, новые качества обретает Юрий Максин, обратившись не так давно к жанру «метафори-

ческой» поэмы; всё большей самоиронией и едкой сатирой наполняется поэзия Владислава Кокорина; по-своему отражает нашу жизнь «философская» лирика Александра Пошехонова; сильны «ведические» начала в стихах Михаила Карачёва; обрела новое звучание «яшинская» традиция в поэзии Василия Мишенёва...

Много работают прозаики этого поколения — Александр Цыганов (лауреат многих литературных премий), Виктор Плотников (роман «Когда будем мы вместе» удостоен Шолоховской премии), Олег Ларионов (большой сборник прозы «Чужой город», 2008)...

В следующей возрастной «градации» отметим высокий уровень литературоведа Виктора Баракова, в частности его исследования творчества Юрия Кузнецова, Николая Рубцова, «почвеннической поэзии» 60-80-х годов XX века. Необычно для Вологодчины, но интересно работает переводчик Елена Белякова из Череповца. Обретает новые высоты в своём творчестве Дмитрий Ермаков, написавший свой первый роман «Тень фидина». Всё ярче расцветают свои лирико-философские и метафорические возможности Инга Чурбанова...

А как сегодня литературной Вологде не хватает таких поэтов, как Алексей Шадрин (1973-1992). Его теперь считают редчайшим явлением в поэзии конца прошлого века, «некоторые его стихи написаны с лермонтовской мощью» (Виктор Астафьев). Безумно жаль, что талант Алёши Шадринова, пронзительный и ясный, открытый миру и людям, так и не достиг вершин «творческой зрелости»...

А то, что «творческая зрелость» не знает границ, доказывают сегодня писатели-воложане старшего поколения.

Каким весомым для всей русской поэзии начала нового века видится новое «Избранное» (2007) Ольги Фокиной. Пожалуй, никто сегодня так не владеет пластикой стиха, другими возможностями поэтики, как Ольга Фокина. А главное, поэт показала вновь, как нужно «новое» содержание, отражающее противоречия нашего времени, вливать в старые «меха» русского фольклора и «старорежимной» классики. В стихах Ольги Фокиной отчетливо слышен не только «голос» русского народа, но, скорей, боль и страдания (и надежда на возрождение) самой «Родины-матери» при виде того, что сегодня творится в русских пределах:

**И до глубинной деревеньки
Дошли раскол и передел:
У вас — всю ночь считают деньги,
Мы — без гроша и не у дел...**

**У вас всю ночь огонь не гаснет,
У нас — ни зги во всём ряду:
На нашей улице — не праздник.
Но я на вашу — не пойду.**

Отмечу, что это одно из «рядовых», далеко не программных стихотворений русского поэта Ольги Фокиной, но столько в нём истинной трагедийности «текущего момента» русской жизни.

В последние годы осуществил мечту жизни создать большой роман Александр Грязев («Калифорнийская славянка», 2010); пишет сочные по «языку» и захватывающие по сюжету повести Сергей Багров; новые достижения пришли к Роберту Балакшину в исторических и краеведческих повествованиях; по-новому и объёмно раскрыла творчество Бориса Чулкова его последняя по времени поэтическая книга «Пристально просматривая время» (2007); обрела новое дыхание Нина Груздева, выпустившая несколько сильных сборников стихов...

За всем этим вольно-невольно встаёт главный вопрос: а не последние ли это всплески достижений «вологодской школы», не исчерпала ли она свои возможности? Если ли молодые на её «пороге»? Вопросы, как очевидно, не из праздных. На последний можно вполне категорично утверждать, что молодые есть и скоро проявят себя солидно. Не буду называть имена только потому, чтобы, как говорят в народе, «не сглазить» юные дарования.

Недавно несколько опрометчиво, я предположил, что в наше время молодые пробиваются в литературу в одиночку. Оказалось, что это не так. Не секрет, что примерно с середины 1990-х годов в Вологде существует параллельная «литература», которая почти не соприкасается с литературой, скажем так, общепризнанной. Более того, уже несколько лет выходит «толстый» журнал «Вологодская литература», о нём, впрочем, знают только его авторы. Ради любопытства освоив несколько номеров, я, не самый ленивый читатель, понял, что дальше воспринимать эти тексты не следуют, такова в этом «журнале» явлена графомания с претензиями на новоявленных «гениев».

Вдруг мне из Питера сообщают, что в Вологде появилась очередная «звезда» русской поэзии. Я, понятно, ошеломлён, не знаю, как и не раскрыть свою непросвещённость, потому что, живя в Вологде, впервые это имя и услышал из Петербурга. Ладно, ищу(!) стихи, нахожу:

пригоревшая первая буква имени
с языка срывается там, где не нужно,
трава любимая у тебя подорожник,
лист у неё упругий и влажный,
а голос с нежной поблажкой «Машка...»
кажется, ты произносишь слова,
едва отрываясь губами от чашки,
в субботнее утро едва открывая глаза,
срывая тонкие пестики
кашки, бросая кубики сахара,
забывая, что солоно, а что — сладко...

Ну да, «шедевр». Сколько таких стихотворений пишется в наши дни? Мало того, что во всём этом надо разбираться специально, лучше во врачебной комиссии, но все эти игры в «слова» давно уже надоели, как мне казалось, не только читателям, но, наверное, и самим «поэтам». Нет, оказывается, ещё не надоели. Один из рецензентов так писал про «творчество» этой «поэтессы»: «Нашёл-таки стихи... Могу сказать без всяких экивоков: это не поэзия, а её имитация, хотя и грамотная, хотя и с претензией на необычность. Эта «дама» любит не поэзию, а себя. Судьбы нет, души нет, ума палата — вот она эту «палату», помноженную на чисто «бабское» желание нравиться, сублимирует в виде текстов. То, что прочитал, навсегда меня от неё оттолкнуло...»

Тут я даже не собираюсь доказывать обратное. Приведу лишь мнение на этот счёт поэта Юрия Левитанского: «Да, в поэзии много непонятного, но когда «написать непонятно» становится творческой задачей — это, по моему, просто от невоспитанности. Воспитанный человек найдет способ, чтобы его поняли, — ибо он знает, что незачем увеличивать «количество» непонимания в мире, где люди и так не слишком хорошо понимают друг друга. И мне кажется, что по-настоящему интеллигентное искусство — это искусство, которое, по крайней мере, стремится к тому, чтобы быть понятым, чтобы быть прозрачным».

А какая ещё задача может стоять перед русской поэзией, и частности — «вологодской»? Едва ли этот вопрос отдаёт только риторикой...

Ладно, помолчу. А, наверное, зря. Ещё Вадим Кожинов предупреждал, что русские критики, встретившись с чуждыми явлениями в русской поэзии, не хотят связываться с теми, кто эту «поэзию» тиражирует. Оно, понятно, дело малопроодуктивное, тут же поднимется галдёж, критик, мол, ничего не понимает в «перформансе», в поп-арте и прочей чепухе. Да, и надо ли это понимать? Жаль на это тратить время, жаль. Потому что наша «продолжательница» традиций пользуется готовыми «кальками» с западной поэзии, давно и прочно находящейся в жесточайшем упадке.

Сбивает «писателей» нового времени и всяческий ажиотаж вокруг литературных премий. Многие, наверное, думают, что это и есть главное в литературном творчестве. Не каждому дано понять, что эти премии (очень часто) организуют «бесовские силы», «пятая колонна» русской литературы. Всё эти поползновения тут же подхватываются «заинтересованными лицами». Им даже приятно, что именно в Вологде появляются такие «писательницы». Можно потом говорить, что их «творчество» находится на поле «художественного пространства», вреда от этого никому нет. Да, бросьте лить «крокодиловы слёзы», совесть народная оправдания в расчёт не принимает, а это и есть высший суд, даже если ты «букеровский» лауреат.

Вынужден вспомнить письмо А.Куприна: «...Но есть... одна только область, в которой простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к ней евреи, легко ко всему приспособляющиеся, относятся с величайшей небрежностью. Кто станет спорить об этом? Ведь именно они внесли и вносят в прелестный русский

язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращенных нелепых и противных слов... Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию. Они же... полезли в постель, в столовую, в нужник и ванную к писателям. Мало ли чего наделали они с русским словом? И наделали и делают не со зла, не нарочно, а из тех же естественных глубоких свойств своей пламенной души — презрения, небрежности, торопливости... Но никто не решается сказать об этом громко. И это будет продолжаться...»

Напомню, что писалось это в 1909 году, сейчас — век двадцать первый, а ситуация с русским языком усугубилась стократно.

Всё-таки не будем о грустном, вернёмся к настоящей Вологде литературной.

Всем понятно, что «сельская» тематика в «вологодской школе» значительно и мощно себя исчерпала. Новые достижения тут едва ли скоро возможны. А возможны они теперь на «городском» материале; здесь можно ждать нового гения, даже развивая некоторые стороны поэзии Николая Рубцова, Ольги Фокиной, Александра Романова или прозы Василия Белова, например. А у них есть и значительные «городские» мотивы в творчестве. Словом, нужно обновление традиций и «вологодской школы», в частности.

При слове «традиция» многие «начинающие» вздрагивают: никак новые «барьеры» в их творческих поисках? Да, это ответственно и трудно продолжить «дело» своих предшественников. Но ведь, в сущности, они тоже опирались всегда на традиции своих духовных «учителей» по великой литературе, идущих от Пушкина и Некрасова, Толстого и Бунина...

А основная «традиция» эта «проста»: быть «любезным своему народу» (Пушкин) (не бывает в литературе «космополитов», большие писатели всегда опираются на национальные особенности своего народа); знать его духовные истоки и подлинную историю; научиться применять все богатства родного языка; по возможности (а ныне без этого и никак нельзя), иметь «общественную позицию» (Рубцов); жить верой в великое будущее своей страны; глубоко и всесторонне знать жизнь; хорошо бы иметь и широкие литературные способности, к слову. Всё это и составляет основу истинного таланта, которому будут по плечу большие достижения.

Даже если предположить, что «старая» «вологодская школа» Яшина, Белова, Рубцова, Фокиной, Романова, Коротаева, Чулкова, Груздевой, Широкова, Чухина может прекратить своё «существование», то ведь литературный процесс на Вологодчине не прекратится. Будут появляться новые дарования, которые со временем, без сомненья, создадут свою новую «вологодскую» школу.

Если, конечно, будет сохранена великая «Россия, Русь» (Рубцов).

В ином случае, это уже будет другой ход истории...

ОБОРВАННАЯ СТРОКА

(Слово об Александре Яшине¹)

Памяти

Валентины Станиславовны Старковой

Всякая круглая дата, а такая — вековой юбилей! — в особенности, вновь ярко высвечивает на экране времени имя того, кому довелось остаться в народной памяти. В 2013 году одно из таких имён — Александр Яшин!

Александр Яшин (Попов) родился 14(27) марта 1913 года, умер 11 июля 1968 года. Кто-то это и оспорит, но, по-видимому, он не вошёл в первый ряд русских писателей советской эпохи(но со «вторым рядом» так точно многие согласятся). Однако с течением времени получилось так, что Яшин один из немногих, кого широко вспоминают с очевидным отблеском высокой трагедийности литературной и земной судьбы.

Судьба — тут слово ключевое. Ещё с Пушкина стало очевидно, что русский поэт без трагической судьбы или (вспомним тут и Александра Блока) без ощущения предначертанного свыше Пути, *как бы* и не состоялся, не будет навечно впечатан в историю русской литературы.

Да, номинально судьбу Яшина нельзя назвать трагической: он не был убит, арестован, не отбывал ссылку «во глубине сибирских руд». А жизнь его доверху полна невероятных испытаний духа, и это, несомненно, то, что заставляет вновь и вновь переосмысливать, казалось бы, уже давно подведённые итоги его творческой эволюции.

В чём тут дело?

Сейчас нет необходимости подробно говорить о биографии Яшина, она достаточно известна любителям его поэзии (впрочем, «белых» пятен в ней всё ещё хватает), но выделим несколько узловых моментов в его ипостаси русского поэта-гражданина.

Выходец из самой гуши русской народной жизни, Александр Яшин оказался между «молотом» своего сильного, своенравного, независимого характера и «наковальней» той грозной, но и прекрасной эпохи, в которой ему досталось жить. Но так выковывался стержень характера. Истоки яшинского мировоззрения надо искать в том явлении русской литературы, которое называют «почвенничество». Ибо «почва» дала ему ту неповторимую стезю для творчества, которой он остался верен до конца своих дней.

Собственно, это началось прямо с юности, когда совсем подросток Саша Попов активно включился в коллективизацию, став искренним борцом с «мироедами и подкулачниками», не пожалел, вероятно, даже своих родных и односельчан, хотя бы в фельетонах и памфлетах, которые он на-

¹ Выступление на выездном секретариате Союза писателей России в Вологде «Неизвестный Яшин»

чал публиковать в конце 1920-х годов, являясь селькором уездной газеты. Своеобразным отголоском тех лет является его поэма (скорее, рассказ в стихах) «Мать и сын» (1936), прообразами персонажей которой, что очень похоже, предстают его мать и отчим, а основной конфликт поэмы раскрывал противостояние частнособственнических устремлений матери и коллективистских идеалов сына — молодого учителя.

В этом узнаются черты биографии самого поэта.

Но неужели Яшин так поддавался влиянию троцко-бухаринской идеологии, которая привела к этой самой коллективизации? Едва ли в юные годы он являлся глубоким критиком любых течений политической борьбы, но дело, на мой взгляд, сложнее.

Яшин, как потомок древнего крестьянского рода, всего скорее, мог быть приверженцем (может быть, и бессознательным) крестьянской общины, которую старательно начал рушить ещё Столыпин, возжелавший перестроить уклад сельской общины на «базисе» кулаков-фермеров. Но идеалы крестьянского мира долго хранились в преданиях русского землепашца. Особенно, на Русском Севере, где трудно было прожить вне общинного коллективизма. Тут сказался и личностный узел судьбы Яшина: именно по решению сельского схода (к тому времени — своеобразного рудимента общины) Саша Попов был отпущен на учёбу, хотя этому упорно сопротивлялись мать Евдокия Григорьевна и отчим.

И, всего скорее, Яшин мог слышать сказания о Граде-Китеже, в котором для русского человека ярко обрисовалась мечта о «христианском социализме», где нет ни бедных, ни богатых, а есть мир праведных и добродетельных людей, для которых десять заповедей христовых — основа морали и повседневного поведения. По-видимому, став вынужденным атеистом (такова была эпоха), он нёс в себе и так называемое «народное богословие», в котором соединились славянские языческие верования с канонами православия.

На мысль об «общинном» образе мышления молодого поэта наталкивает стихотворение «Вдова», теперь почти неизвестное, а опубликовано оно ещё в первом московском сборнике Александра Яшина «Северянка» (1938). Сюжет его трагичен: умирает кормилец многодетной семьи, и вдова Авдотья Григорьевна начинает старинный обряд прощания с причитания:

— Ох, не тень от тучи на луга легла,
Да не чёрный ворон на пень-колоду сел, —
Опустилось на мою, на бедную голову
Горе великое, печаль-кручина...

В данном случае не столь и важно стилизация ли это или цитата, хотя очевидно, что северный фольклор настолько близок Яшину, что он применял его парафразы охотно и много. Молодой поэт явно завязывает сюжет с «предания старины глубокой», наметив связь настоящего времени с эпохой, когда уход кормильца мог стать началом крушения семьи, потому

так безнадежно и рыдает вдовлица... Велико её горе, она ощущает себя брошенной, забытой людьми.

Но вот произведение наполняется ролевыми персонажами: на плач вдовы зашли в избу соседи, во дворе пять колхозных парней сколачивают домовину, бабы ухаживают за скотиной... Зашёл председатель, сообщив Авдотье, что детей пристроили в детсад, что «хватит у нас отцовской любви не на один пяток ребятишек»... И: «смотрит Авдотья — свои собралась, свои по селу, свои по бригаде. Словно б от сердца и отлегло...»

Яшин показывает, что даже неизбежное личное горе поглощается коллективным соучастием, искренней помощью «общества», никакой человек не может быть брошен, как тогда говорилось, на произвол судьбы. Тут стиль нового, уже — колхозного быта, а это для него самое главное!

Мало кто знает, что через двадцать лет поэт снова вернётся к этому сюжету. Стихотворение называется «На семейном празднике» (цитирую по сб. «Советский человек», 1952). Яшин изменил имя героини, назвав её Марфой Павловной Ильиной, но в стихотворении есть самоцитата из «Вдовы», да и другие реалии говорят, что речь снова идёт о семье его матери. Так вот, а в семье-то праздник под бутылку вина — «золотое сиянье юга»:

Нет угла и в лесной глуши,
Где б за Ваше, товарищ Сталин,
За здоровье
От всей души
Первый кубок не поднимали...

А что хоть празднуют-то? Да, двадцатилетие вступления в колхоз! Заметим, празднуют, не слёзы горькие льют: «Двадцать лет, родные мои, как деревня колхозной стала. Я иной судьбы для семьи никогда бы не пожелала...», — так говорит Марфа Павловна. И дальше идёт рассказ счастливой колхозницы о своём житье-бытье, которая в чувственном порыве отправляет телеграмму в Кремль:

Видю:
Красная площадь. Луна.
Над Кремлём неоглядные дали.
Льётся тихий свет из окна.
Телеграммы читает Сталин —
И от Павловны есть одна.

Тут подходим к теме, на которую и поныне в разговоре об Александре Яшине наложено своеобразное «табу». Кто и когда это сделал ныне неведомо, но этим вычеркнут целый пласт из поэзии поэта-вологжанина.

Образ Сталина (иногда — рядом с Лениным, но это редко) — один из ключевых в поэзии Александра Яшина конца 1930-х — начала 1950-х го-

дов. При этом поэт не выражает своего личного отношения к руководителю страны (возможно, где-то в стихах для газет можно найти и такое). Яшин, чаще всего, раскрывает образ вождя через мировосприятие ярких представителей русского народа.

Вот совершенно прекрасное стихотворение «Слово охотника» (сб. «Стихи разных лет», 1947), хотя оно написано в 1939 году. Яшин от богатства своих изобразительных средств и глубоких жизненных впечатлений долго, с любовью рассказывает о старом охотнике, об его трудной жизни, о мудром и честном мировосприятии жизни человеком, многое повидавшем на своём веку.

Итак, на охоте добыт прекрасный бобёр: «А, знать, родовит... До чего блестят! Заиндевел будто». И думает старый охотник по доброте душевной: кому бы преподнести бобра в подарок? Да, есть такой человек:

**Уважьте, товарищ Сталин, народ.
Взгляните, сколь на бобре серебра!
Носите, товарищ Сталин, бобра:
Тепло, и к шинели вашей пойдёт.**

«Ну, а если не воротник, то сошью для него пимы», — думает старый охотник. — Носите, товарищ Сталин, пимы — ноги в пимах, как рыбе в воде».

**Тайга! Далеко отсюда Москва.
А думы и здесь об одном — о нём,
И небо такое же, как над Кремлём...
Одним человеком земля жива.**

А вот ответ тем «борцам» со Сталиным, которые утверждают, что красноармейцы не шли с его именем в атаку. Это написал человек, который пережил самые трагические моменты Великой Отечественной войны — Ленинградскую блокаду, Сталинградскую битву, пусть не в окопах, пусть только фронтовым газетчиком и политработником, но это — честный и умный свидетель того времени (из сб. «Красная Горка», 1942):

**С именем Сталина шли мы в схватки,
Гнали врагов штыком и огнём.
Класть немчуру на обе лопатки
Нам помогала память о нём...**

Не удержусь, чтобы дополнить тему и ещё одной цитатой из яшинских стихов, уже — мирных дней. Читаем стихотворение «Настоящая свобода» (сб. «Советский человек», 1952)! Вот так-то! Яшин акцентирует слово «свобода», казалось бы, на поверхностный взгляд странным эпитетом — «настоящая», а какая свобода ещё может быть! Был ли это идео-

логический штамп того времени? Или это действительно ощущение подлинной демократии?

Но вот очередной лиро-эпический репортаж, жанр столь любимый Яшиным в послевоенные годы: выборы в Советы, правда, не уточняется какого уровня. Стихотворение написано, если можно так сказать, празднично, с юмором, с восторгом от народного единения: «Было принято решение: на подводах всем селеньем выехать голосовать». Тут же авторский комментарий: «Как уверенно и гордо здесь, у нас, в лесном краю, настоящая свобода носит голову свою...»

По сути, поэт передаёт здесь высокий дух (уверен, нужно поставить синонимически — русский дух!) народа-победителя не только в жесточайшей войне, но и подлинное ощущение каждого человека, ответственного теперь и за свою личную судьбу, и судьбу всей страны одновременно! А один из идейных центров стихотворения таков:

**Шёл народ голосовать
За людей надёжных, стойких,
За Отчизну — нашу мать,
За её большие стройки,

Чтобы в лучшем из веков
Войны впредь не повторялись,
Чтобы Сталин был здоров,
Чтобы все мечты сбывались.**

Да, Александр Яшин — искренний сталинец (но — не сталинист, почувствуйте лексические нюансы), коммунист, советский человек, творец своей эпохи — какие тут ещё могут быть сомнения!.. Самоценность образа вождя раскрыта отчётливо-ярко, но и этим поэт предстает перед нами служителем Державы, истинным государственным, духовным воителем за народные ценности, которые возродило в каждом человеке родное Советское государство.

Почва и Держава — вот истинные опоры Яшина и в поэзии, и в жизни того времени.

Заострим тему. Ну что, будут вопрошать ярые антисталинисты, а на поверку предатели нашей (для многих из нас) Родины — Советского Союза: ещё один миротворец сталинской эпохи? Такие писатели, как Яшин, закрывали уши и глаза, чтобы не слышать и не видеть подлых деяний этого «палача» советского народа? Значит, и Яшин (пусть — косвенно) являлся пособником «тирана» в его злодеяниях? (Надеюсь, понятно, что «тиран» и «палач» не зря стоят в кавычках, у тех ещё «ребят» есть определения для Сталина и более гнусные.)

Во-первых, конечно, не следует прямолинейно объединять кругозоры автора и лирических героев его произведений. Это аксиома (хотя и много раз оспоренная) в любых разговорах о конкретных произведениях литера-

туры и мировоззренческих позициях их создателей. Говорится это, естественно, не в оправдание личных убеждений Яшина. Из воспоминаний его современников хорошо известно, что поэт с юных лет обладал независимым и гвёрдым взглядом на жизнь и литературу, поэтому нет сомнений, что он отчётливо понимал, что и как нести в стихах нашему народу.

Во-вторых, Александр Яшин с 1935 года входил в столичный круг писателей, а среди его хороших знакомых в те годы были видные литераторы: Александр Фадеев, Константин Симонов, Илья Сельвинский, Владимир Луговской, Людмила Татьяничева, многие однокашники по Литературному институту, который всегда был одним из центров литературной жизни Москвы. Предположить, что Яшин ничего не слышал о печальных судьбах (имён назвать можно много), но, например, Бориса Ручёва или Ярослава Смелякова, Павла Васильева или Бориса Корнилова... — это, согласитесь, что-то из области ненаучной фантастики.

И всё равно:

Произношу:

— Всегда он будет чистым —
Мой большевистский,
Ленинский билет!

Я в этом клятву Сталину даю
На жизнь,
На смерть
На вечность — как в бою!

Эта цитата уже из послевоенной поэмы «С Лениным» (сб. «Советский человек», 1952), но какова убежденность автора в своей правоте! Яшинотчётливо понимал и роль Сталина и в укреплении Державы, и в обновлении самой партии, когда в неё влилось огромное количество настоящих фронтовиков, что значительно изменило её идейное качество, явив стране по-настоящему русскую патриотическую организацию.

Например, ещё в 1945 году, готовясь выступить на секции поэзии Московской писательской организации, Яшин записывает в конспект: «...В русской поэзии работает очень много поэтов нерусской национальности, которые зачастую клянутся русским народом, его историей, культурой, но не чувствуют духа русской национальной поэзии. Боюсь, чтоб в наш век интернационализма мы не утратили способность дорожить своей самобытно-национальной поэтической культурой».

Даже в летаргическом сне представить нельзя, чтобы Яшин в те годы написал что-нибудь вроде этого:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговора,
Там припомнят кремлёвского горца...

(Осип Мандельштам)

Как поистине народный поэт Александр Яшин как раз твёрдо стоял на родной земле, он и в поэзию пришёл, чтобы говорить от имени народа и для народа в полный голос, во весь размах своего самобытного таланта.

Доподлинно известно, что в горестные дни начала марта 1953 года он взял всю семью с малолетними детьми, чтобы поехать в Колонный зал Дома Союза проститься с одним из величайших людей XX века, да и всей русской истории тоже.

Что же случилось дальше?

А дальше-то и начались «репрессии» против Яшина. Его, понятно, не вызывали к следователям госбезопасности, но ему стала мстить та часть литераторов, явных наследников приснопамятного Леопольда Авербаха и подобных ему. Очухавшаяся от страха перед Сталиным либеральная тусовка, как это уже было в 1920-е годы, опять вышла на борьбу с подлинными русскими писателями. Яшина перестают печатать, семья впадает в крайнюю бедность. Характерно, что после XX съезда Яшин не поверил в разоблачения Сталина, которые сделал Хрущёв. Есть запись в дневнике, где он это слово «разоблачения» берёт в кавычки, тем самым подчеркивая свою неприязнь к первой «десталинизации» после 1956 года.

Опубликованные по крупичам записи из рабочих тетрадей Яшина после 1953-го года говорят о том, что он ненавидит раздувающийся «культ личности» Хрущева («была бы личность?»). Он видит теперь в великой Державе страну, в «которой разными постановлениями постепенно заменили почти все законы», где «государственный аппарат небывало разбух», что снова «шаманы повступали в партию и в комсомол — и продолжают заниматься своим делом»... Не буду сейчас расшифровывать, кого эзоповым языком Яшин называет «шаманами»...

Яшин пишет своеобразный ответ Мандельштаму, используя даже ту же стиховую конструкцию и образный ряд, но, заметьте, уже из 1958 года, когда как стихотворение второго было написано в 1938 году:

Мы неполной жизнью живём
И неполной грудью дышим,
Вполуголос песни поём,
Даже письма с оглядкой пишем.

До чего ж мы были просты
С нашей верой беспрсветной,
С нашей преданностью несусветной,
Доходившей до слепоты!

Зарубцуются ль в сердце моём,
В слабом сердце
Рваные раны?
Мы двойною жизнью живём,
Потому и стареем рано.

Принято считать, что это какой-то пересмотр идейной позиции поэта в послесталинский период. А на самом деле тут горькое сожаление, что ниспровергаются идеалы молодости и великой Победы, той самой настоящей свободы, которая была всего лишь несколько лет назад, что не увидели настоящие патриоты Родины скрытых врагов, умеющих приспособляться и таить свои замыслы многие годы. Яшин видит, что так называемая «оттепель» (а термин этот ввёл в оборот Илья Эренбург) — гнилая, а «плодами» её воспользовались всяческие проходимцы, которым дела нет до страданий и чаяний своего народа. Это же касается и всяческих дельцов в русской литературе.

Конечно, Яшин во многом пересмотрел и своё отношение к «культу личности» Сталину, но пересмотрел по-своему, по-яшински, никогда не опускаясь до откровенного антисталинизма, как это сделала самая продажная часть советской интеллигенции.

Он не верит словам Хрущёва о коммунизме, ибо (цитата): «В коммунизм по-настоящему верят только поэты!» Только они могут представить гармоничный и светлый, порядочный мир свободных и честных людей. Понятно, не все поэты, а только подлинно народные, национально ориентированные, ибо в литературной среде (но и не только, вообще в элите послесталинской эпохи) царит откровенная вражда двух сил. Яшин отмечает в 1964 году: «Жестокая двуликая эпоха. Два лагеря, два мира — их и наш. Порядочность и подлость, бесчестье. Есть относительность и абсолютность. Продажность и неподкупность. Безверие и вера, смех и грех. Но это доступно и понятно не для всех... Есть мир и антимир... Как хорошо в лесу».

Не буду сейчас расшифровывать символику этих размышлений Яшина, это требует большого и долгого разговора. Но ещё небольшая цитата: «Ужасен литературный язык без национального колорита, этаким общеевропейский, вполне грамотный, но вроде эсперанто. У нас появились даже поэты, и довольно популярные, с таким средневропейским, переводческим языком, поэты-роботы».

* * *

...Но — «как хорошо в лесу»!

В последние годы жизни Яшин вновь обращается к своим истокам человека Природы, к идеалам сельской общины. На родной земле он обретает новую творческую силу, но о последнем периоде жизни Яшина написано много, и мне не следует повторяться.

Великий был человек — Александр Яковлевич Яшин, настоящий русский человек и поэт... Вот об этом и будем помнить.

2013

ПРИТЯЖЕНИЕ СУДЬБЫ

(О поэзии Виктора Коротаяева)

Вере Александровне,
Александру и Ольге Коротаяевым

Выход в 2009 году большого сборника стихов Виктора Коротаяева «Прекрасно однажды в России родиться» для многих почитателей поэта оказался своеобразным подарком. Но думается, что уже и тогда витал вопрос: а как его стихи будут воспринимать новые поколения читателей?

Может статься, что и само писательское имя это — Виктор Коротаяев — им пока мало что говорит. Оно отделилось от личности, от его земной плоти, став чаще всего «автором стихов и прозы», «выдающимся поэтом Вологодчины», «прекрасным русским поэтом». Надеюсь, понятно, что это цитаты из отзывов и статей о поэте.

Таков непреложный закон жизни.

Но вот мы, сохраняющие в душе и сердце его живой, одухотворённый облик? Сможем ли стать «экскурсоводами» по художественному миру поэта, донести то сокровенное, чему было отдана его жизнь?..

* * *

Лирика Виктора Коротаяева, а я буду о нём говорить только как о поэте, имеет несколько явственных «пластов», взаимопроникающих друг в друга самым неожиданным образом: державно-патриотический, пейзажный, «любовный», юмористический, семейный, социально-публицистический...

Вот Виктор Коротаяев создаёт своеобразный *манифест*. Быть может, даже исповедь. Стихотворение называется «Поэт». Оно очень важно для понимания природы коротаяевского таланта.

Без сомнения, это стихотворение стало откликом на какую-нибудь лекцию-диспут, очень модных в 1950-60 годы. Скажем, о предназначении поэта. Стихотворение написано по-юношески страстно, с полемическим накалом. Так вот, «Поэт»:

Вы, Олег Владимирович, правы:
Засучив по локоть рукава,
Истинный поэт
Не ради славы
Ищет сокровенные слова.
У него и в мыслях даже нету,
Что когда-то,
сжав в руке тетрадь.

Будет он
среди живых букетов
На граните
бронзовый стоять.

Надо поговорить об «образах», чтобы понять замысел поэта. «Олег Владимирович» — не просто случайный персонаж. Олег Владимирович Шайтанов — профессор Вологодского педагогического института. Его лекции слушал студент историко-филологического факультета В.Кортаев. Во второй части строфы, поэт, скорее всего, несколько и лукавит. Призрака «бронзового гостя» в виде опекушинского Пушкина, ой, как многих стихотворцев посещал в сладостных или кошмарных сновидениях...

Но дальше — важно! Молодой поэт словно намечает себе «полюса» постижения мира для воплощения в стихи.

Просто он готов обнять полсвета,
Слыша, как прорезав вышину,
Первая советская ракета
Подстрелила старую луну.

Эх, какая эпоха досталось ему! Стихотворение написано даже ещё до полёта Юрия Гагарина. Иначе бы поэт не преминул отразить тот всенародный взрыв победных эмоций, который ему довелось пережить 12 апреля 1961 года вместе со своей страной.

Ещё не перекрыта Братской ГЭС Ангара, ещё не завершено «поднятие» целины, ещё не построена дорога Абакан-Тайшет, ещё не возобновлено строительство БАМа, а у поэта есть отчётливо-яркое понимание принадлежности к ещё одному поколению победителей, последнему в двадцатом веке. Сам «воздух» эпохи говорил об этом!

Но вернёмся к стихотворению «Поэт». Какой же другой полюс постижения жизни Виктором Кортаевым?

Просто он не хочет больше видеть,
Как под ним,
Внизу
Который год
Тётя Паня,
Не копя обиды,
В низкой комнатушке живёт.

Да, такое вот откровение!.. А ведь за грохотом салютов и победных реляций, действительно, славных, судьбоносных для страны и народа свершений, когда от вселенского восторга искренне хотелось «обнять

полсвета», вполне можно было и не заметить тётю Паню в «низкой комнатушечке».

Но нет ли у Коротаева несколько насильственного сближения образов: мощной ракеты с многоэтажный дом и «комнатушечки» тёти Пани? И уже почти реального, сдвину немного время вперёд, космонавта и тёти Пани? Вопросы по тем временам были бы признаны кощунственными. Но... Виктор Коротаев отвечает на него! И очень определённо отвечает.

Есть у него стихотворение «Сидели бабы на скамейках...» Похоже на парافраз известного рассказа Александра Яшина «Рычаги», только с другим наполнением содержания. Деревенские женщины обсуждают «свои колхозные дела»: сенокос «провален», дожди, электричества нет, молодёжь уезжает из родных мест, кинофильмы и то «с затяжкой на два года» привозят в их сельский клуб и тут...

**В углу хрипящий репродуктор
Неторопливо забасил
О том, что проводила в космос
Посланца нового Москва.
И Левитан приподнял голос,
Роняя вечные слова.
И бабы смолкли перед ними.
Неловко, вроде, стало им
Трястись с обидами своими
Перед величием таким.**

Сюжет начала 1960-х годов. Молодому читателю пришлось бы объяснять многие приметы того времени. Но люди постарше отчетливо поймут ситуацию. И если бы стихотворение оборвалось на этой строфе, они восприняли бы это как естественное, даже «правильное» проявление позиции поэта. Но... Коротаев не остановился на этом.

**Но старый дед, сопящий с ночи
На облюбованной печи,
Их в политической и прочей
Незрелости не уличил.**

Поэт сумел расставить свои приоритеты, сильно отличные от бытующего «общественного мнения». Судьёй эпохи, как тогда говорили, научно-технической революции (НТР), становится «старый дед». Но очевидно, что поэт с ним заодно. И уже он не уличает того в «прочей незрелости». А для этого в то время нужна была завидная смелость. И глубинное понимание народной жизни тоже.

Но дальше — проще! Дальше сюжет стихотворения «Поэт» пониматься должен любыми поколениями однозначно. Экспрессия поэтического накала достигает высшей точки: явилась непрощенная Муза!

Тут никому не надо объяснять, почему Муза берёт поэта в «охапку», «тащит и без шарфа, и без шапки в темь и холод, в дождь и снег, и в грязь». По воспоминаниям, очень показательное состояние для молодого поэта Коротаева, таков был характер! Она «ведёт» на свидание с берёзами и с впечатлениями от прошедшего дня, чтобы «натешиться» им, «запереть» за стол, а потом, измученного, бросить на жёсткую кровать... Одни-то тревожнения от этой Музы!

И всё же:

...Всё же он до смерти не изменит
Верной своенравнице своей.
Потому, что знает он заране —
Так ведётся с самых давних лет:
С ней —
одно мученье и терзанье,
Без неё —
и вовсе счастья нет.

Всё — точка? Может быть, думаю я сегодня, Коротаев не «договорил» ещё одного важной составляющей истинного поэта. Ведомый Музой, он должен оставаться *самим собой* в любые времена.

Теперь-то нам ясно, как «вырастал» Виктор Коротаев со своей Музой, каким значительным стал его талант. И как помогли ему в этом ориентиры, намеченные в стихотворении «Поэт».

Да, Виктор Коротаев писал разные стихи. Часть из них слишком «втиснуты» в ту эпоху. И могут в своей образной системе не совсем правильно прочитаны в будущем. Но это не значит, что он не поработал на вечность. Поэтому и обратимся к «вечным темам» в его творчестве: мужчина и женщина, любовь и судьба, народ и власть, жизнь и смерть...

Стихи о любви, о первом свидании, об охалке сирени, преподнесённой мальчишкой «королеве красоты» своей школы или улицы, всегда привлекательны для юного читателя.

Постижение поэтом женской души, отношений «мужчина — женщина» шло довольно сложно. Долгое время в его стихах преобладали мотивы «роковой любви», расставаний, разлуки. Ему хотелось высказаться за «порогом» отношений, хлопнув, что называется, дверью. Вот, быть может, наиболее характерное стихотворение той поры:

Ни прежней ревности, ни жажды.
Любовь ушла за облака,
Как аромат,
Вздохнув,
Однажды
Навек уходит от цветка...
Так пусть тебе

В твоём крушение,
В глухой беде,
В лихой судьбе
Послужит слабым утешеньем,
Что мне не легче,
Чем тебе.

В таких отношениях нет высшей пробы самой любви. Слышен даже невысказанный вслух упрёк: любимая решает дальше выстраивать свою судьбу, предположим, одна или с другим. Она не смогла оценить любимого, оказавшись *одной* из многих. Мужчина не чувствует себя виноватым. Ведь крушение любви, по его мнению, остаётся во многом на совести женщины. В другом стихотворении — «Прощальная» (то ли — мелодия, то ли — песня), поэт по-иному поворачивает ситуацию. Уже мужчина чувствует свою вину, что не мог удержать «свою» женщину, не сохранил взаимную любовь.

Такую женщину, глупец, —
Как ни одну пока из женщин, —
Извёл и вымотал вконец,
И сам измучился не меньше.

Тут показательно: *одну пока* из женщин, то есть опять-таки, *одну* из многих. И нет никакой уверенности, что не будет другой, за ней — следующей...

Остынув,
Разумом пойму,
Что все наветы — небылица.
Но, видно, сердцу и уму
Вовеки не договориться.

Как там говорил Заратустра? «И если мы и не любим от чистого сердца, — то гоже ли злиться на то, что не любишь от чистого сердца?»

Теперь
Тебе в другом дому
Светиться и не видеть свету.
А мне завидовать тому,
С кем ты разделишь долю эту.

Опять некоторая духовная слепота, даже «мужской шовинизм». Ведь надо-то бы «завидовать» любимой, пусть и бывшей! Которая, вероятно, обретает своё счастье, пусть и с другим человеком. А не оставаться «све-

том» в её окне. Опять нет возвышенности чувства, оно слишком заземлено в обыкновенность быта.

Более того, поэт совершает и роковую «ошибку». Уже в будущих отношениях, предельно обнажив свою несостоятельность на этой стадии становления мужчины быть любящим. Впрочем, речь опять ведь идёт о женщине, *одной* из многих:

А мне палить своё житьё
И, ладя сумрачно с другою,
При каждом промахе её
Невольно сравнивать с тобою.

Да, вот этого не потерпела бы ни одна женщина! Если она, понятно, не отъявленная феминистка. Оговорюсь, что в последней редакции этого стихотворения заключительной строфы нет. Это тоже показательно. Кто-то — всего скорей, женщина! — подсказал поэту на её недопустимость в разговоре о «слабом поле». (Привожу эту строфу только потому, что она может попасться на глаза, воистину — «что написано пером...»)

Читатель, может статься, решит обвинить поэта в душевной глухоте, нравственной несостоятельности. Ничуть! Наоборот, мы должны быть благодарны ему за тот прорыв к высшей любви, к её самой яркой звезде, который он в конце концов совершит. А путь к «звезде», не мной сказано, тернист и извилист. Он бывает таким почти у каждого мужчины! Кроме, быть может, гениев в любви.

Другой «срез» отношений мужчины и женщины встречаем у Коротаева в стихотворении «Оленька», одном из лучших в его любовной лирике. И одним из лучших вообще, как мне представляется, в русской поэзии на тему неразделённой любви.

Словно спела горлинка,
Словно встала зоренька,
Словно веткой голенькой
Вздогнула весна.
Это, ахнув тоненько,
Обернулась Оленька,
Будто колоколенка
Белая, стройна.

Можно только догадываться, почему такой мужественный человек, каким был Виктор Коротаев, решил написать такое нежное, почти «девичье» стихотворение.

Он, это видно, попытался отодвинуть от себя как автора, восприятие у читателя «Оленьки» народно-песенной стилизацией, сказочными алле-

горяими, *как бы* пересказом какой-нибудь бывальщины. Скажем, как у драматурга Александра Островского в его сказке «Снегурочка».

Обернулась Олюшка,
Золотое солнышко,
Золотое солнышко,
Боль моя и грусть.
Стоит только встретиться
С ней, моей ровесницей.
Вроде ясным месяцем
Сам я становлюсь.

Нет, почувствуйте: всё равно прорвалось что-то глубоко личное, потаённое. Особенно сильно в этом: «боль моя и грусть», «с ней, моей ровесницей»...

Не буду гадать, но всего скорее это была та любовь, которую принято называть *первой*, где-нибудь на рубеже детства и юности. Самая чистая и нежная... Поэт тогда почувствовал, что есть на свете *одна* — единственная только для меня. Пусть эта любовь не сложилась, не нашла взаимного чувства. Но поэт искал её в других женщинах. И не находил...

Снова от поношенных
Ситцевых горошинок
Молча, одинёшинок,
Уходил я прочь.
И всё та же девушка,
Проводив до бережка,
Не могла соседушке
Чем-нибудь помочь.

Да, «мираж-обманка»! Но прекрасный, чудный. Жаль, не болеутоляющий для сердца... Девушка — *одна* из многих, даже обернувшись Оленькой, всё равно не излечит и ничем не поможет. Да и надо ли?

Ведь какое прекрасное стихотворение! А почему? В основе его истинное чувство любви. В зерне его замысла — мужская нежность! Настоящие мужчины, сказать по секрету, тоже бывают нежными! Только часто прячут нежность глубоко-глубоко в потаённой части души. Она и есть первопричина поэтического видения мира.

Примерно в это же время, чуть раньше или чуть позднее, Коротаев пишет стихотворение «Не помню старого зачина...». Он использует тот же приём — сказочной символики и аллегории. Только вместо «Оленьки» теперь царевна, вместо «соколика» — настоящий сокол.

И всё бы казалось сложилось в этом стихотворении. Приём, как пишут учёные мужи-литературоведы, мог бы сработать. Сюжет, в сущнос-

ти, банален. Царевне необходимо лечить от ран своего сокола, который бьётся с коршунами. То есть, служит в армии.

Не трижды тяжкими кругами,
А тридцать раз, как лист на стёжку,
Я с перебитыми крылами
Срывался к милому окошку.
И вот когда помочь осталось
Разок последний бескорыстно —
Её терпенье оборвалось,
А, может, снадобье прокисло.

Ну что ж, скажет опытный мужчина: такое сплошь и рядом. Сколько «царевен» не дождалось своих суженных из армии! И надо сказать, что в таких сюжетах в жизни происходили настоящие трагедии, совсем не сказочные... И мы обнаруживаем, что «ткань» стихотворения лопается, будто трещит по швам, остаётся один «быт»:

Теперь царевна с тёткой Марьей
Торгует пивом на вокзале...

Вот эти-то две строчки и выдают истинное отношение бывшего «сокола-бойца» к своей любимой. Он «опускает» её на социальное «дно». В «то» время торговать пивом на вокзале было если не зазорно, то как-то пошло, наверное.

Но если ты сильно и искренне любить, так и выводи свою любимую к свету жизни. Нет, мужское самолюбие взыграло.

А поэт впадает в иллюзорность, теряет связь с «живой» жизнью. Он теперь «рассказывает сказки», что «в том мире» за «синим лесом» есть «только добрые принцессы и только верные царевны».

И всё почему? Потому в «сердцевине» замысла стихотворения была *обида*, пусть и сильная, отчасти — справедливая. Но к поэзии, как мы знаем, это не имеет отношения. Поэтому и стихотворение не «состоялось»: не очень-то верится в новые «сказки» про «верных царевен».

Впрочем, «тут и сказке...». Но тему продолжу.

Одним из самых сложных для восприятия произведений В.Коротаева, на мой взгляд, является лирическая поэма «Одна». Читая её сегодня, откровенно ощущаешь её актуальность. Мы снова живём во времени душевного озноба и почти тотального сиротства наших стариков. И у многих теперь в квартирах смотрит с икон «серьёзный немигающий Христос». И многие теперь «на пасху или святки» кидают в кружки побирушкам свою мелочь. А кто-то, наверное, и саван на ночь достаёт, чтобы быть готовым к моменту, «когда сорвётся цепь судьбы»...

Образ «грустной старухи» вполне бы мог прочитываться, как женщины, «живущей во Христе», порвавшей связи со «светским» миром, доживающей свой век в молитвах и постах.

Словом, отшельница-одиночка. Вот такая ещё одна женская судьба, увиденная Виктором Коротаяевым.

Всё это так. И не так — одновременно. И даже — совсем не так.

Уходим во времена «оны». Поэма издана в сборнике «Солнечная сторона», в 1975 году. И сразу обратим внимание — «Солнечная сторона»! И год — 1975! Написана поэма, выходит, и того раньше.

Заметим, что сборник «Солнечная сторона» — один из лучших у Коротаяева. Сколько в нём молодой энергии, жизнеутверждения, движения к высшим целям.

Какое всё-таки блаженство
В траве раскинувшись лежать,
Ни словом суетным,
Ни жестом
Движенью жизни не мешать.
Когда, забыв о прежних муках,
Довольный всей своей судьбой,
Зелёный мир
В цветах и звуках
Стоит, как праздник, пред тобой.

Да, кто же назвал то время — эпохой застоя? В свой зенит вступило последнее поколение *победителей* в двадцатом веке. Сколько славных дел у них уже за плечами. И вера в свои силы!

И не пугает слишком ныне
Средь неизбежных перемен,
Что смерть когда-то всё отнимет
И ничего не даст взамен.
Пусть лучше думается смело —
И прежде прочего всего, —
Что в жизни делается дело
Не без участия моего.
Что этот свет мне всё дороже
И я ищу всё больших дел
Не потому, что стал моложе
А потому, что не старел.

Вот такой гимн *своему* поколению.

Мы знаем, что Виктор Коротаяев никогда не был розовощёким оптимистом. Он умел отличать зёрна от плевел. Но в данном случае поэту ве-

ришь безоглядно: он искренен, смел, горяч, как всякий человек высокого полёта и дерзкой мечты!

Зачем тогда в «Солнечной стороне» поэма «Одна»? А для контраста, для равновесия «солнца» и «ночи».

В поэме Коротаяев многое не договорил. Хотя бы про судьбу «грустной старухи». Мы, например, не знаем, что случилось с её ребёнком или детьми? А ведь он или они были, раз есть внучка! Тут же простая логика.

Они — что? — отказались от неё за её, например, православные убеждения? Такое могло быть в ту эпоху. Вспомним: «сын за отца не отвечает», значит, и за мать тоже...

Или она их вычеркнула для других людей, оставив только своей тайной. Тогда — за что?.. Может, они были репрессированы. Это всего скорей. Чего бы старухе не хранить память, предположим, о сыне, если бы он погиб на войне, а поэту не сказать об этом. Нет, тут что-то другое.

Поэт, понятно, знал ответы на эти вопросы. И обмолвился так: она — «грустная старуха» — «ревнивый страж покоя беды своей...» Там, правда, дальше идёт «и радости своей». Но про «радость» известно — это внучка. Которая, впрочем, тоже старуху не сильно привечает. И есть большая вероятность, что не приедет проводить её в последний путь, даже если телеграмма не запоздает на «трое суток»...

Кто-то скажет, зачем вообще задаваться такими вопросами? Есть ведь хорошая поэма, всё в ней «понятно»: урок судьбы женщины, одной для себя, осмыслен и принят, как другой жизненный опыт.

Но я бы не спешил с ответом. Урок-то уроком. Поэт действительно расставил акценты «правильного» прочтения поэмы. Мы тоже понимаем, что может поздно прийти «полуосознанная жалость...к себе», когда сердца не коснулась жизнь. Когда, собственно, она прошла мимо...

Но думается мне, что поэт оставил нам и загадку, в чём-то остановившись на пороге разгадки эфемерности «женской души». И нам её теперь разгадывать. Не так всё просто в этой «грустной старухе». Есть и от неё след в жизни. Хотя бы, как противоположность её «солнечной стороне».

* * *

Итак, «есть женщина одна...» Как там дальше у поэта? Да, одна на всём свете!

А как там говорил Заратустра? «Никогда ещё не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о Вечность!»

Поэма «Есть женщина» когда-то была в ряду стихотворений поэта о любви и женщине. Но сегодня мы вполне можем поставить её на вершину воплощения этой темы у Виктора Коротаяева.

Собственно, сюжет нам уже знаком. Поэт рассказывает о том, о чём мы уже узнали из его любовной лирики.

Я тяготился грустной долей,
Но изменить себе не мог,
Мечтал о пушкинской любви я,
Мечтал, и сам себе с тоской
Я признавался не впервые,
Что в наше время нет такой.

Дальше идёт даже «онегинский» мотив:

Во мне угрюмость тихо зрела,
И скоро, чувства не тая,
Сквозь дымку лёгкого презренья
Взирал на многих женщин.

Да, именно — «взирал»! В наше-то время. Но поэт тоже имеет право жить иллюзорностью своего самопознания, как делали многие юноши не только наших дней. И хорошо, что поэта не отпускают грёзы о женском идеале. Он готов со многим смириться, даже с собственным несовершенством, но не отказаться от этого идеала. Есть глубинное понимание сущности настоящего мужчины: рядом должна быть женщина — одна-единственная для него.

Тут «среди шумного», нет, не бала, к сожалению, но мирской суеты перрона, с поезда сошла *она*. Поэт был готов к такому повороту событий. Преодолев смущение, всё-таки напросился объяснить незнакомке «градоустройство» нашего городка. Дальше сюжет пересказывать нет смысла. Пусть мимолётной была встреча. Но высокое чувство останется на всю жизнь.

Я помню в сыр
и чёрный ветер,
Как восходящую зарю:
Есть
женщина
одна на свете...
И я судьбу благодарю.

Кто скажет: ну, это банальность. А где же страсти «роковые»? А где терзания души и сердца? Если бы всё было так просто, то кругом были бы одни счастливые люди.

Всё так. Именно — банальность. Но она превыше любых драматических коллизий. Тем более, как мы уже видели, поэт, собственно, прошёл все этапы возмужания. Он дождался, когда придёт та одна-единственная, самая-самая любимая женщина. Вот, казалось бы, и всё. Точка в этой теме поставлена.

Но поделюсь ещё одним мужским секретом. Мужчина, если он настоящий мужчина, не может жить только ради женщины, самой любимой-разлюбимой. Ему ещё нужна высшая цель, чтобы оставить след на земле. Виктор Коротав хорошо понимал это. Есть у него стихотворение, которое подсказывает нам, что это так и было. Оно очень простое. Призывник собирается отправиться в армию. И как обычно что-то важное обещает своей любимой. Поэт тоже обещает, даже «синих северных сияний» на платье любимой. И всё-таки, он уезжает. Почему?

И пойми, что к сопкам нелюдимым
Не от глаз твоих я убежал:
Просто до тебя, моей любимой,
Я себя
России обещал.

Вот так: не больше, но и не меньше. Бравата юноши? Нет! Осознанные слова. Понятно, что в контексте стихотворения эти слова имеют конкретность своего выражения. Но сейчас они стали уже символом, одним из важных в понимании творчества Виктора Коротав. И это тоже одна из «вечных тем» его поэзии.

* * *

Думаю, многих из нас когда-нибудь ставил в тупик вопрос: с чего начинается Родина? Не всякий с ходу и сможет ответить на этот вопрос. А если, правда: с чего? Читаем такое стихотворение Виктора Коротав:

Россия, белая от снега
И золотая от сосны...
Следы последнего набега
Уже как будто не видны.
А столько тёмной хмари было
И горькой мглы наволокло...
Но всё лазурью затопило
И белым снегом замело.
И над раздольем звучной рани,
Легко катясь во все концы,
Звенят в серебряном тумане,
Быть может, счастья бубенцы.
И, замирая в зябких сенцах,
С особым вкусом,
Не спеша,
Любому звуку вторит сердце
И откликается душа.

Поэт возвращается к истокам судьбы. Он помнит своё военное детство, когда хватало и «тёмной хмари», и «горькой мглы»... Но тут в эмоциональном состоянии наступает просветление! Ему, быть может, слышатся «счастья бубенцы»! Тут самое важное — это «быть может»! Это почти пушкинское — «на свете счастья нет». «Бубенцы счастья» только грезятся, но сердце и душа им откликаются, вторят.

А, заметили, как «кольцуются» Россия и душа! В своём единстве, в своём постоянстве мировосприятия. Одно проистекает из другого и наоборот. Отсюда и чувство родины, отсюда и «счастья бубенцы».

В другом стихотворении Коротаев словно бы «расширяет» это настроение, используя почти тот же образный ряд.

Ну что, казалось бы, такого...
А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое — Русь.
И волны вновь отпрянут с мола,
И солнце двинется в обход,
А из раскатистого дола
Грозой и порохом пахнёт.
Замрёт звезда сторожевая —
И не постичь умом уже,
Какие связи оживают
И что творится там, в душе,
Что жизнь готов отдать задаром,
Когда, раздвинув берега,
Дохнут в лицо
Морозным жаром
Родные
Русские снега.

Да, «умом Россию не понять» (Тютчев). Коротаев сознательно идёт на переключку с предшественником. Он даже не берётся конкретизировать, что «творится там, в душе», какие «связи оживают», если только произнести коротенькое слово — Русь! И это — правда! В этом великая традиция русской поэзии.

«И когда мы произносим это простое и в то же время *необъятное* слово «Россия» (у Коротаева синонимично — «Русь») — и чувствуем, что мы назвали что-то самое главное в нашей жизни и нашей личной судьбе, то мы твёрдо знаем, что мы разумеем не просто природу, или территорию, или быт, или хозяйство, или государство, — *но русский дух*, выросший во всём этом...»

Так писал великий русский философ Иван Ильин. Мы сегодня повторяем эти слова не только в связи с поэзией Виктора Коротаева. Они ключ к тому, что должна и может нести русская поэзия в будущее, нашим потом-

кам. Это не просто слова. В поэзии Виктора Коротаяева много подтверждений этому.

Пятками прошлёпаю босыми
По тропинке солнечного дня.
Хорошо, что родиной
Россия
Чудом оказалась у меня.

Дальше поэт обнажает воссоединимость себя, одного из русских людей, с природой родной стороны, со всем народом. Он находит только светлые, «золотые» краски, чтобы воспеть свою родину. Ему даже и лопухи по нраву, не говоря о том, чтобы проснувшись, «не благословить речную гладь», а засыпая «одиноким ивам» «светлых снов не пожелать». А удаль молодецкая? Тут и трепака отчубуешь в праздник, и ворота можно «своротить», если случай представится...

И конечно,
В разуме и силе,
Нераздельны в духе и плоти,
Только в дорогой стране России
Все мы и могли
Произойти.

Создавая это стихотворение, Виктор Коротаяев не мог знать эстетической «формулы» Ивана Ильина. Но как точно он выводит свою поэтическую стезю именно к такому пониманию русской души. Через пространство и территорию — «дали», через «природу» — «ива», «речная гладь», через «быт» народа — к духу! А в контексте стихотворения мы понимаем: к русскому духу.

Более того, начиная своё стихотворение от «себя», от «я», что и подобает настоящему лирику, поэт вполне этически закономерно приходит к «мы»! Да, речь о «нас»: о тех, кто был, есть и будет на этой земле. Тут все звенья русской истории и жизни, тут истинное понимание места каждого человека в земном бытии.

* * *

Но нет ли тут, спросит кто-то, национального самоограничения? «Цивилизованный мир» стремится к «глобализму», всеохватности мировых процессов. И не только в технократических или информационных сферах, что, быть может, ещё и допустимо. Но ведь проглядывается желание установить «мировой порядок» и в нравственном, этически-поведенческом и эстетическом планах. Особенно, в культуре, лишив её национальных особенностей...

Интересно, что Виктор Коротаев попытался найти ответ и на последний вопрос. Он размышлял об этом тогда, когда никто ни о каком «глобализме» слыхом не слыхивал.

Оговорюсь, что поэт основную тему стихотворения несколько «камуфлирует». Он говорит о том, что есть некие «деятели культуры», призывающие потише говорить о принадлежности к своей стране. Мол, не надо возвышать «голос», когда говоришь о сокровенном. Возможно, тут отголоски полемики о «тихой лирике». Но это, понятно, частность прошлого времени. И всё-таки...

За столько лет совместной жизни
И общих дум,
И общих снов
Для дорогой моей Отчизны
Я не нашёл достойных слов.

Поэт укоряет себя тем, что не смог полностью раскрыть тему Родины. Наверное, осознаёт, что она слишком «объёмна», не всегда под силу даже очень сильному таланту. Но есть сопричастность к истории России, осознание как «светлых» её сторон, так и «тёмных».

А мне внушается с искусством,
Упомяну об этом лишь,
Что целомудреннее чувство,
Пока его не обнажишь.

Поэт говорит лишь об «искусстве», но подспудно мы понимаем, что речь и о «политике», и об «идеологии», и о том, что чужеродные ценности привносятся «втихомолку», как бы между прочим.

Стихотворение опубликовано в сборнике «Пока звезда не закатилась», вышедшем в 1982 году. Ещё далеко было до 1991 года, а поэт сердцем чувствовал, что неспроста идёт атака на русское самосознание. Хотя бы через культуру.

Я в эти вглядываюсь лица
И вновь тревожусь неспроста:
Что за молчанием таиться?
Добро, коль только пустота...
А может, им необходимо,
Скрывая истинную суть,
Детей
От матери родимой
Любою силой
Отвернуть?

Поэт именно так — многоточием — обрывает своё стихотворение. Он даёт право каждому из нас договорить то, чего ждёт от него «земля Россия». И мне бы не хотелось предугадывать ответ. Но и тут на помощь приходит Виктор Коротаев:

С Отчиной, с милою, землёй,
Мне никогда не рассчитаться
За радость быть самим собой
За счастье плакать и смеяться...
За землю, нашу испокон,
За откликающийся воздух,
За молодой и сильный сон,
Весь в голубых
И крупных звёздах;
За шум осоки у пруда,
За шелест утреннего сада...
Не рассчитаться никогда...
Хотя рассчитывать —
Надо...

Своей анафорой «За...» поэт заставляет и нас продолжать этот ряд. И не обязательно только приложимо к природе. Это «За...» может быть и в людях, и в обществе, во всех проявлениях русской жизни и её духовности. Заметили, я сознательно спрягаю разные времена. И мы видим, как поэт душой и сердцем был верен основным ценностям русской жизни, как глубоко он понимал процессы возрождения России. Он бы и сейчас не изменил своим принципам. Об этом говорят его стихи...

* * *

Как водится, «юноше, обдумывающему житьё» (да и девушке тоже) редко удаётся угадать свою судьбу. Это удел людей, изначально имеющих высокую цель в жизни. Это редко кому даётся.

Наверное, одним из счастливых исключений из этого правила был поэт Виктор Коротаев. На склоне дней он скажет суровую правду о своей жизни.

Никто не знает, слава Богу,
Ни дома,
Ни на стороне,
Какую грозную
Дорогу
Судьбина
Выдумала мне.
...Наверно, будет,
Что припомнить —
Ведь оглянуться
Есть на что...

Тот, кто прочитает это стихотворение впервые, может подумать, что никто и не заставлял поэта бродить по «хлябям», «рвам» и «буеракам» в «болотных сапогах». За конкретикой поэтических строк мы обязаны увидеть метафору самой жизни. Каждому выпадают свои «хляби» и «буераки». Но не каждый, оглянувшись назад, сможет сказать о себе, что жизнь удалась...

Более того, свою судьбу поэт построил наперекор многим обстоятельствам. Важно отметить, что Виктор Коротаев на протяжении своего творчества не раз возвращался к этой теме. По-видимому, справедливо считая, что поэт может выступать в роли своеобразного наставника для молодых.

Вот стихотворение «Недоростки». Оно было откликом на некоторые молодежные явления времени «застоя». В частности, позднее взросление, очевидный молодёжный инфантилизм.

Мы-то уже видели, что поколение *детей войны*, к которому принадлежал Виктор Коротаев, пору возмужания прошло почти мгновенно, не оставив время на раскачку в своей судьбе. Отсюда и жесткая эмоциональность поэта. Он имел на это *право*, доказав справедливость своей позиции собственной жизнью.

Рок зловещий,
Божья ли немилость —
А давно для мира не секрет:
Ничего из вас не получилось
Ни в осьмнадцать,
И ни в тридцать лет.
Может, я кого-то обижаю,
Но всегда
И у народов всех
Юноши,
Не ставшие мужами,
Вызывали жалость
Или смех.

Нет ли у вас ощущения, что вы подпадаете под магнетизм поэта? Как твёрдо и уверенно он ведёт свою линию стихотворения. И даже у тех, у кого появляется желание оспорить какие-то тезисы поэта, всё равно понимают, что напор поэтического текста в данном случае оправдан. Он идёт от беспокойного ума и глубоко переживающего сердца.

Отсюда, публицистический пафос этого стихотворения.

Мните те вы, что вы — персоны,
Голубая кровь,
Почти что — знать.
А ведь сами в общем
Не способны

**Собственного краха осознать.
Хвастая дипломами своими,
Вспомните о клятвах на крови...**

Тут можно голову на отсечение дать, что это написано не в 1980-е годы, а только вчера. Так всё актуально! Так, оказывается, всё долго зрело...

Что же с нами происходит? — хочется спросить в очередной раз. Почему «властителями дум», (особенно, у большей части молодёжи), вдруг стали все эти «короли» и «принцессы» эстрады, все эти плохие актеришки глупых телесериалов? Для чего они хвастаются перед нами своими особняками и лимузинами, яхтами и самолётами?.. Почему многие политики, плотоядно улыбаясь с экранов долбежных «ящиков», так часто говорят о благе народа, что за их спинами страну-то, Россию нашу в сущности уже разговоровали?..

Почему этих «почему» так много? И главное: почему нет ответа на главный вопрос: а мы-то где были? Вот поэт обращается уже больше к нам, ещё имеющим совесть и честь, ещё болеющим за свой народ?

**Где же ваши подвиги во имя
Родины,
Свободы
И любви?
Где они,
Высокие порывы,
Гордый дух,
Решительная стать?
Лопнули порывы,
Как нарывы,
Даже неудобно вспоминать.
Вместо меди — пропитое золото,
Как возмездье — старость невдали.
Говорите:
Время виновато
Молодцы, виновника нашли.**

Но как ныне бояться настоящей публицистики! Послушать иных «деятелей» от политики и литературы, то она и вовсе не нужна. Чего зря народ будоражить? Нам по «ящику» покажут как бы мы *могли* жить! Но не будем так жить потому, что на всех «золотого тельца» всё равно не хватит...

**Нам перерастать любое время,
Чтоб ему указывать пути.
Вы ж до своего —
Дурное семя —
Даже не сумели дорасти.**

Смех и жалость — всё, что я имею
По закону нынешнего дня.
Я сегодня
Просто вас жалею.
Время досмеётся
За меня.

Вот такой взгляд в будущее! Русское общество, действительно, растеряло многие идеалы «отцов» и «дедов». И как водится, с «водой выплеснули и ребёнка». А на дне её и была «мысль народная», самая вековая. Идущая и от Пушкина: и долго тем любезен буду я народу; и от Некрасова: эх, дубинушка, ухнем!.. А там — и «сама пойдёт»! Пойдёт ли?

Тут опять возможны стенания «эстетов» от поэзии. Ну зачем так грубо? Это же поэзия, а не газетная публицистика? Верно, поэзия! Но коль долго мы будем себя улаживать «чистыми звуками», тем дольше и будет больна наша Россия-Русь...

* * *

Поговорим о смысле жизни. Тоже вечная тема в творчестве Виктора Коротаяева. Многие из давних почитателей поэта обратили внимание на это стихотворение. Посвящено оно замечательному поэту Александру Боброву. Скажу сразу, что стихотворение отличается очевидной интимностью разговора, в который не посвящают даже близких. И на то, как мы увидим, были причины.

Ну что же ты молчишь,
Мой самый чуткий друг?
Меня пугает тишь
И ранит
Каждый звук.

Элегичность зачина наводит на мысль о том, что поэт подводит важные итоги в своей судьбе. По сути, он спрягает жизнь и вечность, думая о том, что многим из нас не хватает в жизни.

Я так бывал устал
И так вразнос любил...
Бывало, выпивал,
Случалось, даже пил.
Вздыхало вверх меня
И рушило на дно.
А сердце из кремня —
Бывает ли оно?

У Виктора Коротаева много стихотворений искренних до самых высоких полётов души. Но в данном случае ощущается внутренний надрыв. Ведь решается один из главных вопросов жизни: не была ли она случайна, так ли всё в ней сложилось, как задумалось в молодые годы?

И вот теперь лежу,
Судьбой почти отпет.
О чём-нибудь тужу?
Да нет, мой милый,
Нет.

Конечно, написано это в минуты душевного кризиса. Ещё у поэта впереди было довольно много лет жизни. Лет деятельных, творчески насыщенных. Есть ли тут понимание, что какие высоты не достигнуты? Или что-то упущено, растрчено впустую?.. Такие вопросы, надо сказать, задаются поэтом, многое понявшим в основах мировоззрения русского человека. Они характерны для тех людей, которые знают истинную *ценность* самой жизни. Они не появляются у людей равнодушных, самодовольных. Коротаев это хорошо понимал.

А плачу потому,
Что на исходе дней
Завидую тому,
Кто жил ещё
Ещё больней.

Поэт ставит точку, отказываясь от многоточия. Здесь нет вариативности. И для себя. И для нас. И для будущих читателей. Тут каждый может поискать синонимический ряд для слова «больней». Может быть, умней? Или — веселей? Быть может, ответственней?.. Или — добрей? Я не берусь отвечать за всех. Слишком полифоничен может быть ответ.

Есть ведь два понимания смысла жизни. Одно — «жизнь прекрасна и удивительна», вся ценность в ней самой. Второе — «после нас, хоть потоп». Тут я не беру ещё и третий смысл — теологический. Оставим «Всевышнему — богово». Наш разговор для светских людей. А им присущи первые два понимания смысла жизни. Какой же из них исповедовал Виктор Коротаев? Вопрос не праздный. На мой взгляд, первый. Именно — жизнь прекрасна!

Мы не одним живём на свете днём,
Зато одной мечтой и верой дышим,
Весёлых писем
По ночам не пишем,
Но и утрами
Тоже слёз не льём.

Всё так! Вот это характер! Сильный и независимый. Целеустремлённый. Такова была сущность Виктора Коротаяева. Наверное, на этой ноте и надо завершать разговор о художественном мире поэта. Думаю, что истинные знатоки поэзии Виктора Коротаяева, возможно, будут удивлены, что в *портрете*, пусть и литературном, не нашлось места для многих лучших и программных стихотворений замечательного лирика конца прошлого века.

Это действительно так. Но, во-первых, о таких стихах уже сказали другие. И мне не след повторять очевидное. Во-вторых, пусть будущий читатель сам сделает свои открытия. А их, я уверен, будет предостаточно. В поэзии В.Коротаяева ещё много глубинных «тайников», которые разыскивать не только нам, помнящих и любящих это прекрасного человека и гражданина.

Декабрь 2010 года

И ПОЁТСЯ ПЕСНЯ НА ЗЕМЛЕ...

(Поэзия Сергея Орлова в современном прочтении)

Роберту Балакину

Замечательный русский поэт Сергей Орлов беззаветно любил родной озёрно-лесной Белозерский район Вологодчины. Здесь были его родовые корни, сюда он частенько приезжал навестить близких и друзей. Родная земля подарила поэту вдохновение для многих прекрасных строк. Есть такое признание поэта:

**Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!**

Никакая излишняя восторженность, распрекрасные слова о патриотизме и любви к Родине не заменят порой такую задушевную интонацию. Поэту веришь, как самому себе. Тем более что за этой поэтической декларацией скрывается большой «корпус» стихов, так или иначе отражающих любовь к Русскому Северу.

Читатель, например, обратит внимание на исторический цикл стихов Сергея Орлова. Нередко через историю поэт пытался понять судьбу русского народа, своих предков. Это от имени своих князей скажет воин знаменитого Белозерского полка, стоявшего в засаде на Поле Куликовом, а затем решившего исход всей битвы:

...Так Россия с нас и начнётся
И вовек не кончится боле.

Поэт отчётливо понимает: древнее и вечное есть в судьбе каждого человека. Он через исторические легенды и предания показывает, что все мы звенья огромной цепи между прошлым и будущим. Это знание принадлежит человеку, который и сам был участником великого и трагического действия века двадцатого — Великой Отечественной войны. Это говорит о многом...

Быть может, поэтому снова и снова хочется вчитываться в стихи поэта Сергея Орлова.

* * *

Но сначала напомним очевидное. Родился Сергей Орлов в 1921 году, умер в 1977. «Мы не от старости умрём, от старых ран умрём», — сказал его товарищ по поэтическому поколению Семён Гудзенко, словно предвидя судьбу и свою, и Сергея Орлова, и других собратьев по перу тоже. Сердце поэта-фронтовика, как хорошо известно, такая же «рана», как и увечье от пули или контузия.

Его вхождение в литературу можно считать ранним, первые успехи отмечены ещё до войны. Как подлинный поэт Орлов сложился уже на войне. Его книга «Третья скорость» (1946), отзвук самых ярких и неповторимых впечатлений о той трагической поре, уверенно вводит его в круг советских поэтов. В итоге оказалось около тридцати книг стихов и публицистики — достойный итог жизни подлинного фронтовика.

Далее едва ли оспоримо, что не побывав Сергей Орлов на войне, он стал бы другим поэтом. Это отчасти верно. Но если оглянуться теперь на его творческий путь, то понимаешь, что это не совсем так. Дело тут в том, что и военная лирика Орлова имела свои незабываемые особенности. Отдав дань стихам о боях и подвигах русского солдата, Сергей Орлов, впрочем, сумел и о военных буднях сказать *свое* слово. Его в стихах всегда отличала фактологическая точность окружающей жизни. И тут он не изменял себе.

Только танкист смог бы найти такую точную деталь: «В танке холодно и тесно. *Сыплет в щели снег-пурга...*». Или только бывалый фронтовик знает, что в землянке «...знакомо все наперечет: солдат усталых перебранка, *песок за шиворот течёт*».

Но за фронтовым бытом, суровым и неимоверно тяжёлым, любимый образ того времени Сергея Орлова — «песня»!

Иногда в интонации хореической, почти частушечной, как в стихотворении с названием «Песенка»:

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!..

В другой раз возникают мотивы «жестокости» романса, пусть только и через цитату, как в популярном стихотворении «Ирландская застольная»: «Но тут же кто-то встал из нас и начал напевать: «Миледи смерть, мы просим вас за дверью подождать!...»

А вот слышен ритмический парафраз народной песни: «Хороша та сказка-песня, но взгрустнул водитель наш: «К милой я ходил на Невский, на шестой, друзья, этаж... И пока гремят снаряды, горизонт за Мгой в дыму, в Ленинград к моей отраде *нету ходу никому...*»

Нельзя исключить, что легко бы, наверное, вписались в тексты поэтов-песенников, скажем, Михаила Исаковского или Алексея Фатьянова, такие строфы, хотя Сергей Орлов сумел по-своему отразить чувства солдата-танкиста:

**Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонёк.**

**И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...**

А если вернуться к одному из лучших стихотворений о той, Великой Отечественной, войне «Его зарыли в шар земной...», то мы между строк вслушиваемся в великую мелодику реквиема, широкую и эпическую, вечную и космическую.

Как ни странно, об этом стихотворении всегда говорили как-то стеснённо, словно боясь нарушить некую тайну. Само стихотворение всегда было на слуху, но, быть может, сейчас стоит обратиться к нему вновь. Правда, очевидное и простое всегда сложнее для аналитического разбора.

Наверное, многих смущала некоторая тривиальность интонации зачина, очевидная отстранённость автора от описываемого действия. Тут даже гиперболический посыл (могила — «шар земной») обычно не останавливает внимание:

**Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.**

На первый взгляд, тут нет никакой торжественности момента. Ямбический четырёхстопник никак, как кажется, не возвышает силы чувства, слишком это «обиходный» размер в русской поэтике. И слово «друзья» словно бы окунает нас в каждодневное бытие. «Друзья»-то солдату, вы-

ходит, мы все, каждый читатель. Инверсия «солдат простой», хотя и имеющая силу поэтизации, только подчёркивает эту возможность: он «простой», но и мы — «простые»...

И тут вдруг прорыв в другой мир, космический! Тут шаг — к Вечности: «миллион веков», «млечные пути»...

Ему как мавзолей Земля —
На миллион веков.
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

Но тут опять «возвращение» на грешную Землю, уже в природу. «Солдат» теперь — частица этой Природы! Строфа раскрывает метафоры земной жизни, заметим, в очень встревоженном состоянии: *метелицы метут, грома гремят, ветра разбег берут*... Стёртая метафора, не очень заметная в своём происхождении, в общем-то, всегда признак хорошей песни.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.

Это подготавливает читателя к восприятию последней строфы, по сути, главной в стихотворении. Мы снова видим момент «здесь и сейчас». Наша память «кольцуется» с первой строфой стихотворения, но уже как завершённость его главного посыла: «Его зарыли в шар земной»...

Мы понимаем, автор к смерти на войне привычен. Для него «солдат простой» — один из многих, которой при нём «положен в шар земной». Он внешне спокоен, духовно твёрд. Ему очевидно, что смерть не была случайной, хотя давным-давно окончен бой. Личная «отсграненность» поэта от события в том и состоит, что для него этот павший солдат и первый, и десятый, и сотый... При этом, сила переживания остаётся такой же мудрой, как и в первый раз.

Сергей Орлов тему «жизни и смерти», а точнее — солдатского подвига, раздвигает во времени и пространстве до бесконечности; память его (и наша) о войне и потерях на ней светла и неизбывна, она на века!..

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Потом, со временем, оказалось, это посвящение всем русским солдатам, от рядового до маршала. Не только войны Великой Отечественной, но и всех других... Такова обобщающая сила поэтического слова.

Быть может, поэтому «Его зарыли в шар земной...» и оказалось «главным» стихотворением Сергея Орлова. Так бывает в поэзии. Написано поэтом много прекрасного и качественного, а запоминается главное и — иногда — единственное стихотворение, тут же ставшее общенародным. Или просто народным, уже без «имени» автора...

Впрочем, так иногда случается и с песнями...

* * *

Песенная основа, так или иначе, присутствует во многих стихах Сергея Орлова. Конечно, не только фронтовых, но и мирных.

Вслушаемся хотя бы в зачины его стихотворений: «Луна плывёт над белыми домами...», «Вечер небо за окнами вызвездил...», «Зима несёт в серебряной пыли...». Разве не слышна тут мелодика русской песни? А таких примеров в творчестве Сергея Орлова десятки. Словом, тут нет необходимости доказывать очевидное, что выразил кратко и метафорично сам поэт-воложанин:

**Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...**

По сути, это удивительно. Скажем, фронтовые стихи и «песенки» создавались в самой гуще военных будней, в перерывах между боями. А за грохотом боя, разрывами снарядов, рёвом дизельного двигателя танка «Т-34», поэт слышит... песню.

На наш взгляд, в самой песне или её «образе» поэт вольно-невольно искал свой «оберег», свой талисман. Песня поддерживала его веру не только в Победу, но и в реальную возможность будущей жизни, пока ещё далёкой, но уже такой прекрасной.

Важно отметить, что постепенно образ «песни» уходил из военной поэзии Сергея Орлова. Он ещё будет со своим народом слышать победные марши после Дня Победы. Его душа ещё переключается с тем, что тишину «над бывшим полем боя тревожит только песня под гармонь».

Но потом, в своих элегиях-воспоминаниях о войне, он будет слышать чаще всего «простую» тишину, его строки наполняет теперь философское размышление о том времени, о минутах памяти и скорби.

**Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.**

«Тишина» — тоже часть мелодии, необходимая пауза, чтобы начать новую тему. За отдалённостью времени, эти «паузы» становились всё длинней и продолжительней. Но в этом была осознанная необходимость:

нельзя было всё время оглядываться назад, где остались фронтовые дороги и обелиски с красными звёздами вдоль них.

Послевоенная жизнь рождала новые песни.

Но и сейчас, уже в наши дни, зримо ощущаем мы тот объём «войны» и «мира», который есть, как теперь принято говорить обо всём творческом наследии любого поэта, в «лирическом романе» Сергея Орлова. И понимаешь это именно через образ «песни», который постоянно присутствует в военной лирике поэта. В этом была замечательная особенность поэзии Сергея Орлова, этим он выделялся из рядов своего поколения.

Да, образ «песни» постепенно уходил из военной лирики поэта, но всё чаще он появляется в его «мирных» стихах. Недаром, даже в названии сборника «Городок» (1953) слышится что-то песенное, по-вологодски напевное.

Человеку холодно без песни.

На земле, открытой всем ветрам,

Я не знаю: в мире место есть ли,

Где не верят песням, как кострам...

Тут надо сказать несколько важных слов о послевоенном периоде в поэзии Сергея Орлова. Он как человек, и как поэт — был, если можно так сказать, «явлением» своего времени и *той* эпохи, с одной стороны — прекрасно-победной, с другой — трагически-противоречивой...

Он, конечно же, знал, например, что такое «великие стройки социализма»: ещё до войны мимо его родного Белозерска проходили баржи с заключёнными на строительство Беломорканала. Да и после войны он, всего скорее, встречал бывших фронтовиков, ставших обычными «зэка», на том же канале «Волга-Дон», где бывал в «творческих командировках». Без сомнения, Сергей Орлов знал «свинцовые мерзости жизни».

И вместе с тем, поэзия Сергея Орлова лишена той, «*другой*», стороны советской действительности. Она, если можно так сказать, однополярная. Но в сути своей — истинно-народная!

Наверное, нельзя эволюцию поэта рассматривать по меркам нового времени, его мировоззренческих идеологем, нашего *исторического* знания о том времени. Но мы вольно-невольно эти знания применяем, ищем ответы на *свои* вопросы. А всё, похоже, намного проще.

Слишком молодым человеком Сергей Орлов окунулся в тот трагически-безысходный спектр земного бытия, название которому — война. Там он увидел всяческие пределы земного существования, мог понять настоящую ценность человеческой жизни.

И когда он вернулся в родные края, совершенно по-новому всмотрелся в тот привычный быт районного городка (как, предположим, Белозерска), чтобы сказать себе и своим читателям: счастье на родной земле есть! И оно в этих близких людях, в северной природе, в тех трудовых свершениях, которые по силам его землякам.

**Я давно, признаться, не бывал
В городке зелёном, деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы...**

Дальше идёт, в общем-то, стихотворный «репортаж». Или, если объяснить по-иному, «рассказ в стихах». Этот жанр станет в то время чуть ли не главным для Сергея Орлова.

А это шло от новой влюблённости в родные места, когда, как виделось это поэту, каждая мелочь важна и достойна, чтобы её отразить в стихах. Поэтому тут много описательности, преобладают образы «зрительные», чем «чувственные». Надо перечитать стихотворение «У себя дома», чтобы это понять заново.

Всё стихотворение проникнуто не ностальгическим воспоминанием, а узнаванием другого быта, послевоенной повседневности. Таких стихов в то время у Орлова было много. Это показательно: ему нужен весь объём мирной жизни, все его радости и горести.

Опять-таки, из другого времени есть понимание того, что многие образы поэта потеряли актуальность и живописность, остались в прошлом. Это, конечно, в какой-то степени затрудняет их восприятие читателями новых поколений.

Но разве в стихах Орлова остаётся только «музейная» или этнографическая правда той эпохи? Интересно, что поэт уже тогда задумывался над такими вопросами. Вот он уже в привычном жанре «стихотворного репортажа» рассказывает о своём выступлении в колхозе. Стихотворение называется «Вечер стихов в колхозе».

Как теперь многим молодым горожанам объяснишь, почему на вечер поэзии собираются лишь ребяташки да сельская интеллигенция: «учительница, фельдшер, инженер»? Да, просто: сенокосное время, деревня и так по «три часа спит»...

Или почему радуется поэт в «сельпо» (сельский магазинчик), где «между сапог и вил, в строю брошюрок, жёлтых, залежалых, Твардовский всё же обнаружен был...»? Всё-таки, читают селяне, знают своего народного поэта, а многие ли молодые знают стихи А.Твардовского сейчас?

Как видим, придёт время, когда некоторые стихи Орлова придётся читать с пояснительным словарём. Например, сколько только профессий живого, ещё не механизированного труда встречается в стихах Орлова: плотгоны, сплавщики, бакенщики, паромщики, телефонистки, телятники, кружевницы... А ведь это были довольно массовые профессии, сейчас практически заменённые машинами.

Кстати, если обратить внимание на эти «профессиональные» стихи, то невольно поражаешься не только глубинному знанию поэтом народной жизни, но и передаче через профессиональные навыки каждого характера ролевых персонажей этих стихотворений.

Как обстоятелен и мудр фотограф из районного ателье, каждый день участвующий в создании летописи своего райцентра. Как привычно суровы плотогонцы и сплавщики, сражающиеся с водной стихией, по сути — с силами природы. Как серьёзен сельский врач-хирург, от решений и поступков которого зависит подчас жизнь его односельчан. Как возвышенно-творчески видят кружевницы-артельщицы красоту северной природы... Мы, идя вслед за автором, невольно поддаёмся сильнейшему обаянию этих прекрасных людей из народа.

Но вернёмся к стихотворению «Вечер стихов в колхозе». Тут на встречу с поэтом приходят три вдовы, потерявшие мужей на войне. И он, забыв о своих сомнениях в правомерности встречи с читателями в столь неурочный час сенокоса, находит те слова, что должен сказать своим землякам:

**И я прочёл для этих трёх солдаток,
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...**

Да, это оказалось, как говорится, по ситуации, самым главным и существенным. И хотя эта строфа — идейный центр стихотворения, поэт чувствует и понимает многообразие сельской жизни, там, за окнами клуба. И она ему важнее и интереснее, чем просто воспоминания о прошлом: не стихи в данном случае важнее, а сама жизнь!..

Если же вернуться к теме образа «песни» в творчестве Орлова, то невольно обращаешь внимание на другое стихотворение — «Шура Капарулина».

Эх, поймёт ли нынешний житель мегаполиса или крупного промышленного центра всю прелесть этого стихотворения! Ему, наверное, и не понять почему это предрик — второе «лицо» в районе (первое — секретарь райкома тогда ещё ВКП(б), тут упрочим и наше знание эпохи) откладывает все срочные дела, чтобы послушать песню из репродуктора.

**Молодой, грудной, шемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нём не тосковал?**

Сюжет стихотворения интересен тем, что вся сцена передаётся взглядом «лектора из областного центра», к тому же — ленинградцем (тоже теперь надо объяснять, кто это такой). А через него автор вводит тему двух «миров» того времени: «большого города» и «районных будней», тогда уже различных по миропониманию самой глубины народной жизни.

Лектор не скрывает своего недоумения: «Кто ж такая это, в самом деле?». Но вслушаемся в ответ предрика, у которого в эту минуту «свет из-под бровей»:

**Мастерица кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...**

Вон она, простите за банальный оксюморон, *скромная гордость* человека, который насквозь знает свой район, почти каждого жителя в нём. В душе этого, в общем-то, бюрократа той эпохи, обозначена его главная черта души: он накрепко связан со своим народом, «трудовым человеком».

И примечательно, что главным-то «героем» стихотворения опять-таки становится песня! Она объединяет всех жителей районного городка в одно целое.

**В парке, где поют на клёнах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?**

**И шофёр-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Шура Капарулина поёт!**

Это стихотворение надо прочитать полностью, чтобы до конца почувствовать все его нюансы. Тем более, через него можно понять и важные грани таланта поэта Сергея Орлова, для которого так дорог местный колорит родной Вологодчины.

И во многих других стихотворениях Сергей Орлов остаётся верен сам себе. Он именно воспевает труд своих земляков. Его стихи пронизаны радостью, светом от общения с простыми людьми из народа.

Впрочем, грани таланта у любого поэта не могут быть выявлены по нескольким стихотворениям. Поэтому надо поразмышлять и над другими особенностями творчества Орлова. В частности, привлекает его «любовная» лирика.

* * *

Тема любви к девушке, к женщине возникает в стихах Сергея Орлова ещё на фронте. Правда, нет в ней пока личного пристрастия. Скорее, это наблюдение за отношениями других.

**...Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;**

**Дом знакомый, тропинка к нему.
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...**

Как видим, тут чаще любовь-сон, любовь-воспоминание. Только в стихах мирного времени, любовь в стихах поэта становится одной из доминирующих тем. Мы можем не знать, кто такая «Л.П.», но стихи, посвящённые ей, выливаются у поэта в целый цикл, очень песенный и лирический в своей основе.

...Просто вспомнили вдруг про годы.
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

Вот и в ностальгической элегии «Стихи о первой любви» Сергей Орлов предпринимает довольно сложный психологический эксперимент. По «жизни» известно, что «грамматика» первой любви довольно проста: лучезарность и нежность первых отношений почти всегда таит грустную трагедийность этих отношений; они редко имеют продолжение в дальнейшей жизни влюблённых.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русой...

А женщина-то и есть именно «первая любовь» автора. А они и не виделись десять лет, а шесть вообще друг о друге не имели известий. И вот возникает контрастность впечатлений, как бы между юностью и зрелостью. Там была «девочка русая», проказница и озорница. Теперь перед автором зрелая женщина, в которой лишь угадываются черты той, самой первой. И видно, как «лирический герой» испытывает душевное раздвоение, надо сделать выбор, определиться, что его сердцу сегодня нужнее...

Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая.
Красивая передо мной
Стояла женщина чужая.

На наших глазах происходит чудо любви: неожиданно побеждает любовь зрелая, новая. Автор только констатирует, что забыты проказы и песенки девчонки русой, а на их место приходит шемая грусть, в «которой солнце, тишь, гроза»... Мы и тут можем не знать, чем закончились эти новые отношения, но их очевидная поэтичность поразит всякое любящее сердце.

В «любовной» лирике Орлова много и других отношений между мужчиной и женщиной уже, почти всегда, лишённых романтики первой

любви. В одном случае, это любовь неразделённая, как в стихотворении о женщине «двадцати восьми лет», отвергающей привязанность мужчин. В другом возникает тема «ухода», расставания...

...Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать её не пробуй,
Остановить её не смей.
Молить напрасно, звать напрасно.
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и её, как праздник.
Уже, наверно, где-то ждут.

Тут, в целом, «пушкинский» мотив: «как дай вам бог любимой быть другим». Лирический герой Орлова ведёт себя по отношению к женщине по-рыцарски, со зрелым пониманием глубины жизни. Это надо обязательно отметить: перед нами настоящий мужчина, вершитель своей судьбы, тонкий и деликатный, упорный романтик, глубокий знаток повседневной жизни.

...Нас уже отделяют десятилетия от той эпохи, в которой жил и творил Сергей Орлов. За эти годы вышло несколько книг, посвященных его жизни и поэзии. Они важны для постижения творчества поэта. Но как представляется, художественный мир Сергея Орлова и до нашего времени неисчерпаем, есть в нём свои «лакуны». Очевидно главное: поэзия Сергея Орлова остаётся востребованной в наши дни. Не только как отзвук ушедших времён, но и как прекрасная песня о самой жизни, которая будет вечно.

2011

ЛЮБОВЬ И СЛЁЗЫ

(О поэзии Нины Груздевой)

*Посвящая маме
Елене Леонидовне Смолиной*

На областном семинаре 1965 года рукопись Нины Груздевой будет рекомендована к изданию. Через два года книжечка выйдет, а название её будет отражать сокровенную суть, которую Нина, как ей тогда казалось, намечает для себя в русской поэзии. Пусть это не самая широкая путь-дорога, но зато *своя* «Тропинка» (потом окажется, что образ тропинки-тропы — один из ключевых в системе изобразительных средств Н.Груздевой), а это очень важно на первых порах для каждого поэта.

Пройдёт и это... Как снежинка
Растает, и вода сбежит...
И той же ты пойдёшь тропинкой,
И так же близко будешь жить...

Если кому-то покажется, что здесь пресловутая «любовная» лирика, то это, возможно, и лёгкое заблуждение. Тут главная мысль о будущей судьбе, ещё несостоявшейся, увиденной только в озарениях бессонницы. Чужая тропинка мимо палисадника героини лишь предсказывает перемены в её судьбе, но ещё потребуется время — *новая весна?* — для преодоления каких-то очевидных препятствий, чтобы встать уже на «тропинку» свою. Это потом часто будет в стихах Груздевой: за кажущейся *простотой* темы, как, скажем, в данном случае, неразделённой любви, нередко встает философское осмысление жизни, понимание её глубин и места человека в ней.

* * *

Нина Васильевна Груздева появилась на свет 15 ноября 1936 года недалеко от станции Пундуга Северной железной дороги. «Родилась я глухой ноябрьской ночью 1936 года, — сообщает она в своей автобиографии, — на тёплой русской печке в деревне Денисовской Харовского района Вологодской области в крестьянской семье. Принимал роды и завязывал пуп мой отец Василий Васильевич Груздев, председатель колхоза «Север». Мать моя, Лидия Васильевна Груздева — рядовая колхозница, была певуницей и плясуньей, легко сочиняла частушки и поэтому слыла заводилой всех деревенских застолий».

Через многие годы Нина Груздева словно бы дополнит себя в стихотворении «Звезда», которое она посвятила замечательному прозаику Сергею Алексееву:

Ночь была очень звёздной, когда
Меня мама на печке рожала.
За трубу зацепилась звезда
И на крыше моей ночевала.

Тут отец поспешил на приём,
Он пупок завязал так умело!
А звезда своим синим огнём
Обожгла мою душу и тело.

Это стихотворение отмечено своеобразной диалектикой в авторском выборе художественных деталей короткой элегии. «Звезда» — знак *избранности* судьбы, во многих поверьях — «печать Всевышнего». И, вероятно, надо бы радоваться это обстоятельству: редко кому из смертных выпадает «звёздный путь».

**И с тех пор так любя мне земля
И небесные манят чертоги,
Но с тех пор постоянно болят
Эти звёздные злые ожоги.**

Но «звёздные злые ожоги» в явном диссонансе с перспективой «звёздного пути». Поэт словно бы предупреждает: это не столько стезя личных достижений и признания общества, но, по большей части, путь неимоверных испытаний и душевных разочарований. Нескрываемая автобиографичность этого стихотворения подсказывает читателю: в этом состоит один из главных итогов судьбы самой Н.Груздевой, это одно из приобретённых убеждений автора. Вернёмся к истокам судьбы Нины Груздевой.

Судя по всему, главным человеком в детские годы был для девочки отец, Василий Васильянович. «Характер у отца был твёрдый, можно сказать, но и добрый в тоже время», — вспоминает дочь. В.Груздев был из породы тех вечных тружеников, которые постоянно в работе. Он и умер, тяжело заболев, когда стали ликвидировать его колхоз, рушать то, что долгие годы являлось его повседневной заботой.

**Отцовские места,
Черёмух снежный цвет...
Простая красота —
Её дороже нет!**

Как видим, даже ностальгические воспоминания о «малой» родине для Груздевой-поэта связаны с памятью об отце, она для их обозначения использует эпитет — «отцовские». Есть веские основания полагать, что свой характер она унаследовала от отца, а лирический дар от матери, Лидии Васильевны, как мы уже знаем, — певуны и славутницы, таким оказался наследственный набор родительских генов.

Если образ отца почти никак не отражен в стихах Груздевой (ну да, *пупок завязал так умело!*), то образ матери встречается. Образ матери — это, целом-то, — как «контрольная работа» для русского поэта.

Одно из стихотворений Груздевой начинается так:

**Я помню, мать меня просила,
Когда мне было лет пятнадцать:
— Ты дерево руби по силе,
А то недолго надорваться!..**

Сразу появляется явная оппозиция этому послы: *Но мудрость эту не усвоя...* Далее идёт развитие темы своей судьбы, из которой видно, что дочь определяла личную *парадигму*, собственную точку зрения на

жизнь — наперекор матери! Более того, итогом этого «сопротивления» наказу родного человека видится исход печальный, появляется образ ранней смерти: *Моё лицо белее мела...* Выходит, мать с одной стороны — символ вчерашнего дня (*Хоть деревенский мир и узок*), а с другой — носительница семейных традиций «человека из народа» (*Она мудрей меня...*). В другом стихотворении свидание с матерью, после долгого вечера воспоминаний «про прежнее житьё», заканчивается тяжким вздохом дочери: *Не знаю, чем помочь!* Тут не только желание найти «машину времени», чтобы вернуть маме молодость, новые силы к земному бытованию, но и очевидная отстранённость от её судьбы — дочери не дано повторить её жизненный путь — он у неё совсем в другом объёме мироустройства

Понятно, мама для Груздевой остаётся «человеком из детства», теперь с ней и связано возвращение в родные места. Временами дочь предлагает матери попробовать и другой срез жизни: *Я её в город зову*, — но, очевидно, уже поздно, у мамы — деревенской женщины с трагической личной биографией, нет сил выйти из замкнутого круга привычных условий бытования:

Тяжко это, как не понять! —

Покидать родные края.

Так вот и сидит у огня

Мать моя, старушка моя.

Очевидно, что через образ матери Нина Груздева передаёт сложное миропонимание выходца из деревенского мира на сломе эпох, когда уже частично разрушались самобытность жизни многовековой русской деревни и её культуры, основанной на фольклорных и народно-православных традициях.

Как практик «словоупотребления» Груздева, конечно, помнит вологодские говоры, его диалектические пряности, даже обращается к себе, уже сложившемуся поэту: *Не забывай слова родные!* Но тут же: *Я их в стихи не допускаю* — такова выявлена тактичность по отношению к своему прошлому. Тут нет раздвоенности в характере «лирической героини», в жизненных и творческих установках, нет, в общем-то, и терзаний по поводу граней «меж городом и селом» (Рубцов), но через образ матери остаётся очевидный «якорь» с деревенским прошлым, хотя окончательный выбор сделан в пользу «города» и его культурных ценностей.

* * *

Всякий человек, и поэт тоже — «суммарный итог своего прошлого».

Семья Груздевых могла быть огромной, но большинство детей, по некоторым сведениям — 13(!) — умерли ещё в младенчестве. Нина родилась, когда отцу было за сорок. Можно представить каким вниманием и любовью была окружена младшая дочь. Нет сомнения, что эта атмосфера любви позволила маленькой Нине перенести первое суровое испытание в жизни.

«Колхоз, который отец возглавлял, — вспоминала Нина Васильевна, — слыл лучшим в районе. Поэтому наш дом всегда был полон гостей. И кто-то из них завёз мне городскую болезнь — дифтерию, которую лечить, кроме аспирина, было нечем. Приговор местного фельдшера был суровым — мне сшили одежду на последний путь и ждали трагического конца. Но в одно утро произошло чудо: я вернулась из небытия. Мне шёл тогда четвёртый год. Ноги и руки мои бездействовали, и жизнь входила в них по капле. Снова долго и упорно училась ходить, говорить, делать...».

Из медицинских справочников можно установить, что дифтерия — болезнь очень коварная. Не по правилам залеченная, она даёт осложнения в последующие годы. Но на всю жизнь Нина запомнила, как отец носил её на руках, не впад в отчаянье, когда больную девочку не взяли в больницу, а только твердил: «Моя дочь будет жить!» Наверное, это заклинание и спасло жизнь его ребёнка, совсем ещё, в сущности, малышки.

Природное здоровье маленькой Нины и бережный уход родных помогли пойти на поправку. Но тяжёлая болезнь лишила её радостей здоровых ребятишек, ей приходилось больше сидеть дома под присмотром няни (только представить: отец-коммунист взял в дом бывшую монахиню-нищенку; пусть это оценят те, у кого есть историческое познание той эпохи), которая, между прочим, научила девочку вязать на спицах. Нина с увлечением занималась вязанием, что, как хорошо известно, воспитывает в человеке самоулюблённость и сосредоточенность.

А вот заводилкой среди подруг она никогда не была, оставаясь, скорее, ребёнком домашним («родительский дом» — один из сквозных образов Груздевой-поэта, она знает о его притягательной силе). И нет, как говорится, худа без добра: Нина стала опережать сверстников в развитии. «К шести годам, — говорила она много лет спустя, — я усвоила всю программу первого класса, и вместе с восьмилетками пошла в школу».

Надо помнить, что когда Нине было почти пять лет, началась Великая Отечественная война. Семью Груздевых не обошло общее горе, потери войны. Брат Василий, который был много старше младшей сестрёнки, в 1941 году ушёл в армию. Он погиб в 1943 году под Ленинградом.

Не минули семью и другие напасти военного лихолетья. Но Нина Васильевна вспоминает больше о том, что в годы войны проснулась в ней жажда учёбы. Дома было одиноко и грустно, родители с раннего утра и до позднего вечера на работе, и в 1943 году Нина упростила двоюродную сестру взять её в школу, а отец не был против: «Пусть сидит в классе, лишь бы не мешала».

Маленькая Нина не просто сидела в классе, а начала быстро осваивать школьные премудрости, закончив обязательное по тому времени образование на два года раньше своих одноклассников: «Семилетку закончила рано, — пишет Н. Груздева в автобиографии, — восьмой класс был в районном центре, учёба платная, а у родителей не было средств, и мне пришлось два года работать в колхозе. К счастью, в 1952 году открылась у нас средняя школа, уже бесплатная, и я, теперь с ровесниками, в 1955 году

закончила десятилетку. Продолжать учёбу не было средств, и мне пришлось остаться дома».

А что было делать? Нине ещё повезло, что время работы счетоводом в колхозе она совмещала с должностями заведующей избы-читальни и библиотекаря в поселковой школе, всё-таки имела возможность для систематического чтения и личного самосовершенствования. В те годы и было прочитано многое из кладезей русской поэзии, а в областных газетах ей, почти наверняка, попадались подборки стихов А. Яшина, С. Орлова, А. Романова, Валерия Дементьева...

Нина Груздева рано попала под влияние пружин поэтических текстов. Отец как-то спросил её о планах на будущее, и девочка вдруг выпалила: «Буду писателем!». В минуты грусти и одиночества, под влиянием первых влюблённостей, у неё стали складываться свои ритмы и строфы. Известно, что первое стихотворение она написала, когда ушла из жизни её няня, а одно из первых выступлений для зрителей случилось на выпускном вечере в школе. К сожалению, мы почти ничего не знаем из «ранней» Нины Груздевой, большая часть рукописей той поры пропала во время её скитаний по общежитиям и съёмным углам городской жизни в Вологде, а потом и в Москве...

В 1961 году Н. Груздева поступает в Вологодский педагогический институт на историко-филологический факультет. Вступительные экзамены сдала довольно легко, сказались большая начитанность и природный ум. Но сама студенческая жизнь, особенно, проживание в общежитии, где в комнате было 12 студенток, уже не могли удовлетворить Н. Груздеву, познавшую к тому времени тернии поэтического творчества (да она ведь была на пять-шесть лет и постарше многих сокурсниц).

В 1962 году Н. Груздева переводится на вечернее отделение, устроившись на работу в газету УВД области. Это позволило ей, имея, пусть скромный, но постоянный заработок, более уверенно чувствовать себя в городской жизни. Учёба в Вологодском пединституте дала Нине Груздевой главное: она входит в круг творческой молодёжи Вологды.

По-видимому, первое упоминание её имени в областных СМИ находим в заметке, опубликованной в газете «Вологодский комсомолец» 30 декабря 1961 года. В ней рассказывалось о литературном вечере в Вологодском пединституте: «Вместе с вологодскими поэтами выступили и «свои» — студенты института В. Коротаев, Л. Беляев, Н. Груздева, Ю. Завёрткин, Л. Патралов. В институте есть кружок, которым руководит В. Коротаев. В этом кружке крепнет мастерство молодых...». А ведь Нина к тому времени и проучилась-то в институте всего четыре месяца. Выходит, у неё уже был запас таких стихов, которые признали даже старшекурсники и преподаватели.

Что скрывать, во многом интерес к тому времени связан с тем, что в 1963 году начал своё возвращение на Вологодчину выдающийся русский

поэт Николай Рубцов, поселившийся сначала в селе Никольское Тотемского района. И уже из «деревни Николы» он начал устанавливать литературные и житейские связи с Вологдой. Мало кто тогда мог осознать, кем окажется в будущем «поэт из Тотмы» или «студент Литературного института», как часто представляли Николая Рубцова на литературных вечерах и семинарах молодых писателей.

Многие ли тогда обратили внимание на первые публикации поэта, даже «соседствуя» в одних подборках стихов, как, например, Леонид Беляев и Сергей Чухин. Одной из первых, кто оценил талант Николая Рубцова в Вологде... оказалась Нина Груздева. Отношения между ровесниками (напомню, оба — с 1936 года) почти сразу установились дружеские и прочные.

Данный очерк не может быть «реконструкцией» судеб поэтов, но тема эта невольно возникает, особенно, если перечитать некоторые воспоминания о Рубцове. В них чуть ли не красной строкой проходит: где Нина Груздева (почти всегда с Сергеем Чухиным), там рядом появится и Николай Рубцов... Ещё больше загадок к этой теме добавляет автограф Рубцова в книге «Звезда полей»: *«Любимой моей и нашей Нине, талантливой, чудесной. 20/VI*

Тут необходимо согласиться со всеми, кто говорит, как, например, Олег Дорогань: «Свойство поэтического слова таково, что одни и те слова и рифмы, иначе расставленные или даже слегка переставленные, настраивают нас на совершенно разные музыкальные волны. И одни из них слагаются в мелодию, трогают чувства или же охватывают всю душу, а другие в ней не звучат... Не случайно в свои стихи поэтесса допускает лишь те слова, которые душой поются». Критик говорит о *музыкальности* стихов Груздевой, что совершенно справедливо, но для истинного поэта важнее другое, а именно — точный выбор *своего* слова из всех кладезей родной речи!

Н. Груздева преимущественно пользуется существительными (почти всегда с эпитетами), сохраняя номинативную их основу в бытующем сегодня значении, что неизменно находит отклик в *душе* современного читателя.

У плетня пустеющего сада
Снова провожаю журавлей.
Милый друг мой, мне уже не надо
Опоздавшей нежности твоей.

По-видимому, это принципиальная творческая установка Груздевой-лирика. А, по сути дела, и запоминающаяся особенность её стиля: упрощённая форма не мешает между тем значительности содержания, скорее, как раз, наоборот, — чётче выявляет главную смысловую нагрузку стихотворения.

Это заметней всего ощущается в «пейзажной» лирике Груздевой-поэта. Приходится брать слово «пейзажная» в кавычки, ибо пейзажа как такого у

Грузевой, конечно, нет. Тут надо говорить об аллюзии на пейзаж, которая имеет символическую основу и требует расшифровки идейных смыслов.

Последний луч ушёл за окном,
Последний ветер стих на ветках зыбких,
И тишина блаженною улыбкой
Повисла над натруженным селом

Какая тут прямая перекличка (опять-таки!) с Блоком: *Последние лучи заката Лежат на поле сжатой ржи. Дремотой розовой объята Трава некошенной межи...* Конкретика зримой картины природы заменяется собирательностью образа: это не луг и не поле у родной деревни Денисовская, предположим, а просто — луг, вообще — поле.

Теперь читателю даётся простор для домысливания идейного содержания: хочешь — представляй это как «луг» любви, хочешь — как «поле» жизни, а хочешь ещё что-то иное. Автор явно не будет противиться любой интерпретации, ибо свою основную идею он высказал: «время-пространство» взято в «кольцо» (акцентировано закреплено в тексте начальное «последний луч» с завершающим «до самого последнего луча»): земная жизнь в мироздании повторяется в этих пределах. И речь идёт именно о «земном», а не о высшем знании, что, понятно, в своём хронотопе всегда уходит в бесконечность.

Тут приходим к той же теме, с которой столкнулся Вадим Кожин, объясняя отсутствие пейзажа в лирике Рубцова, вопреки всяческим очевидностям: кто не мастер конкретно-зримой «картины» в стихах, как Николай Рубцов? «Если уж на то пошло, — пишет Кожин, — поэт более склонен к утверждению *природной* основы человека, нежели к очеловечиванию природы... Это именно то новое, *современное* осознание проблемы «человек и природа», которое глубоко и ярко выразилось в поэзии Николая Рубцова».

Нина Грузева, даже не дожидаясь подобного мнения со стороны, почти декларативно провозглашает: *Я — не царь, а часть природы. Как деревья, как трава...* — и этим сразу убирает какие-то домысливания на этот счет. Но, на мой взгляд, изрядная символизация в пейзажной лирике Грузевой говорит как раз об обратном, её «пейзажным» стихам присуще *очеловечивание* природы:

И спокоен скворец,
И спокойна берёза,
Лишь из раны в коре
Будто катятся слёзы...

Однако природа у Грузевой не несёт признаков отторжения от человека. Её картинки природы почти всегда пропущены через душу, они принизаны светом в восприятии человека, лишены мрачных тонов, легко

воспроизводимы каждым читателем. Да, в этом смысле можно считать, что человек — часть природы, её неотъемлемая составляющая. При этом «номо сапиенс» должен прийти в природу с обнажённым сердцем, отбросив свои притязания к ней. Тогда он даже в ночном поле, подсвеченном лунным светом и объятый тишиной, почувствует неумолимую власть самой природы, а не свою силу в ней:

...Здесь только сердце может разуметь
Во всём большую дремлющую силу.

Тогда-то и появляется та высокая нота сопереживания с природой, такая как в этом стихотворении Груздевой, которое, как мне кажется, в главном перекликается со стихотворением Н.Рубцова «Ласточка»: *Ласточка носится с криком, выпал ттенец из гнезда....*, хотя, на мой взгляд, позиции поэтов расходятся кардинально:

Утром было тихо и тепло,
Из-за леса солнышко всходило.
Птица вдруг ударилась в стекло,
Неужели, бедная, разбилась?

И пока стояла птичья звень,
Я с тоской глядела людям в лица.
Было страшно в этот красный день
За себя, за ближних и за птицу.

Помните, у Рубцова персонаж обращается с упрёком к самой «ласточке»: что ж ты плохо за ним смотрела — этим самым мир природы и человека разделён — каждый в нём самоценен и самостоятелен. А вот у Груздевой всё сложнее. Образ птицы может нести двоякое толкование. С одной стороны: птица — символ мечты, надежды, и автору важно понять, как «люди» отнесутся к возможному крушению мечты. А с другой стороны, птица, стукнувшая в оконное стекло, по народным поверьям — сигнал о близком несчастье. В этом случае, более понятна «тоска» героини и тот страх «за себя, за близких и за птицу» — все они в едином круге бытия! Здесь могут возникнуть и более сложные ассоциации, а основой тому образ «птицы» — в трактовке Груздевой выступающий как символ отношений «человек и природа».

Есть и ещё одна черта стиля Груздевой-поэта — это *серьёзность* тональности её поэзии. Понятно, что такой художественной категории нет, но читатель это отчетливо чувствует: поэт ни на йоту не снижает своего уважения к «собрату» по земному бытию. В любом, даже самом остром сюжете (правда, таковых и немного), поэт выдерживает ноту доверительности и искренности, без возвышения своего «я», но и без потакания «массовому» шаблону восприятия жизни.

О философской лирике Нины Грузевой принято говорить несколько сдержанно, *как бы* вторым планом. Это объясняется тем, что «система взглядов» в её поэзии нередко сопряжена с так называемым «опытом жизни» простого человека, она вроде бы очевидна. Но практически все её стихи пронизаны разрешением главных вопросов бытия: в чём смысл жизни? в чём предназначение человека и чём его счастье? где его «начала и концы»? (Александр Блок): *А ты художник твёрдо веруй В начала и концы. Ты знай, где стерегут нас ад и рай... Познай, где свет, — поймёшь, где тьма!* (последний великий стих просто эпиграф к любой философской системе).

Но разве не из этого ряда «груздевское»:

Средь мира бордствующе-спящего.
Средь суеты и сора пошлого
Шуршат песчинки настоящего,
Спешат из будущего — в прошлое.

Какое же это прозрение! Как «просто» и отчетливо дана Ариаднина нить для тех, кто не знает, куда девать своё время! И каким же бесстрашием перед мирозданием надо обладать, чтобы сказать о себе:

Я с улыбкой и беспечностью,
Словно в облаке, плыву,
Синевой дышу, как вечностью,
И, как в вечности, живу.

На пороге же вечности в «поздней» Грузевой всё больше элегических размышлений о смысле жизни, о своих итогах земной судьбы. Уже кто-то отмечал, что в стихах Грузевой всё тоньше становятся связи человека в земном бытовании, всё чаще в стихах возникает — время будущее:

Однажды я стану остывшей планетой,
Умолкнут гудки, тишиною звеня,
Все бури земные, земные приметы
Не будут, мой милый, касаться меня...

И, в целом, как ни странно, в её стихах всё меньше душевного надрыва, всё больше оптимистического видения мира:

В природе тишина царит,
Но скоро пробуждение.
И этот краешек зари —
Предвестник возрождения...

А как итог — бесконечный полёт её Души:

Она повсюду с вами будет:
В любви, на отдыхе, в трудах,
И вы её найдёте, люди,
В моих стихах.

О любовной лирике Нины Груздевой уже много сказано, что тут повторяться. По сути, это любовь несостоявшаяся в бытийном разрезе, поэтому и не может быть универсальным рецептом счастья.

А подведение итогов её творчества — ещё впереди!..

Январь 2012 года

И ДОЛЫШЕ ВЕКА ДЛИЛИСЬ ДНИ...

(Вспоминая Владимира Кудрявцева)

*Ирине, Ивану и Марии
Кудрявцевым*

Написать бы о нём так, как умел он сам, с тем упругим движением каждого слова в коротком абзаце, которое обычно в прозе даётся только поэтам. Но я так не научился. Да, наверное, и не надо. Тут один из его заветов, данных мне этак лет тридцать назад: писать только так, как умеешь, иное от лукавого.

Впервые я увидел Владимира Кудрявцева весной 1983 года. В конце марта в областной газете «Вологодский комсомолец» появилось моё эссе «Чехов или Дюма?..» (название, как потом выяснилось, придумал редактор). А это по тем временам вполне законный дебют начинающего литератора. Запись в моём дневнике того года: «26 марта. Ходил в «Вологодский комсомолец». Говорил с редактором В.В.Кудрявцевым. Приглашают на работу».

Помню, была суббота. Яркий мартовский день. Оттепель. Я шёл в редакцию, местами даже перепрыгивая через лужи на тротуарах. Но в коридоре издательства «Красный Север» было сумрачно, густо пахло свежей краской. Редактор оказался не в своём кабинете, а напротив — в маленькой комнате ответственного секретаря Александра Торопова. Я назвался, редактор как-то обрадовано протянул свою руку. Разговор состоялся короткий. «Напиши ещё что-нибудь, — сказал Володя, — а там, смотришь, и на работу пригласим».

Всё получилось по-домашнему просто. Через очень короткое время, став своим человеком в «Вологодском комсомольце», я опять поразился тому, что атмосферу почти домашнего уюта создаёт сам редактор. Пона-

чалу это никак не вязалось с моим представлением о редакции влиятельной областной газеты. Но в такой атмосфере быстро усвоились «правила поведения».

В августе 1983 года я поступил в штат газеты «Вологодской комсомолец». Началась бурная жизнь корреспондента газеты. Мы стали видеться почти ежедневно. На третий день, наверное, после оформления на работу выяснилось, что Владимир Кудрявцев взял надо мной негласное шефство. Он как-то настойчиво советовал не слоняться по кабинетам, поменьше болтать на отвлечённые темы. А чтобы не появлялось соблазна на такое времяпрепровождение, стал настоятельно отправлять в командировки. И не «куда глаза глядят», а по закоулкам области, в самые отдалённые районы, куда по тем временам было «только самолётом можно долететь»: Никольск, Вытегра, Устюжна, Великий Устюг... Я быстро сообразил, что это проверка на прочность характера и профпригодность.

Но этим всё только начиналось. Обычно под вечер, когда сотрудники расходились по домам, редактор зазывал меня к себе: «Зайди, поговорим». Володя тогда много курил, кабинет был обычно в завесе сигаретного дыма, но мне, страстному курильщику табака, это казалось в порядке вещей. Володя не правил стилистику, хотя что-то вычеркивал беспощадно и уверенно, но иногда вдруг зачитывал неудавшийся абзац, советуя тут же предложить другую трактовку. Но не было, кажется, случая, чтобы текст не доводился до нужной кондиции.

Отчётливо запомнился такой случай. В феврале 1984 года скончался генсек Юрий Андропов. Наш редактор отправил меня на траурный митинг на заводе «Дормаш» Вологды. Мой репортаж начинался так: «Чёрным крылом скорби накрыло нашу страну...». Владимир Валентинович читал-читал, а потом как-то кисло-вато усмехнулся: «Так уж и «чёрным крылом»... Но, кажется, так и не вычеркнул эту пошловатую велеличность».

И таких примеров осталось в памяти много.

Довольно быстро наши вечерние посиделки переросли в дружбу. Какой-то, наверное, новый 1985-й год, мы с моей женой Ирой встречали в кругу семьи Кудрявцевых. После «обязательной программы», положенной в таких случаях, отправились на прогулку, где вдруг Володя предложил покататься с ледяной горки. Какой в нём проявился деревенский парнишка, с азартом и с посвистом слетавший с горки прямо в сугроб. Ох, и вывалились мы тогда все в снег! Знала бы детвора, столпившая вокруг, что с горки катаются редактор и сотрудник областной газеты... Но мы об этом из скромности умолчали.

А как-то мы поехали на репортаж о футбольных соревнованиях. В перерыве матча Володя упросил какого-то тренера дать ему мяч «попинать по воротам». Оказалось, что у него вполне, как говорят спортсмены, поставленный удар, он с детской радостью бил мячом по воротам, редко и промахиваясь. Тут выяснилось, что футбол — одно из увлечений школь-

ных лет. Володя играл нападающим, кажется, за сборную старшеклассников посёлка Сусанино Костромской области.

Забегая далеко вперёд в своих воспоминаниях, расскажу ещё один подобный случай. Лет семь или восемь назад поехали мы писательской делегацией на литературные чтения памяти поэта Александра Романова в село Воробьёво Сокольского района. После торжеств и искренних слов о поэте, отправились на реку Двиница. И вот представьте такую картину: прямо в реку ставят стол, а рядом по пояс в воде располагаются Володя и краевед Сергей Белов и начинают пить чай... Так мне запомнилось, хотя другие очевидцы утверждают, что на столе стояло что-то покрепче. Но Володя? Эх, каким разудалым русским купчиком увиделся он мне в эти минуты! Это, как считают психологи, и есть тот «разрыв шаблона», когда многолетний друг открывается с неожиданной стороны. Кто бы в такую минуту поверил, что перед нами поэт, прозаик, отличный журналист! Да с ним кроме как о «дебете-кредите» и говорить не о чем...

* * *

Но вернусь в 1983-й год. В те далёкие уже времена мы часто говорили о газете. Казалось, он проверяет на мне какие-то свои замыслы. Ведь Володя в тот год тоже стал газетчиком «начинающим», его утвердили на должность редактора в конце 1982 года, переведя из молодёжной редакции Череповецкого телевидения. Я же для него по-прежнему являлся простым читателем, хотя и с некоторыми литературными способностями.

С годами я понял, как мне теперь думается, манеру мышления Володи. Он не любил обывательской болтовни, чурался откровенных сплетен, но каждую полезную для газеты информацию считал важным облекать в объёмную мысль, разложить её по полочкам, найти самый верный способ донести её до читателя. Другими словами, Володе всегда была интересна многогранность мысли, а не её пошловатая прямолинейность.

Что Володе хотелось изменить в газете? Прежде всего, добавить художественности, если хотите — литературности в статьях и очерках. Надо было ломать стереотипы мышления не только журналистов, но и читателей. Это было особенно заметно, когда редактор надолго отлучался: в отпуск ли, в командировки ли. Тут выяснялось, что каждый «и.о. редактора» газету начинал делать по своим лекалам. И почему-то всегда получалось хуже, чем при Владимире Кудрявцеве.

Он не признавал суконного языка, каких-то трафаретных композиций в подаче материала. При нём заблистали во всей красе наши очеркисты: Нина Веселова, Анатолий Ехалов, Юрий Мацнев, Светлана Зайцева, Вера Маленькая, а потом Дмитрий Шеваров и Леонид Парфёнов. Добротный очерк, особенно на деревенские или нравственные темы, ценился им намного выше, чем проблемная статья о работе райкома комсомола. Но тираж газеты стал падать. Володю это огорчало больше всего.

И всё-таки Володя не сдавался. Ему стало тесно в малоформатной газете. В году 1984-м пронёсся слух, что областные «молодёжки» переведут

в статус еженедельников. Тогда появился прообраз этого решения — «Собеседник», как приложение к «Комсомольской правде». Наш редактор тут же стал составлять какие-то планы, направлять запросы в ЦК, чтобы ему разрешили в порядке эксперимента сделать молодёжный еженедельник на уровне области. Он долго «болел» этой идеей. (Даже свою диссертацию в Академии общественных наук готовил по теме о молодёжных еженедельниках.) Но в ЦК комсомола упорно молчали, видимо, хотели убедиться, что нововведение не нарушит систему комсомольского политпросвета.

* * *

Впрочем, он искал и другие формы работы «пропаганды и агитации». Однажды я предложил ему что-то вроде выездной редакции в одно из ПТУ области (сейчас не помню и какое). Он живо ухватился за эту идею, казалось бы, побочное для газеты дело. Назвали — «Уроки русского». Владимир Валентинович сам собирал «бригады» выступающих. Тут я не в первый ли раз поразился: какой большой у него круг общения! Это удивило тем, что он не был коренным вологжанином. Он тогда только-только и перебрался-то в Вологду. А тут: художники, литераторы, композиторы, барды, ветераны труда и войны оказались его друзьями или добрыми знакомыми.

Дело осложнялось тем, что говорить обо всём было нельзя. Однажды даже был такой скандалчик. Михаил Сопин, поэт сложной судьбы и резких взглядов на жизнь, прочитал какое-то стихотворение на тему трагической судьбы русского народа. Тут взвилась замполит профтехучилища: «Не надо этого нашим детям!» Владимир Валентинович долго о чём-то с ней разговаривал в сторонке от нас. И, наверное, убедил её в правомерности такого выступления. Он умел убеждать, если считал себя правым.

При этом никогда я не видел его сильно раздражённым, крикливым, «стучащим кулаком по столу». Больше всего он умел убеждать своим примером. В жизни я знал всего лишь несколько изрядных тружеников. На мой взгляд, Владимир Валентинович был одним из них. Нет, он признавал и весёлые вечерники, не являлся, как говорится, и «врагом бутылки». Но если надо для дела, то он всегда собран, сосредоточен, упорен в достижении своей цели. В нём жила коренная черта крестьянского сына: «сначала хлеб посеи и убери, а потом веселись». И сколько раз было: мы, позабыв про все свои обязанности, уже бражничаем по поводу и без повода, а он упорно и истово пишет своим мелким витиеватым почерком страницу за страницей очередного материала для газеты.

Тут живо вспоминается такой пример. В конце июля 1985 года Владимир Кудрявцев поехал в составе делегации Вологодчины на Всемирной фестиваль молодёжи и студентов в Москве. Так получилось, что я чуть ли не в одиночку остался на редакционном хозяйстве: время отпусков, почти никого в редакции и не оказалось. И помимо всяческих редакционных дел, мне было поручено каждое утро связываться с Володей по телефону, чтобы принять его репортаж о событиях фестиваля. Приходить на рабо-

ту надо было к 6 часам утра, ибо у него-то там, в Москве, день расписан по минутам (а ведь были ещё и бессонные ночи, наполненные встречами с другими делегациями). Но все шесть дней фестиваля, он каждое утро диктовал мне свои заметки, хотя чувствовалось по голосу, что давалось ему это с большим трудом. Обязательность — это одна из главнейших черт его характера.

Другой его чертой была истинная любовь к «простым» людям. Помню, собрались на какой-то праздник у него дома, наверное, его тридцатый день рождения. Неожиданно приехал его товарищ из Череповца, рабочий металлургического комбината. И было видно, как Володя потянулся в первую очередь именно к нему, рабочий человек был ему интересен больше, чем все мы, его друзья-коллеги по работе.

В тот вечер затеялся спор о роли рабочего класса и интеллигенции в развитии общества. Кто-то был на стороне «гегемона», кто-то убеждал в необходимости высокой миссии людей умственного труда. Но Владимир Валентинович, отдав должное роли интеллигенции, всё-таки склонялся к выдающейся роли рабочего класса в развитии советского общества (понятно, что слова произносились другие, я передаю лишь смысл сказанного). И мне не думается, что это было одним из уроков диалектического материализма, усвоенного Володей в Ленинградском университете. Это являлось, как мне кажется и теперь, его образом мышления.

Вот и в редакции он выделял не журналистов, пусть и самых талантливых-расталантливых, а машинистку Галину Николаевну Вербицею, одну из легенд литературной жизни Вологды второй половины двадцатого века (она печатала рукописи многих видных писателей того времени, являясь первым читателем их произведений). И... фотокорреспондента Олега Кононенко, незаменимого напарника в командировках Владимира Валентиновича. Помню, как глубоко горевал Володя, когда Олег трагически погиб, поздним апрельским вечером 1987 года угодив под поезд...

* * *

По должности он должен был бы чиновником, каждый понедельник отправляющимся в обком комсомола на планёрку в строгом костюме и при галстуке. Но как раз «чиновничье» обличье ни в образе жизни, ни в манере мыслить к нему не приставало никогда. Ну, какой в самом деле из него чиновник...

А между тем получилось так, что я вольно-невольно втянул его в чиновничью упряжь. В 1989 году я и поэт Михаил Карачёв были избраны депутатами областного Совета народных депутатов. Меня утвердили председателем комиссии по делам молодёжи, а Михаила Ивановича председателем подкомиссии по культуре. Когда формировался новый облисполком, выяснилось, что именно нам надо предложить кандидатуру на пост начальника областного Управления культуры.

Владимир Валентинович в это время учился в Москве, в Академии общественных наук при ЦК КПСС (в те времена с его талантом он вполне мог

сделать блестящую журналистскую карьеру в столице, к тому были все предпосылки). По каким-то делам я позвонил ему в Москву. Попутно рассказал о текущих проблемах на депутатском поприще. Спонтанно у меня появилась мысль: а, может быть, тебе попробовать? Володе оставался ещё год учёбы до защиты кандидатской диссертации, уже почти написанной к тому времени. Он подумал немного, а потом ответил: «Почему бы и нет?»

Это явилось одним из поворотных моментов его биографии. Началась сложная «подковёрная» суতোлка, кандидатов было несколько, и людей достойных, настоящих управленцев культуры. Владимир Валентинович всего этого не любил, прямо-таки сторонился. Но мы с Михаилом Карачёвым проявили настойчивость и убедили товарищей по депутатскому корпусу, что именно Владимир Кудрявцев и есть лучший из лучших.

Мне трудно судить, благо ли для Владимира Валентиновича мы сотворили или нет. Спустя какое-то время мы снова стали работать в одном здании — бывшего обкома КПСС на Пушкинской улице. Он на седьмом этаже, а я на четвёртом — в редакции газеты «Русский Север». Иногда я поднимался на лифте к нему, иногда он заходил ко мне. После каких-то откровенных разговоров оставалось впечатление, что не всё у него ладится, чиновничья среда не являлась поначалу его родной стихией.

Не раз довелось слушать его отчёты на сессиях областного Совета. Но это не были отчёты в точном смысле этого слова. Хотя, понятно, он и использовал статистику, находил свои факты и аргументы. Но это, как мне представлялось, была откровенная публицистика, размышления о том, какой должна и может быть областная культура, если к ней приложить средства и усилия работников управления культуры.

Мало-помалу Владимир Валентинович втянулся и в многотрудную работу управленца культуры. Он уже с гордостью показывал сигнальные экземпляры могучей серии «Старинные города Вологодской области», в главной редколлегии которой он состоял многие годы. Наверное, инициаторами серии являлись учёные-историки и краеведы, но без поддержки Владимира Кудрявцева она едва ли состоялась в таком объёме и географическом размахе, какой стала в итоге.

Однажды вышли мы вместе из здания на Пушкинской, а он вдруг приглашает пойти в филармонию. То, что я увидел, не поддавалось описанию: разобранные полы, побитые стёкла, обшарпанные стены... Одним словом, разруха. А глаза Володи горели: «Ещё год, от силы полтора и это будет самое лучшее здание культуры в области!»

В другой раз он специально повёз меня в Ферапонтово, чтобы показать фрески Дионисия. Музей тогда был на консервации, посетителей не пускали. Но для начальника управления культуры сделали исключение. В том смысле, что он и приехал решать какие-то технологические задачи, чтобы поскорей музей стал доступным для посетителей. Года через три или четыре я снова попал в Ферапонтово. Стало очевидно: какая большая реставрация там проведена. И, естественно, при непосредственном участии Владимира Кудрявцева.

Обо всём этом, наверное, подробно расскажут другие его соратники, кто был рядом с ним в те годы.

Впрочем, в работе начальника управления культуры была и обратная сторона медали. Бесконечные презентации, премьеры, вернисажи, фестивали, приём гостей со всех сторон света, постоянные командировки и поездки по области, по стране и по миру требовали поистине богатырского здоровья.

Как казалось со стороны, оно у Владимира Валентиновича было изначально крепким. Но вдруг пошли истораживающие известия: то ему вживляли сердечный стимулятор, то вдруг повышался сахар в крови, то барахлили печень или почка... Володя только изредка что-то говорил о своих болезнях. На какие-то дружеские вопросы по поводу здоровья отмахивался: а, пройдёт!.. Была ли в этом простая беспечность человека, привыкшего всего себя отдавать делу? Наверное, так. Но в тайне ото всех (а мы с ним об этом говорили), его поддерживала уверенность, что главное в жизни сделано добротнo, прочно, основательно, как крестьянский дом.

Это главное — состоявшаяся полноценная судьба! Владимир Кудрявцев едва ли обманывался на этот счёт. Он знал вершины своих личных и общественных достижений.

Его чиновничья карьера длилась больше десяти лет. Главной причиной отставки с должности стало пошатнувшееся здоровье Володи, что известно, как говорится, из первых уст. Как мне кажется, прав Владимир Панцырев: «Володя был честный и добрый человек с тонкой и ранимой душой. Это питало его поэзию, но мешало в работе. Он — в первую очередь поэт — при любой власти всегда был «птицей с белыми крылами» среди чиновников и в одиночестве мучился от того, что иногда приходилось совершать по долгу службы. А это отнюдь не на пользу здоровью физическому... Злая закономерность человеческой популяции: душевно чистые люди уходят раньше — кто в запой, кто навсегда».

Накануне прощанияс Володей написалось несколько горьких строк (прошу прощения за некоторые смысловые повторы в тексте, но и сокращать что-то нет сил). В редакции сайта «Российский писатель» дали такое название — «Памяти друга, или О чём болит сердце»:

«Да-да, не стало у меня друга...

Когда-то запомнилось, что православные люди не принимают светскую формулировку: «ушёл из жизни». И в данном случае, я с ними согласен. Он не может уйти...

Сейчас нашёл последнее письмо Володи:

«Андрей, здравствуй!

Не помню, отсылал ли я тебе рукопись избранного. На всякий случай отправляю, чтобы ты имел представление о структуре книги, её наполнении. Это пока черновой вариант. Чистить буду потом. Отдельно отправ-

ляю стихи, которые я включил в книгу — и старые, и новые. Новые стихи из тех, что я в будущем намерен включить в книгу, о которой, помнится, тебе говорил. Ту, что я написал за год — 365 стихотворений, но ею займусь позже. Надо делать выбор. Не знаю, смогу ли издать избранное, но предпосылки есть.

Итак, принимай проект для ознакомления. Будут вопросы — пиши. Может, я не так понял твою просьбу. О каком очерке ты говоришь, о том, что уже написан и опубликован? Или речь идёт о чём-то другом?

Я по-прежнему чувствую себя неважно. До обеда хожу по врачам. Скоро у меня комиссия, а с обеда лежу. Силы оставляют. Такого со мной не бывало. Не знаю, что и случилось. Если я не приду на собрание, то объясни, почему я отсутствую. Мне не высидеть. Увы! Кстати, а во сколько собрание?

Завтра выписывают Иру. Буду встречать.

Удачи тебе, сил и вдохновения. Обнимаю.

Остаюсь на связи — ВК»

Дата: 11 апреля 2013 года. Тут уже и не важно, что сообщал я ему о собрании Вологодской писательской организации, что просил он меня о предисловии к своему избранному, что надо было отправить в газету его очерк к 100-летию Александра Яшина... Важно, что Иру выписывают, его жену. И я вот сейчас снова прочитал его любимое: «Остаюсь на связи». И стало горько до слёз... Не будет больше связи, не будет больше писем.

...Как-то снова отчетливо вспомнилась первая встреча. Это было ровно тридцать лет назад, в марте 1983 года. Уважаемый мною человек сказал, что меня разыскивает редактор газеты «Вологодский комсомолец». Я только послал туда свою первую статью, вскоре она вышла на целую страницу. Но я не был горд собой. Всё казалось: ну и что такого? Статья-то слабенькая. Собравшись с духом, всё-таки пошёл. Навстречу поднялся довольно высокий человек, в легком свитере, с какими-то просветлёнными глазами, и как доверчиво он протянул свою руку: «Владимир!»..

Дней через десять я снова к нему зашёл. Уже с новой заметкой. И стал к нему ходить каждую неделю за каким-то новым заданием редактора. И доходил до того, что через несколько месяцев он принял меня на работу корреспондентом газеты. Так, собственно, началась моя творческая биография. Всякий из нас, кто прожил вполне достаточно, знает, что в судьбе есть тот важный человек, которой помогает утвердиться в этой жизни. Таким человеком стал для меня Владимир Кудрявцев... Володя Кудрявцев...

Я всегда удивлялся: как много вокруг него людей! Это было какое-то наваждение. Было обычно так: если редакционная машина отправляется в какой-нибудь район, то набивалась под завязку. И вот, приедем в колхоз, а Володя говорит: «Ты иди в контору, а я тут с мужиками поговорю!» Или: «Ты отправляйся в райком, а я с ребятами из ПТУ постараюсь встретиться...» Нет, он не чурался и начальства, но ему всегда было интересней с «простыми людьми». Именно — кавычки, простых людей для него, конечно, не было. Они-то и были на первом плане в его мировосприятии.

А потом и получалось: у меня интервью с секретарём райкома комсомола, а у него очерк о стороже фермы...

Когда он стал «командовать» культурой Вологодской области, частенько брал меня в свои поездки. Где мы только не были! Объездили всю область! Тут вот вспомнилось: приезжает Валерий Гаврилин, он мне звонит из кабинета начальника управления культуры и говорит: «Приходи, может быть, это последний концерт лучшего русского композитора в Вологде». К сожалению, так и случилось...

Так и в поэзии. Он был поэтом, а в Вологде быть поэтом многого значит! Тут ведь были Батюшков, Яшин, Рубцов!.. Володя был уже горожанином, но в стихах одна из главных тем: как там моя деревня, как мои односельчане? Что с моей родиной?.. Его любимый образ — Дом. Родной дом деда, где он вырос; дом, где жили мать и отец; дом, где жили жена и дети Ваня и Маша; Дом — Россия!.. И Дом — Земля! Это космогоническое, это «крестьянский космос»!

Живу не на окраине —
На Севере Руси.
Мои снега проталины,
Моя на небе синь.
В каком селе — угадывай,
Живу у светлых вод.
Под домотканой радугой
У клюквенных болот...

...Написал я о Володе книгу. Он её читал. Не хвалил, но приговаривал: можно и так! Конечно, можно и так. Я с ним соглашался. Ибо понимал, что души поэта постичь нельзя. Да, нельзя...

С рябины ягоды бруснит медведь.
Стучат рога лосей в безмолвной рани.
И солнце бледное стоит в тумане —
Само себя не может обогреть.
Стекают листья, по стволам скользя.
Их больше, чем грибов в моей корзине.
А из тарелки жёлтого груздя
Синичка клювом ловит по росинке...

Как-то я заметил, что почти все его стихи заканчиваются многоточием. Он сказал, что — да, жизнь бесконечна!

Только теперь я понимаю, что это и был смысл его жизни!

...Уже нет слов! Наверное, они придут потом. Но сейчас лучше помолчать, завтра — отпевание...» (29 июня 2013 года).

Но как же теперь быть нам?

Что открылось с его уходом таинственного и безбрежного, чего мы не знали при его жизни? И в нём, и в его судьбе... Ведь он был весь на виду до тех известных пределов души, куда, понятно, уже никто не допускался. М.Пришвин писал: «...поэзия... рождается в простой, безобидной и неоскорбляемой части нашей души, о существовании которой множество людей даже и не подозревает. Настоящая поэзия потому так редка и так в конце концов высоко ценится, что очень мало людей, которые решаются и умеют считать реальностью эту сторону души. Огромное большинство людей в жизни своей исходит от обиды, оскорбления или греха...»

Владимир Кудрявцев редко называл себя поэтом. Видится в этом не только его природная скромность, очевидно и явно присущая ему, но и та высокая степень защищенности от чужих посягательств как раз в те сферы, где поэзия рождалась, переливаясь потом в словесные оболочки. И сколько бы ипостасей мы не припишем ему теперь: журналист, поэт, деятель культуры, прозаик, эссеист, одна из них неизменно превыше всего — поэт!

Его имя давно вошло в русскую литературу (в её «вологодско-костромскую» ветвь), но вольно-невольно мы, его «соседи» по времени и по судьбе, скорее по инерции всё ещё спрашивали себя: что же это за явление такое в русской поэзии — поэт Владимир Кудрявцев? И думается, что ответов-то ясных и четких найти не так легко: требуется опыт не только филологический, но и подлинное знание традиций русской поэзии, её глубинных истоков. По сложившейся практике выстраивания всяческих ранжиров, Владимира Кудрявцева числили продолжателем поэзии Александра Яшина, Николая Рубцова, Александра Романова, Сергея Чухина, Виктора Коротаева... Но согласился ли бы он безоговорочно принадлежать к этой мощной традиции, памятно сложившейся на Вологодчине в 1960-е годы?

Вся его биография, как казалось бы, только подтверждает приверженность к этой традиции.

Действительно, крестьянский сын Владимир Кудрявцев с молодых лет впитал в себя дух русской сельщины, познал глубину деревенской жизни, ощущал в себе исторические корни русского общинного бытия. Это влилось в него, как говорится, с молоком матери, укреплялось воспитанием дедов и бабушек (да и всей многочисленной родни) в раннем детстве, ностальгически поддерживалось в те времена, когда после учёбы в Ленинграде он решил не возвращаться на «малую» родину, выбрав местом жительства Вологодчину.

Литературная Вологда — суровое испытание для каждого литератора, причастного волею судьбы к ней. Немногие, ох, немногие (и таланты истинные) выдержали здесь экзамен на звание русского поэта. Но Владимир Кудрявцев, по-крестьянски основательно, как бы исподволь, шёл своей дорогой, намеченной как-то давно, ещё в отроческие годы, когда стали

складываться первые рифмованные строчки... Его никогда не бросало в поэзии из стороны в сторону в «поисках себя» или в «экспериментах с формой стиха». Ему было чуждо и слепое подражание любым прославленным в литературе именам, хотя какие-то влияния в «ранней» поэзии при желании можно и найти.

Сегодня суть уже не в этом.

Теперь необходимо отчётливо видеть те стержневые направления в поэтическом наследии Владимира Кудрявцева, которые он сам и обозначил в названиях глав этой книги: Дом, Россия, Мир, Вселенная... Для Владимира Кудрявцева — это не просто общепринятая символика, которой пользовались многие другие русские поэты разных эпох, особенно, выходцы из крестьянского сословия. Это те тектонические круги расширения собственного мировосприятия, которые он постигал самостоятельно, по-своему определяя особенности каждого из этих многомерных понятий.

Как представляется, главным стержнем в поэзии Владимира Кудрявцева является образ Дома! Он возвращался к нему до конца своих дней, варьируя его осмысление на разных этапах своей жизни. Действительно, для него многое в судьбе началось в крестьянской избе деревни Попово Костромской области, где он сделал первые шаги и произнёс первые слова. Его память удивительным образом сохранила те начальные годы жизни, если даже через много-много лет, взявшись за прозу, он в мельчайших подробностях восстановил деревенский быт, судьбы родных людей разных поколений и своих односельчан. Из костромских мест идёт и та бесконечная любовь к русской природе, которую он так смог живописать в своих стихах, что это уже становится одним из «фирменных знаков» его поэтического наследия.

Из деревни Попово идёт и исток трагедийности его мировосприятия (и в целом-то характерный для поэтов поколения Владимира Кудрявцева), которые в «массовом порядке» покинули свои родные деревни и сёла, чтобы продолжить бытование на земле уже горожанами в первом поколении:

**Нет деревни. И дом мой сожгли.
Зарастает травой дорога...**

Тут стоит перечитать его поэмы, особенно, «Моё поколение», «Исход», «Конец века», чтобы понять в судьбе самого поэта и многих его сверстников всю глубину трагедии «сожжённого дома» и «потерянного пути». Эта тема позволила Владимиру Кудрявцеву подняться до высот исторического осмысления сложнейшей и противоречивой эпохи распада его изначально родной страны — Советского Союза; а потом осознать трудности обустройства страны иной — «новой» России.

Но в понятие «Дом» у Владимира Кудрявцева входила и тема развития самой русской жизни. Тут он традиционен, последовательно устойчив в поведенческих правилах земного бытования, что кто-нибудь сочтёт его за

подлинного «консерватора». Как это и находим у многих «крестьянских» поэтов, в его систему ценностей человека и поэта входили семья, повседневный труд, искренняя забота о близких, ощущение кровных связей от ушедших прадедов до внуков и правнуков, истинный патриотизм, любовь к своей Отчизне... А ведь это происходило на фоне разрушения многих традиционных ценностей, которые привнесла в Россию новая эпоха возвращения частнособственнического экономического «базиса». Но:

**В одной цепи сомкнулись звенья —
Распада миг и миг творенья.
В отпущенные Богом дни
Над нами властвуют они...**

Это понимание сцепления многих и многих звеньев в судьбе каждого человека и всего народа (а шире — и человечества) — тоже одна из стержневых черт его поэзии.

Истинный поэт всегда отражает своё время. Владимир Кудрявцев с первых шагов в поэзии стал выступить не как разрушитель истинных ценностей жизни, что давно примеряли и примеряют на себя многие «модные» поэты (особенно теперь — в эпоху литературного «постмодерна»), а именно как созидатель, утверждающий эти ценности в повседневную жизнь.

**Кому-то, может, широка,
А нам так в самый раз.
В ней и живём ещё пока
Мы без весов — на глаз.**

**Кому-то, может, звук пустой,
Но возвышаюсь я,
Услышав древний — с хрипотцой
Державный звон Кремля.**

**Кому морозно — нам тепло
И в пору лютых стуж.
Нам и во мгле всегда светло
От светоносных душ.**

Многие ли бы сегодня рискнули, например, использовать образ древнего Кремля в качестве символа России? Ответьте на этот вопрос без всяческой иронии, тогда и поймёте направление поисков поэта. В том-то и дело! А ведь это мощнейшая традиция самой высокой русской поэзии, которая никогда не растворялась в посылах узковременной идеологии, а умела находить истоки исторического сознания русского народа, в котором, к слову, Московский Кремль был и остаётся одним из важнейших символов нашей Державы.

Таких примеров в творчестве Владимира Кудрявцева можно привести предостаточно.

* * *

Владимир Кудрявцев был не только русским поэтом, но и русским человеком! Немного доводилось встречать людей, к которым оправданно можно применить слова Ф.М.Достоевского: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей... а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Тема эта сложная, простым «набегом» мысли её сейчас не разрешить, но сказать несколько слов необходимо. Близкие к Владимиру Кудрявцеву люди знают, каким сложным путём он пришёл к тому, что я, например, не рискую назвать словом «Бог», но обозначаю, как «таинственные силы» (Рубцов). Попробую намекнуть на это через такую стихотворную цитату:

**Какое чудо — Божий мир.
Я сам, как чудо, в мире этом!
Бегу, пока хватает сил,
Навстречу солнышку и ветру...**

Тут надо обратить особое внимание на цикл стихов, датированных 2012 и 2013 годами. Дело в том, что это маленькая часть последнего поэтического замысла Владимира Кудрявцева, который в полном объёме будет опубликован позднее. Я не знаю другого такого примера, когда поэт «заставил» себя писать стихи каждый день целый год. Случилось это после первой операции, давшей, по-видимому, ответ на природу его роковой болезни.

В одном из писем ко мне Владимир Кудрявцев признавался, что если бы не это обстоятельство, он по доброй воле никогда бы не пошёл на такие испытания поэтического воображения, но сейчас этот цикл стихов даёт многие ответы на духовные искания последних лет его жизни. Наверное, это с особой полнотой отразилось в стихотворении «Памяти Белова».

Владимир Валентинович во время отпевания великого писателя стоял, прислонившись к своду верхнего храма кафедрального собора Вологды, стоял отрешенно, будто бы не замечая ничего вокруг. Но прощался ли он в те минуты только с Василием Ивановичем, кто теперь узнает?..

**Он землёю был возвышен,
И унижен был на ней.
Что ему открылось свьше
На исходе сил и дней?**

Глубока ты скорби чаша.
Мгла царит, где правил свет.
Он ушёл, не всё сказавши,
Не на всё найдя ответ.

Грешным, нам не отмолиться.
Всё больней, тесней в груди.
Он предвидел, что случится,
Знать бы нам, что впереди?..

05.12.12.

Последний цикл Владимира Кудрявцева включает в себя разнообразные настроения, но нет там, пожалуй, только хандры или жалости к себе, что, возможно, в его состоянии могло бы быть оправданным решением творческой задачи. Зато теперь стихи последнего цикла мы воспринимаем как завешание, как его «последнее слово» о земном житье-бытье.

Опять-таки, мало кто знает, что последние годы жизни Владимир Кудрявцев посвятил изучению творчества большинства писателей Вологодчины (а получилось по его словам несколько томов таких очерков), которые он назвал «Колокола литературной звонницы». И когда этот итог титанического труда выйдет в полном объёме, то мы узнаем и новые грани не только поэта Владимира Кудрявцева, но и талантливого эссеиста-критика. Это же относится и его огромному эпистолярному наследию и дневникам, которые он вёл на протяжении всей творческой жизни.

Словом, нас ожидает долгая посмертная судьба большого русского поэта и прозаика Владимира Кудрявцева... К сожалению, как часто бывает в русской литературе, она может оказаться намного счастливей, чем судьба прижизненная. Как сложится «новая жизнь» Владимира Валентиновича будет зависеть от всех, кто знал его в этой жизни, кто будет помнить о нём до конца дней своих.

Декабрь 2013 года

ОТ МИГА К ВЕЧНОСТИ

(Короткая проза)

Мне очень близко то, о чём Андрей Смолин пишет в своих коротких рассказах, очень похожих на дневниковые записи. В этом и ценность их. Почти ничего нет из выдуманного. Всё от жизни, от прежних и нынешних ощущений жизни. За последние двадцать лет слишком много было и в жизни, и в литературе, и около литературы всяческой борьбы, ругани, выяснений отношений, от которых душа устаёт, обессиливает, закрывается. А в рассказах всё естественно: дыхание природы, наблюдение за маленьким сынишкой, отношения между парнями, живущими в деревне. Читаются рассказы с удовольствием.

На душе становится чище...

Виталий СЕРКОВ,

член Союза писателей России

О, память сердца...

К. Батюшков

В ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Памяти Вячеслава Белкова

Вот иногда в часы долгого одиночества или длинных размышлений преследует негаданно-странная мысль: что буду вспоминать в последнюю минуту жизни? Самую-самую, уже на краю...

Говорят, что в последних вспышках сознания проносится вся жизнь. Я не очень верю в это. Просто не могу представить тот бесконечно-зигзагообразный сериал, который и есть наша жизнь в земном бытии. И думается,

что это не зависит от числа прожитых лет, а количество их ещё не показатель того, что тот «сериал» будет длиннее в ту последнюю минуту. Ибо мы помним только то, что отражает наша «память сердца», как сказал об этом мой земляк Константин Николаевич Батюшков.

Быть может, для пущей верности вспомнить те отражения жизни, которые приходили во снах! Знаю довольно много людей, умеющих убедительно-ярко поведать о тех видениях, посетивших их в сладостной или кошмарной дрёме. Вологодский писатель Роберт Балакшин записывает все свои сны. Он иногда публикует выдержки из своей тетради. Я не знаю, более занимательного чтения. Бедный Фрейд и прочие психоаналитики, пытавшиеся что-то объяснить на этой почве, оказались бессильны.

Различные сонники стараются придать снам вид пророчества. «Если вам приснилась красивая девушка — это предвестник радужных перспектив и семейных радостей. Ведьма, увиденная во сне, означает, что вам предстоит некая авантюра. Сон, в котором мужчина видит себя девушкой, может символизировать затмение рассудка...» Вот и славно. А главное — понятно. Но, между тем, сны наступают внезапно.

Недавно приснилась маленькая девочка Таня из далёкого-далёкого детства, которую пьяный отец застрелил случайно из ружья. Мы сидели с ней за одной партой в первом классе. Я сразу понял, что это она! Особенно, когда она таинственно улыбнулась по-девчоночьи скромной улыбкой, которая осталась на групповой фотографии нашего класса. Я давно забыл её фамилию, но когда она вдруг зачем-то посетила меня сейчас, весь день мучился: откуда и зачем залетел этот осколок давней-давней жизни в мои нереальные виденья?

Но чаще всего долгие годы снилась моя славная рота военного училища. Бог его знает почему? Если считать, что наши сны некая фантастическая связь между близкими людьми, то выходит, что чаще всего к нам обращаются друзья детства и юности.

Собственно, в тех снах не было ничего ирреального. Вот ясно вижу: молочное небо раннего утра над жёлтым полигоном в Гатчине, радостное лицо Димки Прокофьева, только что пославшего ПТУРС за восемьсот метров в полфигуры танка «противника».

Или: наш замкомвзвода Витя Староверов всё заставляет и заставляет чистить целую ванну картошки.

Или: бледно-розовая ночь над Невой, десятки пар счастливых влюблённых у парапета, а мы с Сашкой Шестаковым всё идём и идём мимо них в ночном патруле, стараясь не смотреть на легкомысленное блаженство наших ровесников...

Когда недавно мне показали снимки четвертьвековой встречи после выпуска, я в тех майорах и подполковниках никак не мог признать те дорогие лица, которые с завидным постоянством приходили в мои сны.

Где-то читал, что так называемые «армейские» сны, о которых приходилось слышать от многих-многих бывших солдат, это отражение того

психического напряжения, которое оставляет «почётная обязанность» в нашем сознании. Впрочем, нужны ли тут научные объяснения, если всё, похоже, много сложнее.

Я и сейчас верю, что каждый из нас — частичка вселенского Разума, который называется Бог. И все мы связаны в этом (и том) мире ниточками памяти и благодарности за то, что просто встретились в этой жизни.

Ещё о снах. Довольно часто «посещает» меня бабушка. Ей давно бы исполнилось много за 100 лет. Я никак не могу поверить в реальность этой цифры в отношении её. Ибо часто вижу живой и здоровой. Иногда — поразительно молодой. По каким-то причинам не сохранилось ни одной фотографии из её юности. Не так много она и переезжала с места на место. Впрочем, до того ли было! Две революции, гражданская война, рождение детей, ликвидация безграмотности, а она многие годы работала библиотекарем, Великая Отечественная война, на которую ушли четыре её брата, вернулся только один, весь израненный, и тоже немного протянувший на этом свете, заботы о престарелой матери... Такая была судьба!

Кстати, странно, что почти никогда не сняты самые близкие люди. Тоже ведь загадка. Фрейд и тут не поможет. Надо догадываться самому. Возможно, мои родные не нуждаются в моей помощи или сострадании? А, может, просто умсют не тревожить мой сон, ибо в жизни забот и тревожений привносят предостаточно.

Так что же я увижу в последний миг? Пользы от этого не будет никакой. Но, быть может, в этом разгадка того в каком виде предстану перед Вседержителем? Поэтому и мучают такие бесполезные вопросы.

Но будет ли тот миг только мигом между прошлым и будущим? Мой друг, философ и умный писатель, считал, что будущее намного реальнее прошлого. Помню, я спорил с ним. Прошрое имеет множество материальных знаков от египетских пирамид до креста на могиле безвестного мирянина... А будут ли такие «знаки» у будущего, ещё неизвестно.

Да и каждый из нас — сумма своего прошлого, всего-всего потока жизни, которой несёт нас к земным пределам. Правда, ушлые американцы уверяют, что надо уметь зачеркнуть своё прошлое, а жить только настоящим. Не знаю, как им это удаётся? Но, может, они правы? Кто-то знает...

У каждого из нас есть дни в прошлой жизни, в которые мы готовы вернуться, хоть сейчас. Дни радости и покоя, мгновения счастья, когда душа поёт, а сердце что-то там просит. Но нет такой машины времени...

Самой большой загадкой для меня остаётся время. Любые философские системы, сколько я их ни пытал, оказывались бессильны объяснить его сущность. Ведь я-то волен вызывать в памяти любой миг, прожитый на этой грешной земле. Я твёрдо знаю, что будет последний миг моей жизни. И всё чаще кажется, что я немного уже готов к этому!

Вот и сентябрь. Я провожу многие дни своей жизни в уютном и древнем городке Тотьме на севере страны. Жёлто-серые облака, чуть подпираемые звонницами православных храмов, сплосняком нависли над городом. За моим окном под дождём никнет к земле малинник. А рябины в этом году! Почему-то вспоминаются строки из Анны Ахматовой: «И снова осень валит Тамерланом, в арбатских переулках тишина...». Но я не в арбатских переулках. Хотя бывали времена, когда мог хоть каждый день отправиться на прогулку по запутанным лабиринтам Старого Арбата или Замоскворечья.

Жил я тогда в Москве. Ах, как приятно произнести это провинциалу, повторив вслед за поэтом А.С.Пушкиным: «Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось...» Сколько тут наивности, преувеличенной значимости своей персоны и ещё чего-то такого, едва ли выразимого словами. Скажем так: сопричастности! К великому городу, к его историческому прошлому, к его русскому духу, ко всему, что называют «московским образом жизни».

Думаю, подобное чувство должен испытать каждый русский человек. Хотя бы на один день. Или — на одну ночь. Быть может, ночью даже лучше. Нет этого навязчивого шороха машин, многоголосья огромного города, извечной суеты, непростительной торопливости на каждом шагу. Только в первые часы после провинциальной спячки это может увлечь, ошарашить, поднять настроение. Но быстро и приедается. Да и не в этом суть московской жизни. Нет, не в этом.

Если бы сейчас после милой Тотьмы оказаться в Москве, то первым делом, наверное, поехал бы в какой-нибудь Дегтярный персулок. Или в Самотечный... Или — на Кузнецкий мост...

А когда-то так рвался на Красную площадь! Это было давно. Это было тогда, когда в столицу, по большей части, ездили за продуктами; когда все вокруг были одеты одинаково скромно; когда юные москвички казались неземными существами; когда больше всего тянуло в книжные магазины; когда не захлёбывались пивом из банок на каждом углу, а прорывались в кафешки «Пиво-вода».

Помню такое заведение на Калининском проспекте в полуподвале. Толпень, давка, сигаретный смог. А ты — наверху блаженства, сдувая пенку с заветной кружечки «Жигулёвского», за которой выстоял битый час. На зимней стуже, между прочим. В огромной очереди.

Почему-то это запомнилось. Как бывает причудливо-неразумна наша память. Ей подавай какую-нибудь забегаловку в Москве, а не дом с берёзой у подъезда, в котором живёт Ира с нашими детьми. И, быть может, вспоминает обо мне в эту минуту.

Так вот: почему-то в то время больше всего хотелось побродить по Красной площади. Крупная брусчатка, мохнатые ели, памятники за Мавзолеем... Всегда чуть приглушённые разговоры туристов. Временами — смех! Такой счастливый, такой беззаботный. Всегда — группа людей у Мавзолея, ожидающая смену караула. И ты, причастный к родной стране, тоже спешишь посмотреть, как под бой курантов на Спасской башне уверенно-чётко чеканят свои шаги напряжённо-значительные кремлёвские часовые.

Почему это так волновало? Зачем это было нужно? Боже ты мой, была ли в этом глупость? И сердце давило от причастности: ты побывал в Москве, ты её увидел! Ты — частица нашего народа!

Через день-другой где-нибудь в Вологде или Рязани будешь восторженно рассказывать об этом друзьям и подругам, что побывал, посмотрел своими глазами. И видеть сопричастность своего личного чувства уже в других людях. И снова понимать, что есть что-то главное в каждом из нас, что объединяет в великий народ!

Так почему сейчас я перестал чувствовать себя частицей народа? Почему в Москве не бываю годами. И меня туда совсем не тянет? Может, нет никакого народа? Может, нет никакой Москвы? Да есть, конечно. Только не хочется слышать больше её грохота на улицах, дышать бесконечным смогом, видеть её многолюдья, суеты и алчности в глазах «дорогих москвичей».

...Вот и дождь перестал. Пойду прогуляться по славной Тотьме. Так хочу услышать сейчас её завораживающую тишину, которая опадает на плечи моих земляков. Что-то в этой тишине есть от вечности бытия, быть может, самое дорогое в остатке жизни моей.

ЭТЮД С МУРАВЬЯМИ

Сыну Ване

Тебе было года три или четыре. Мы с тобой отправлялись гулять. Обычно через квартал, в парк Ветеранов. Теперь мне не описать того нежно-добротного чувства, которое рождалось от прикосновения твоей ладошки, доверчиво лежащей в моей ладони. Ну, скажем, так: бесконечная доброта и сила.

Мне было только за двадцать пять, по утрам я поднимал гири, потом мог работать по десять-двенадцать часов, не замечая усталости. Потом находить время на прогулки с тобой. И ещё оставались силы. А больше всего хотелось совершить что-то необыкновенное, что мог совершить в этой жизни только я!

Теперь в выходные я подолгу сплю, гири по утрам давно не поднимаю, работу выполняю по заведённому порядку, имея навыки и знания. И мне мало чего хочется по-настоящему. Не потому, что всё испытал, о чём мечталось, а просто нет отчётливых желаний. Достаточно долгая жизнь — заведомая пропажа желаний. Есть необыкновенные люди, умеющие сохранить мечты и надежды на всю жизнь. Но, как видится, удаётся это далеко не всем.

Но как мы с тобой гуляли тогда! Особенно — летом. Почему-то всегда твоя мама нас отпускала охотно, в полной уверенности, что мы всё равно вернёмся. Мы пользовались её доверием, уходя из дома на три-четыре часа. Для меня это было сравнительно мало, для тебя — целая вечность. Ты был упорен, неустойчив, настойчиво желая постигнуть свой мир, свою вселенную.

Ах, если бы при этом ты мог объяснить свои открытия, показать свои достижения, мне, к сожалению, давно и прочно известные. Но ты не умел тогда этого сделать. Я же был нагружен бесполезными знаниями, по-современному говоря, как компьютер. И то, и другое, в сущности, мешает воспринимать мир до сокровенной тайны, до постижения главных вопросов бытия.

Что есть Бог? Что есть Природа? Что есть сокровенная тайна моей ли, твоей ли судьбы? Что есть всё остальное, чем одаривает жизнь: дружба юных лет, первая любовь, единственно-желанная женщина, огромно-неподъёмные знания, неминуемые болезни, искушения и соблазны, судьбы детей и внуков? А ведь это и есть продолжение тех вопросов, которые зачастую мы так поздно задаём себе.

Я брал книгу или газету, удобно располагаясь на скамье в тихой аллее парка. Но всегда слышал твоё присутствие, чаще — возбужденно-радостное, даже — оглашенное(!) — как это состояние определяла твоя мама. Но хорошо помню ту минуту, когда вдруг установилась тишина, будто бы я перестал чувствовать твоё присутствие за спиной.

Ты сидел на корточках, что-то усиленно рассматривая на асфальтовой дорожке. Я подошёл. Муравьи бесконечной вереницей, встречным потоком таскали хвонки, очевидно, собираясь обустроить свой дом на новом месте.

Ты долго смотрел на них, а потом — впервые (!) — осознанно, как показалось мне, задался непонятно-странным вопросом:

— Почему они не летают?

— Эти не знаю. В лесу, кажется, есть такие, которые летают. И потом, какая разница: летают — не летают?

— Как ты не понимаешь: сколько нужно сил потратить, чтобы так долго ползти по этой дорожке. А так, раз — и в муравейнике...

— Значит, им не дано летать. Да и пусть они ползают себе на здоровье.

Ты посмотрел на меня, быть может, в первый раз как-то вызывающе, возможно, удивляясь моей бестолковости. И правда, я был непонятлив в своём самонадеянности. А у тебя впервые, как я теперь думаю, проснулось воображение, та велико-приобретённая мощь мышления, доступная, вероятно, только человеку.

Боже ты мой! Как счастлив муравей, остановившийся в своей эволюции. Он, переживший человека на сотни миллионов лет, не захотел выбираться из рая своего муравейника, лишившись перспективы развития.

А мой сын, только-только научившись говорить, только постигая окружающий мир, уже моделирует иной способ бытия, иные возможности даже для насекомого, которое никогда не помешает его жизни.

Что же это? Первые проблески нового разума? Или то высшее превосходство над природой, зачем-то заложенное в человеке. Но можно ли понять то высшее, выделившись из природы своим превосходством? Ибо человек возвращает в природу другие качества, прежде всего, разрушение её, чаще всего преждевременную гибель для всего живого... Но почему так несправедливо устроен Божий мир? Или человечество — не вершина Природы, а только её «выгребная яма»?

Нет мне ответа.

...Сын вырос, он давно другой. Теперь он тягает по утрам гири, бегает утренние кроссы по периметру парка Ветеранов, потом исчезает на целый день в университет, а, возможно, манкируя семинарами и лекциями, на свидание с очередной подругой.

Иногда мне кажется, что у него наступила прекрасная жизнь, лучше, чем моя или его мамы, его бабушек, моих сверстников и друзей. Опираясь на свой опыт жизни, зная в нём свои гены, я мог бы предположить канву его судьбы, его будущее. Всего скорей ошибусь. Но почему его первый разумный вопрос: Почему они не летают? — до сих пор не даёт покоя. Быть может, я уверен, что он сам полетит, он построит свою жизнь лучше и краше, чем была жизнь его родителей?

Или объяснит: «Почему муравьи не летают?» И что надо сделать, чтобы они полетели? Пока не объяснил. Я буду ждать до конца дней своих: а вдруг, ещё через какое-то время...

Но как быстро идут стрелки часов, никто их не остановит!

ПЕШКОМ НА БОБРИШНЫЙ УГОР

Сергею Тихомирову

В деревне Блудново Никольского района в тот день разгулялся народно-фольклорный праздник в память поэта Александра Яшина. Ещё с утра в природе было вполне сносно, но мало-помалу полуденный июльский солнцепёк стал допекать по-настоящему, грозя перегревом нашим организмам, отравленных городским смогом и никотином.

Уже пресными стали казаться высоко-справедливые слова по столь значительному поводу. И уже звуки, несущиеся из динамиков на деревянной сценке в центре Блуднова, воспринимались слухом утомительно-резко, совсем не донося до мозга лукавого подтекста задорных частушек. Уже не радовали зрение многолюдье и мельканье — туда-сюда, туда-сюда — знакомых и незнакомых людей, бродящих между столами-прилавками с сувенирами, книгами, другой всякой всячиной ширпотреба, различными яствами и хмельным питьём.

И начинало казаться, что зря мы согласились на эту поездку в большой группе писателей и окололитературных туристов, без сомнения, хороших и заслуженных людей. Ведь прежде-то мы старались бывать на родине поэта Яшина лишь в маленьком кругу подлинных и верных друзей-соратников.

Голова словно бы наливалась чугуном от подпрыгнувшего кровеносного давления. Но тут пришла спасительная мысль: а не отправиться ли нам на Бобришный угор пешком до того запланированного часа, когда остальных гостей праздника будут подвозить туда автобусами? Мы потихоньку, стараясь не привлекать внимание зрителей, встали со своих мест, покинув скамеечной партер.

Бочком-бочком, словно ещё и веря в своё намеренье покинуть этот славный праздник, стали продвигаться к околице Блуднова. Как-то неожиданно закончилась спасительная тень от домов, плакучих берёз и раскидистых рябин. Мы оказались на краю большого поля, которое разрезала песчаная дорога к дальнему лесу. Выкурив по сигарете, мы лёгким шагом пошли по песчаной дороге.

Из-за леса набежало редкое в этот день облако. В глазах пропала резь от неоновно-жёлтого солнечного прожектора. И тут увиделось: как же запущено это поле! Его, похоже, давно и не пашут! Я-то помнил его ещё ровным ковром спелой пшеницы, каким увидел в июле 1975 года! А теперь поле желтело от сурепки, краснело островками иван-чая, и покрыто бурыми стеблями каких-то сорняков, названия которым я не знаю. Всё это сбило настрой от предстоящего свиданья с Бобришным угором. Мы даже ускорили шаг, чтобы не до конца испортить себе настроение...

И оказалось, что если не оглядываться вокруг, то дорога заканчивается много быстрее, чем представлялось в начале нашей пешей прогулки. Да и какое тут расстояние — километра два, не больше. Вот и спасительный лес! А вот и Бобришный угор! Не знаю почему, вдруг показался он мне каким-то маленьким, словно уменьшился с последнего нашего свидания. Странное дело: было время, когда он казался большим-большим! А теперь скукожился до лесной поляны. Как же сюда в прежние времена входила не одна сотня деревенского люда на такие же праздники, как и нынешний!

Мы стояли под соснами Бобришного угора, не решаясь сразу отворить калитку в ограде заповедного места. «А знаешь, — вдруг сказал мой славный товарищ, — я столько раз бывал на Бобришном в прошлые годы, но только сегодня прошёл сюда всю дорогу от Блуднова пешком. А ведь это истинное наслаждение! Какие же мы ленивые...»

Я задумался над словами друга, но не нашёл простых слов, чтобы ему возразить. Мы вошли в оградку могиле поэта и несколько минут постояли в печальном молчанье, пока его не нарушили голоса каких-то туристов, подъехавших на автомобилях прямо к Бобришному...

А мы ушли в Чистый бор, чтобы надышаться его сосновым духом, и ещё раз вспомнить о человеке, которому поставлен памятник в глухом-глухом лесу, на берегу реки Юг, на этой прекрасной земле наших древних предков.

2013

ВОЛКИ

Виталию Серкову

Генка Бутырин, скотник Зосимовской фермы, высокий, как сосна, с копной густых рыжеватых волос, в ватных штанах и телогрейке, наконец-то дождался ночного сторожа Еремеева, задержавшегося по случаю Рождества у тёщи и явившегося на смену только в десятом часу.

— Ты, Генаха, прости! Оторваться от стола не было моих сил, с меня причитается, — гнусавил пьяно Еремеев, но Генка его уже не слушал. Нахлобучив шапку на голову, он поспешно уходил от фермы в ночь.

Бутырин спешил. Его, двадцатитрёхлетнего парня, понять можно: в праздничный день да целый день на ферме. Хотя, однако, днём прикатывали на тракторе деревенские дружки, распили на всех бутылку «Столичной», но разве Генка мог заметить такую порцию — так, губы отмочить! И теперь он спешил в Зосимово, чтобы на квартире у доярки Вали Стебловой погулять до полного удовлетворения души. Водка, правда, сегодня была не так и важна, но праздничные посиделки должны были дать ответ на важный вопрос: выйдет ли Валя за Генку замуж? Так он загадал ещё в ночь под Рождество. «О, вот бы дело решилось, — размышлял Бутырин. — Смотришь, на майские и свадьбой бы громыхнули на нашей улице». И он прибавил шаг. До Зосимова было минут пятнадцать-двадцать быстрого хода.

Дорог до деревни было две. Одна — основная, бетонная, её кое-где тускло освещали заиндевевшие фонари на столбах. Другая была прямо по покотине, её накатывали трактора, возившие силос на ферму. Эта времянка — заметно короче. Но ходить по ней зимним вечером, мало кто решался, в двух местах она совсем близко прижималась к густому сосняку.

В эту пору на неё выходили оголодавшие волки, коих развелось многовато даже для этой лесной стороны. Бутырин только сегодня читал в районной газете, оставленной доярками после дневной дойки, что в дека-

бре волки напали на женщину из Фефилова, а это и всего три километра от их деревни.

Но сегодня Бутырин выбирал недолго. Как только вышел из фермы, сразу увидел, что над безмолвной местностью повисла здоровенная луна. Даже снежинки искрились в её красном свете. И скотник уверенно свернул на временную дорогу, чтобы опрометью добраться до Зосимова.

Генка не оглядывался по сторонам: чего ему бояться? Он прокручивал в голове предстоящий разговор. Двадцать дней назад, когда встречали Новый год — тоже собирались у Вали. И он, как бы между делом, намекал ей, что сильно она ему по душе. Только смутил девушку. Но щеки её зарделись, и он догадался, что девушка давно ждала от него какого-нибудь решительного слова. Валя переехала в Зосимово около года назад, когда закрыли ферму в отдалённом отделении совхоза.

Но не одному Гене пришлось по душе одинокая доярочка. Девушек в округе и всех-то наперечёт. Стал вечерами захаживать в девичье общежитие и Стаська Бухтеев, молодой ещё парнишка из соседнего Нефёдова. Явился Стаська, нагловатый такой, и в новогоднюю ночь. А когда пошли догуливать вечеринку в клуб, Бухтеев от порога как-то сразу заактивничал, не давал прохода Вале, приглашая её на танец почти под каждую мелодию. Генке и досталось всего ничего: так, два-три танца, а перекинуться серьёзным разговором почти не удалось.

И потом, когда проводили девушку до общежития, то Славка вдруг набылчился на Генку:

— Ты это, давай... переставай к ней ходить! Ты... понял, надеюсь?

Генка, слегка заторможенный от выпитого, не сразу и понял, чего хочет от него Станислав. А когда до Бутырина дошло, он неожиданно брякнул:

— Кто это — перестань? Я уже предложение сделал. А тебе ещё жёниться рано, верно?

— Моё дело: хочу — гуляю, захочу — женюсь. Но и тебе Вальки не видать...

Генка сейчас попытался припомнить тот «базарный» трёп. Он вдруг довольно отчётливо представил, что именно в этот вечер может оказаться у «шапочного» разбора: толком-то неизвестно, что у Вали на уме, а Стаська, всяко, уже давно сидит на диванчике у девушки в комнате, а он ещё только идёт к ней... Генка прибавил шаг, но тут услышал какое-то рычание, будто где-то далеко-далеко заводили трактор. Он оглянулся. В шагах тридцати за ним бесшумно трусили серые тени. Это могли быть и собаки, сбивающиеся иногда в стаю, чтобы поохотиться в ближайшем леске. Но таких крупных псов у них в деревне вроде бы не водится.

Генка остановился и встал лицом к волкам. Он уже догадался, что это за «серые тени», преследующие его по следам. Волки тоже остановились, присев на дорогу. Только один, наверное, молодняк, прыгнул за обочину и прыжками пошёл по снежной целине, по-видимому, намереваясь отрезать намеченной жертве отход к деревне.

— Пошли отсюда! — что есть мочи заорал Бутырин. Но в морозном воздухе голос явно потерял силу. Хищники даже не повели ушами.

«Надо идти! Только не бежать!» — пронеслось в голове у парня. Он мгновенно прикинул, сколько осталось до ближайших светящихся окон. Выходило метров сто, не больше. И Генка, вопреки своим желаниям, проskalзывая галошами по накатанной дороге, вдруг бросился бежать. Волки, казалось, только этого и ждали. Через несколько секунд Генка спиной почувствовал, что его догоняют. Он оглянулся на бегу. Раскрытая пасть ближайшего зверя была при лунном свете так хорошо видна, что парень мог пересчитать в ней клыки.

— Поди прочь, скотина! — хрипло выругался он, ещё немного ускорив свой бег.

Тут Генка, едва не споткнувшись, понял, что будто бы кто-то хватанул его за фуфайку. Он, не останавливаясь, что есть силы отмахнулся и попал по морде волка. Тот коротко взвыл, припав на задние лапы от боли. Другие преследователи, наткнувшись на вожака, остановились в секундном замешательстве. Это позволило парню заметно оторваться от нападавших зверей. И вот оно спасенье: Генка в темноте разглядел чью-то изгородь, стремительным махом перекинув через неё своё тело.

Почти по пояс утонув в сугробе, он понял, что волки сюда уже не сунутся, их явно отпугивал свет из окон ближайшего дома. Генка, тяжело дыша, вдруг скатал снежок и запустил им в стаю. Волки серыми тенями метнулись обратно к лесу.

Через пару минут по пояс в снегу Бутырин выбрался на улицу. У ближайшего фонаря он глянул на ручные часы. Было около десяти вечера. «Э, все верняком уже в клуб двинули, — подумал Генка. — Сейчас ребятам сказку обскажу, как от волков драпал! Во, смеху-то будет! А не поверят ведь! Хотя, вроде, сзади на фуфайке клочок ваты вырван!..»

У клуба было пустынно. Только двое ребят пьяно пошатывались у входа, обволакивая себя сигаретным дымом. Подойдя ближе, Гена в одном из парней признал Стаську Бухтеева. Возбуждённый счастливым спасением, он и подзабыл в данную минуту, что это его соперник.

— Мужички, — весело начал Бутырин. — Вечер ещё не начался? В самый раз поспел...

— И ты прискочил? Думаешь, Валька тут? — Нервно ответил Бухтеев. — Нету её. Всех гостей по домам отправила... Спать легла, ей на дойку завтра рано...

— А-а, — потянул Генка. — Мне тогда тут и делать нечего...

— Как это нечего? — неожиданно встрял напарник Стаськи, в котором скотник признал Борьку Вершинина, шофёра из леспромхоза. — Мы тут тебя поджидаем, разговорчик имеется...

И парни, видно, сговорившись заранее, двинулись к Генке. Он понял, что Стаська решил этим вечером «разобраться» с предполагаемым ухажёром Вали-доярки.

«Что? От этих побегу, как от волков? Не миновать драки, раз такое серьёзное дело назрело!» — Генка тоже пошёл на парней, даже скинув по такому случаю тёплые рукавицы.

Но скользкие галоши подвели его. Размахнувшись для первого удара, он будто подкошенный, упал, а Стаське с Борькой только этого и надо было. Тяжёлые удары сапогами последовали один за другим. Генка, обхватив голову руками, пытался подняться, но Стаська с напарником снова опрокидывали на землю, всё больше разъяряясь от беспомощности соперника.

И второй раз повезло Генке в этот вечер. Видимо, в танцах наступил перерыв, на крыльцо клуба стали выходить зосимовские ребята. Увидев, что идёт какая-то драка, многие тут же сорвались к месту события.

— Вы чего это, пацаны! Наших бить?

— Мы за дело, за дело, — ерепенился Стаська. — Будет знать, как девчонку отбивать. Но зосимовские, навалившись толпой, быстро отогнали драчунов в сторону. А те под шумок незаметно будто растворились в ночной темноте.

Когда Генку повернули на спину, в свете фонаря все увидели вместо лица сплошной синяк. Его подняли на руки и понесли к дому деревенского фельдшера Ивана Васильевича. Генка в бреду всё твердил:

— Хуже волков, хуже волков! Я им ничего не сделал... А они, а они!..

Тут он затих, и вдруг стало отчётливо слышно, что где-то за околицей звывли волки. И все стали прислушиваться к этому вою, стараясь понять: далеко это или совсем рядом?..

ГОРЕ

Памяти Владислава Белякова

В полдень зашёл Травнин, сосед справа по нашей улице. Ему под семьдесят, но, похоже, здоровье ещё в порядке. Да и что ему годы: лет сорок просидел бухгалтером в совхозной конторе. Травнин — «мужик с головой», как о нём многие говорили в Святогорье. Дома — достаток, дети устроены по городам, а пасека даёт устойчивый доход.

В этот раз сосед был что-то не в себе: как-то суетливо предложил выпить, поставив на стол чачушку, хотя было видно, что он уже в «дозе» — вчера вернулся с побывки у сына. Мы выпили по стопке. Вдруг на глазах гостя появились крупные слёзы, он уткнулся лицом в ладони, разревелся в полный голос: «Горе у меня, горе...» — «Какое горе-то, Иваныч?» — «Сын в Вологде совсем спился, пьёт по-чёрному...» — «Ну, может, ещё

вылечить можно, кто теперь не пьёт?» — «Да, пусть хоть все запьются, а тут — сын, мой сын!..»

Потом мы до сумерек сидели друг против друга и молчали, и каждый думал о чём-то своём, похоже, очень грустном.

ФИЛОСОФ

Николаю Илюшичеву

В том апреле провёл я несколько дней в красивой деревушке Борисово на правом берегу Сухоны. Весна запаздывала, студёно было даже в солнечные дни, в лесах снег лежал ещё метровыми сугробами. Но вдруг, в один день, пришла настоящая летняя жара градусов под тридцать. Той же ночью на реке затрещал лёд, будто какая-то гигантская рука разрывала его на части, как плохонький картон. Вода в Сухоне поднималась буквально на глазах.

А ещё через день водополье подступило вплотную к окраине деревни. Жители поднимали вещи и запасы продуктов на чердаки или в мезонины, подклеивали старые бродни и резиновые сапоги, вытаскивали из чуланов надувные лодки: сказывался старый опыт, в иные годы деревню подтапливало вполне серьёзно.

Живность заходила в истерику: тревожно трубили коровы, из угла в угол метались в своих загонах овцы, петухи и курицы старались не покидать своих насестов в сараях. Даже собаки, жалобно скуля, скреблись в двери хозяев, прятались под лавками, если их запускали в дом.

Один гусак по прозвищу Косой (и правда, косой, с одним глазом, выбитом в какой-то гусиной драчке), спокойно ковылял по деревне, с презрением наблюдая за суматохой людей и «братьев меньших». Иногда он подходит к кромке воды, изгибая шею к ней, словно пытался попробовать клювом: а не холодна ли водичка? Косой всем видом своим показывал, что весенний потоп его никак не коснётся, мол, и не такое видавали.

Несколько дней деревня переживала тревогу перед большой водой, но Сухона отступила. Стали готовиться к Пасхе. И первым делом под нож был отправлен Косой. Под свою «гильотину» он пошёл с тем же спокойствием, с каким недавно бродил по деревне при наводнении. Одним словом, философ, всё познавший в жизни. Мне потом говорили, что гусь с мочёными яблоками на праздничном столе удался на славу!

ПУТЬ К СЛОВУ

Юрию Максину

В тот январский день работал я в уютном кабинете своего друга. В его новой квартире, ещё с запахами свежей покраски, было тихо, спокойно. Все ушли по своим делам. Но одиночество не давило, работалось плодотворно. Передо мной лежали типографские оттиски новой книги стихов товарища. Мне предстояло написать к ней предисловие.

Теперь-то знаю: быть первым читателем будущей книги не только ответственно, но и как-то неловко. Это словно чужая тайна, ставшая вдруг тебе известной. Но многие стихи друга казались мне удачными, почти сразу ложились на душу. Замысел каждого виделся отчётливо, а воплощение его в образах не вызвало больших возражений. Яркое, свежее впечатление от стихов томило, требовало выхода в словесных формулировках. Но не начиналось...

Размышляя, встал я из-за стола, прошёлся по комнате, подошёл к окну. По Устюжне разметалась вьюга, засыпая снежной ватой улицу, деревья, стадиончик напротив, редких прохожих, прятавших лица в воротники. Порывы ветра швыряли в стёкла окна горсти белой крупы, они потихоньку позвенькивали, как китайские колокольчики. Этот звук тревожил, бередил душу. Становилось не по себе. Хотелось куда-нибудь пойти, отыскать друзей-товарищей, чтобы в их тёплом кругу переждать непогоду.

Но я без сожаления задёрнул штору, снова сел за стол, уютно освещаемый лампой, придвинув к себе листы белой бумаги и ручку.

«Да нужна ли нынче поэзия? — выводило перо. — Выбалтывается ли это случайно, произносится ли вполне сознательно, но странный этот вопрос витает чаще, чем есть в нём необходимость. А, правда, нужна ли? Ведь шепчет кто-то на ухо: чего ещё говорить? Всё сказано! Выжить бы, выжить! В какой это раз несётся на Русью? И все как будто согласны с этим.

Но — выживать — для чего? Если душа пуста, добродетели растоптаны, молодость бездумна, а старость — обуза, если в сердце с таким трудом уживается слово Божье, то кто-то должен оглядываться вокруг, чтобы сказать своё слово, чтобы душа не томила в одиночестве и смятении. И кто — как не поэт? Нет, поэзия и ныне (а быть может, именно сейчас!) — нужнее всего для русского сердца».

Вьюга подвывала всё сильнее, сильнее. Вдруг погасла лампа на столе. В комнате стало сумрачно. Это отвлекло от работы, но не от раздумий. Стал я думать о своих товарищах, которые пишут стихи. Ах, как много их!

Даже не очень верить, что только в одной области столько талантливых и красивых поэтов: Владимир Кудрявцев, Александр Швецов, Михаил Карачёв, Василий Мишенёв (а у него за месяц до этого дня гостили в Никольске, и как сейчас в душе тепло отозвалась встреча с ним), Владис-

лав Кокорин, Александр Пошехонов, Василий Ситников, Сергей Ладухин, Борис Гуляев, Лида Теплова, Инга Чурбанова...

А сколько ещё тех, кого не знаю лично, но знают мои друзья, кого лишь читал в последние годы! И все ищут свой путь к Слову, ещё надеясь поведать миру что-то такое, чего никто не познал и не увидел до них!

Но что движет каждым из них? Они все такие разные, что собравшись вместе, едва ли найдут общий язык. И только, наверное, стихи смогут объединить их на время.

Но почему именно в поэзии они находят смысл всего? Стихами нынче не проживёшь — хлеб на столе должен быть каждый день. Но спроси каждого из них: вот если бы был выбор — писать стихи или получить что-то взамен с отказом от стихотворчества — то ведь почти все снова выберут поэзию. И все знают в той или иной мере, что поэзия — не развлечение в минуты досуга, не игра словами, а истинный крест судьбы и самой жизни.

Стал я тут вспоминать, как в мою жизнь приходили поэты и их стихи. Очень хорошо отпечаталось, как узналось имя — Николай Рубцов!

Был почти такой же январский день 1971 года. Весёлой ватагой шестиклассников мы возвращались из школы домой. (Я учился в 8-й школе Вологды.) Перейдя деревянный, шаткий мостик через Золотуху, почти сразу увидели группу людей у Дома художников. Автобус с чёрной полосой стоял посреди улицы, а это было непривычно и странно... И примолкли мы, ожидая, что будет дальше.

Вот двери распахнули настежь, хмурые мужчины вынесли длинный ящик, который занесли в катафалк. Мы ещё не знали по-настоящему, что такое смерть, наверное, боясь покойников, помня с детства всякие страшные истории про них. Поэтому не подошли поближе, а так и стояли в отдалении, даже не сняв шапок со своих голов...

И только придя домой, прочитал в газете «Вологодский комсомолец» имя того, кого только что, ещё часа не прошло, бережно вынесли из Дома художников. Имя запомнилось как-то сразу, видимо, под впечатлением увиденного. Но только через много-много лет (у меня, во всяком случае) появилось сожаление, что не смогли мы в тот день преодолеть свою боязливость... Эх, знать бы тогда, что мог попрощаться с человеком, который потом станет настолько близок, чьи строки вспыхивают в памяти так часто, будто написаны самим тобой.

...Загорелась настольная лампа — дали, похоже, электричество. Надо было писать дальше, но и воспоминания пока не отступали.

Мысленно перенесаясь в родную Вологду, я как бы вновь оказался в том тёплом, но дождливом майском вечере 1980 года. И снова увидел наяву странного, ещё молодого человека рядом с автобусной остановкой на бывшей Базарной площади. Он, как мне показалось, никого не видел вокруг себя. И никуда не спешил. Он бормотал стихи. Что-то подтолкнуло к нему. Показалось, что ему нужна помощь. А незнакомец словно ждал этого. Он первым протянул руку и очень отчётливо произнёс:

— Николай Фокин. Поэт!

И пошли мы с Колей — до этой минуты незнакомы вовсе — куда глаза глядят. Оказались почему-то в Тепличном микрорайоне, где у Колиного друга — тоже поэта! — в этот вечер была свадьба. Но пришли-то мы во втором часу ночи, в квартире друга (это был Валерий Ельтипифоров) уже все спали.

А душа требовала общения, она хотела слов. Мы, конечно, подняли всех на ноги, Валерий вынес бутылку водки, а потом, пошептавшись с молодой женой, пошёл нас провожать. Всё это было как-то необычно, но я понимал, что и люди это тоже необычные — поэты!

Ещё через час приплелись мы в Октябрьский посёлок. Валерий, выпив стопку-другую, ушёл, а мы с Колей в его нетопленной комнатенке, соединяя прозу жизни и стихи, всю ночь проговорили о том, как ему... жить дальше! Ибо жена от него ушла, с работы пришлось уйти самому, денег нет, а стихи так редко печатают в наших газетах. Иногда Колюня всхлипывал, как ребёнок, иногда принимался читать стихи: «Надежней, душа, Утверждайся на воле — Сорвёмся — Никто не поможет нам боле...»

Ночь пролетела, мне нужно было идти на работу. Коля вышел проводить до калитки...

Мы встретились потом через несколько лет, в редакции газеты «Вологодский комсомолец». И сразу узнали друг друга. Николай жил уже в Ньюсенице, говорили, что у него новая жена — красавица. А он работает в доме культуры. Он позвал меня в гости, я, как водится, обещал, всё надеясь, что обещание исполню.

Но встречались мы в Вологде, в его короткие наезды. И всегда вспоминали нашу первую встречу. Нет, он был — поэт! Сужу даже не по стихам, которые часто воспринимал как-то двойственно, ибо казалось, что когда Фокин пишет стихи... за его спиной стоит кто-то и нащёптывает ему строки. А судьба его — судьба настоящего поэта.

При встречах он часто говорил, что до сих пор не может подарить своей книги. Но, наверное, за месяц до своей смерти — он появился в моём кабинете в редакции «Русского Севера», достал из портфеля свой «Посошок», а потом как стеснительно, но твёрдо предложил... купить за две (по тем деньгам), как помнится, тысячи.

По его лицу было видно, что деньги ему очень нужны. Но у меня с собой не было, а идти искать не позволяла срочная работа на выпуске газеты. Коля ушёл унылый и потерянный. Больше я не увижу его никогда...

Был второй час пополудни. Мой товарищ пришёл на обед, а я всё не мог закончить свою работу. Он с каким-то недоумением посмотрел на это дело, только и сказав: «Я в типографии обещал, что после обеда принесу. Они тоже торопятся...».

Мне стало стыдно. Я снова принялся за работу. Перечитывая гранки, вдруг обратил внимание на одно стихотворение, которое раньше не отметил:

И звезда не случайно упала.
Поздно понял я жизни закон.
Самых лучших душа выбирала,
Заполняя судьбы небосклон.
Только лучшие — ярко сгорали,
А мерцали на небе моём
Те, что душу
За грош продавали,
Чёрным крася её окоём.

«Ах, друг! Как всё это верно, — думалось мне. — Как всё это близко, понятно моей душе. Но как, чем вылечить свою душу, как снова стать невинным, как ангелочек, чтобы поменьше мучила совесть, не болело бы сердце, не стыдно было бы смотреть в глаза своих детей или друга? Ничего не происходит без следа!»

К самым лучшим
душа устремилась,
ободрав оперенье в кольцо.
Я восстал из духовной могилы,
но остались следы на лице...

И перо само выводило на бумаге: «Весомость таких открытий тем более значительна, что они находят естественную форму воплощения — стихи! Вот куда мы пришли! Да опять к тому же: нужна ли поэзия? Но пусть вас вопрос больше не тревожит. Ответ найдётся сам собой».

Работа была закончена. Я вышел из дома, чтобы идти в редакцию, где ждал меня мой друг. Вьюга поутихла, но снега навалило чуть ли не по колено. Он был чист и бел, как недавно лист бумаги на столе. Я пошёл, оставляя глубокие следы. На душе было легко и ясно... А ведь я тоже преодолел свой путь к Слову!

ВОСКРЕСНЫМ УТРОМ

Дмитрию Шеварову

Воскресным утром встал ото сна рано. По своему обыкновению отправился на пешую прогулку. Тихо! Даже слышно как древние тополя на улице Гоголя шепчут что-то уже желтеющими листьями в своих высоченных увяхх. Наверное, приветствуют восходящее светило этого славного дня середины августа.

Пешеходов пока не видно, не считая целующейся поминутно парочки влюблённых, явно заблудившейся в ночи, уходящей сейчас навсегда. Нет и автомашин. Упоительно-нежный воздух не отравлен ещё их сладковатыми выхлопами.

Нет ничего прекраснее на свете воскресного утра в Вологде! Другому бы и не простился этаким эмоциональный всхлип, а мне простительно: не вмещается в душе тихая радость от всего, что вижу, слышу и чувствую в этот ранний час.

Долго стоял на Пречистенской набережной напротив храма Димитрия Прилуцкого, освещенного с южной стороны боковым снопом солнечного света. Как умиротворительно мерцают звездочки на куполах, как ладно пристроилась к храму приземистая колокольня. И каким чудесным образом зеркально отразился церковный ансамбль в тихой, без всякой ряби, воде реки Вологды. С этого берега видится будто бы пароход «Димитрий Прилуцкий» отправился куда-нибудь к Сухоне, а там и к Белому морю.

Вот ведь красота неопишемая! Как же мудры были наши предки, нахажившие возможность столь славно украшать подобными храмами свои города. Какими безобразно-глупыми остались в памяти изверги, порушившие их... Но как радостно сейчас, что до этого храма их руки всё-таки не добрались.

Ах да, сегодня Яблочный Спас! Преображение Господне! Значит, через час-другой будут литься над притихшим Заречьем волшебные звуки колокольного перезвона! И кажется, что в этом тихом и волшебном вологодском утре вернётся всё то былое, что случилось хоть однажды в этой жизни с нами, с нашими предками, и всеми-всеми, кто имел безмерное счастье прйтись хоть однажды воскресным утром по улицам достославной Вологды...

2012

НИКОЛАЙ РУБЦОВ. ИСТОКИ СУДЬБЫ

(Опыт филологической прозы)

Сестре Алле, Борису Гуляеву

*«Андрей, Рубцов — это океан,
мы отхлебнули от него чуть!»*

Вячеслав БЕЛКОВ

1.

3 января високосного 1936 года в пятницу, посреди самой строгой недели Рождественского поста, явился миру Николай Рубцов. Родился он в селе Емецк Северного края.

Давний спор Архангельска и Вологды кому из них считать Рубцова своим досточтимым земляком разрешается очень просто: и тому, и той — оба города в обширный Северный край и входили. В автобиографиях поэт место своего рождения естественно всегда указывал «с. Емецк Архангельской области», но местом зачатия его является Вологда. Семья Рубцовых переехала в Емецк за три месяца до рождения очередного, как теперь окончательно выяснилось, — пятого ребёнка.

Ещё не родившийся, но уже *живой* Рубцов (пока без имени Николай) отправился в первую свою поездку по стране, даже очень похоже, что в первую северную «ссылку». Есть веские основания полагать, что многодетная семья Рубцовых струнулась из Вологды не совсем по доброй воле, а в силу чрезвычайных обстоятельств.

Своим рождением в *провинции* Николай Рубцов подтвердил извечное правило: выдающиеся поэты в России рождались в основном в провинции и по усадьбах (и почти всегда осенью). Рубцов тоже оказался в некотором смысле исключением из этих правил, родившись зимой, и даже не просто в провинции, а в таёжной глухомани Русского Севера.

Но — Емецк так Емецк. И знать бы не знать, а где же находится это село в нынешней Архангельской области, которому довелось стать родиной замечательного поэта. По географическому местоположению Емецк — почти самый центр области, хотя бы её западной части. Стоит село на левом берегу реки Емцы, почти при впадении той в Северную Двину.

В Емецке Коля Рубцов пережил первое серьёзное испытание в своей жизни. Лето 1936 года оказалось на Русском Севере катастрофически жарким, многие температурные рекорды которого заново побиты только в приснопамятном 2010 году. У Александры Михайловны начался мастит («закипало грудное молоко»), младенец Николай вечно недоедал, заходясь в истошном крике. Надо думать, что Коля тогда впервые побывал на грани жизни и смерти.

Старшая сестра Надя носила братика на руках по Емецкому лугу, чтобы не утомлять соседей по дому его криком. Но и на улице было тяжело: всюду набрасывался таёжный гнус и мошкара, спастись от этой напасти не представлялось возможным. Вероятно, нервный стресс, испытанный тогда Колей, сказался на его начальном физическом созревании, ибо многие запомнили его мальчиком излишне тщедушным и совсем уж низенького роста. Да и в зрелые лета Николая Рубцова богатырём никто не называл, хотя здоровье он во время службы на Северном флоте явно выправил до хороших кондиций.

«Емчаком» Николай Рубцов являлся всего двадцать месяцев. Так и осталось тайной: побывал ли он в Емецке в зрелом возрасте? Местный краевед Татьяна Минина считала, что был «только один раз и всего один день». Правда, год приезда так и уточняется. А побывать в Емецке Рубцов мог в 1965 или 1969 году, когда в Архангельске выходили его сборники и он приезжал туда за гонораром, а «крюк» от Архангельска до Емецка совсем ближний, всего лишь несколько часов на теплоходе.

При желании Рубцов мог легко найти родовой дом на бывшей улице Емецкой, 17-а (именно тут по данным паспортного стола была прописана с

октября 1935 года семья Рубцовых), хотя дом к тому времени уже значился по улице Горончаровского, 57. Но памятной доски: «В этом доме 3 января 1936 года родился поэт РУБЦОВ Николай Михайлович» на нём тогда ещё не установили.

Тут надо сделать вот какое уточнение. Из воспоминаний Галины Шведовой (Рубцовой) выходит, что Николай появлялся на свет в роддоме. Всего скорей Галина Михайловна запомнила момент торжественной регистрации в поселковом Совете, а вот родился Николай всё-таки дома, и роды принимала Раиса Николаевна Рубцова, сама многодетная мать, и местная повитуха, которую емецкие старожилы запомнили как «бабку Устинью».

Мог Рубцов найти и соседей по родному дому — семьи Поршневых и Федоровцевых, но едва ли у него были хоть какие-то зацепки памяти сделать это. Из очерка краеведа Татьяны Мининой выясняется, что емчане припомнили семью Рубцовых и через сорок лет: «По воспоминаниям Александра Ивановича Поршнева и Нины Алексеевны Худяковой (Федоровцевой), жили семьи спокойно и дружно. Нина была одного возраста с Галей Рубцовой. Девочки дружили, играли вместе. Тёти Саши (матери Рубцовых), — вспоминала Нина, — не боялись, она только просила потише бегать, любили мы в прятки играть, ползали под кроватями и столами. Но как только приходил отец, наступала тишина, они боялись его, и Нина моментально убегала домой. А Рубцов-старший, придя домой, заводил сразу патефон. Нина вспоминает, что её мама говорила: «Опять завели патефон, наверное, Михаил пришёл домой». Потом они навспоминали и другие подробности. Не густо, понятно, но для успокоения своей *исторической совести* Рубцову вполне бы пригодилось (выражение для *успокоения исторической моей совести* употребил Пушкин в письме к Бенкендорфу, прося допустить его в архив для ознакомления с пугачёвским «делом», а попутно разыскать новые данные о своей родословной).

Последний раз в воспоминаниях о Рубцове Емецк возникает в связи с пребыванием поэта в Архангельске в октябре 1970 года на выездном секретариате Союза писателей РСФСР, посвящённом литературе Русского Севера. Он в составе писательской делегации побывал в Холмогорах, чтобы почтить память Михаила Ломоносова. Тогда на вопрос земляка-северянина, литературоведа Александра Михайлова, не собирается ли он заехать на свою родину, Николай ответил: «На этот раз — нет. Но поеду туда непременно, тянет, как птицу к своему гнездовью. Вологда дала мне приют, согрела мое сиротство, а тут я появился на свет, первый раз на землю ступил...», по-видимому, надеясь установить с малой родиной тесные связи.

2.

И всё-таки... «Николай Михайлович Рубцов родился всё-таки не там, где ему было уготовано природой. — По-своему справедливо писал Вячеслав Белков. — А мать-природа готовила это место долго и старательно. Она пестовала лес и поле, шлифовала холмы и горушки, пустила между

ними речку с чудесным названием Стрелица. Сыпнула из горсти веселых птиц и мелкого зверья, подвесила в небе грозного ястреба, который нехотя кружит над этими местами, выискивая полевую мышь или ещё какую добычу. А ветерок прибежал сам собой, и тропинки извилисто пролегли с горки на горку, от реки к лесу. По одну сторону речки — Спасская церковь, венчавшая и крестившая русских крестьян, предков поэта. По другую сторону — срослись на угоре две деревни, Самылково и Денисково. Почти каждый дом был — как крепость семейная — велик и красив. Неповторимые северорусские скаты крыш, венцы. Здесь и было в недавнюю старину, как говорится, полдеревни Рубцовых!»

Прежде всего, благодаря Вячеславу Сергеевичу Белкову, и начались поиски сведений о стародавнем крестьянском роде Рубцовых. Самые глубокие его корни уже разысканы до пятого-шестого колена, и если Самылково — «полдеревни Рубцовых», то очевидно, что фамильные традиции здесь складывались не одно столетие. Вячеслав Белков сообщал о родовых связях Николая Рубцова следующее: «У Андриана Васильевича и Раисы Николаевны Рубцовых было пятеро (по другим данным — семеро) детей: Николай, Михаил (будущий отец поэта), Анна, Александра, София... Михаил женился, стал работать к селпо продавцом, грамотный был. Жили Рубцовы в зимовке, средств не хватало...»

Теперь о родовом древе Рубцовых и Чекалёвых, Рычковых и Тюрных известно много больше, но не понять уже никогда главного: а что за люди были прародители Николая Рубцова, что их так удерживало в пределах Биряковской волости Тотемского уезда не одну сотню лет? Но отчетливо разумеется только, что многовековая укоренённость в родную землю создавала крепкую традицию бытования на земле своих прадедов.

Предки Рубцова не являлись крепостными, а были приписаны в казённую ведомость, то есть считались «государственными крестьянами». По закону государственные крестьяне рассматривались как «свободные сельские обыватели». Им было разрешено вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики и заводы. Прадеды Рубцова не обладали хозяйственной жилкой, раз никто из них не стал «владельцем фабрик и заводов». Надо полагать, что они вели обычное натуральное хозяйство, обрабатывая скудные десятины «отрубленной» земли своим трудом. После революции 1917 года Рубцовы считались бедняками, то есть недвижимого имущества практически не имели.

Скудные сведения, дошедшие до нас, в частности, об Андриане Васильевиче Рубцове, деде поэта, говорят о том, что это был умный человек, углублённый в себя созерцатель людей и природы. Был он «худенький, черноватый-черноватый, сидит, бывало, на приступочке, когда мимо молодёжь на погулянку идёт. Всё сидел, наблюдая за всем, что вокруг делается, всё замечал... Иногда его поведение казалось странным, не как у всех соседей по деревне». Таким его запомнила дочь Софья Андриановна Рубцова.

Есть веские основания полагать, что прародители поэта не особое значение предавали «хлебу насущному», а больше думали о своих душах. Все

в земной жизни обретались глубоко религиозными людьми, а подлинную приверженность православной религии и воцерковленность (судя по опыту наших дней) можно прививать чаще всего с младенческих лет. И раз мать Николая Рубцова пела в церковном хоре, то тексты канонических песнопений она вряд ли заучивала преднамеренно, а знала их с детских лет, повторяя за взрослыми. Бытовало семейное предание, что и жену для своего сына Михаила Раиса Николаевна Рубцова присмотрела в храме Рождества Пресвятой Богородицы села Спасское, обратив внимание на истовую милостивую прихожанку Сашу Рычкову из соседней деревни Логиново.

А другой стороны, что очень похоже, предки Рубцова существовали в стихии русского народного фольклора, являясь непременными участниками сельских игрищ и обрядов. Известный собиратель северного фольклора Николай Шашуков из села Чучково, соседнего с родиной прадедов Рубцова, многие годы собирал и изучал тексты обрядовых песен Присухонской стороны и всегда поражается их многообразию, запечатлевшему все стороны бытия северного крестьянина от рождения до самых печальных дней. Доподлинно известно, что всевозможный фольклор знала бабушка Рубцова — Раиса Николаевна Рубцова. Она многие годы жила в семье Михаила Андриановича, в том числе в Емецке и в Няндоме, и уж наверняка напевала колыбельные младенцу Коленьке Рубцову.

Раису Николаевну надо полагать своеобразной «Ариной Родионовной» для будущего поэта. И понятно, что если фольклор передавался из уст в уста, а чаще всего и по семейным преданиям, то в семьях Рубцовых и Рычковых были и ещё кто-то прежде, кто этот фольклор превосходно знал. Об этом же говорят и несомненные творческие способности Александры Михайловны и Михаила Андриановича Рубцовых.

Одной из семейной традиций северного крестьянства можно считать и передачу имени по наследству. Но имя Николай не прописано родовым по линии отца. Зато здесь встречаются Данил, Лев, Иосиф, Филосов, Аполлос, Андриан... Вероятно, такие имена соответствовали православным святым, то есть давались по дате рождения, но сам выбор подобных имён сообщает нам о том, что имена не несли привязки по «наследству».

Иное дело по линии матери, где новорождённых чаще всего называли по семейной родословной. Пятого ребёнка в семье Рубцовых всего скорее назвала мать Александра Михайловна. Её родного дядю звали Николай Семёнович Рычков (правда, у Михаила Андриановича был старший брат Николай, но в 1936 году он был ещё жив, поэтому едва ли пятого сына назвали в его честь).

Тут же попутно надо разрешить застарелый спор о том, можно ли называть Рубцова «крестьянским поэтом»? Некоторые исследователи слишком упирались в «деревенскую» тему в творчестве поэта, ведя эту традицию от Алексея Кольцова и Спиридона Дрожжина, которые в истории литературы и остались *крестьянскими поэтами*. Кому-то кажется, что предшественниками Рубцова являются Сергей Есенин и «новокрестьянские» поэты 1920-30 годов.

Правильней всего называть Николая Рубцова «крестьянским сыном», хотя официально он родился в семье «совслужащего» (советского служащего) и домохозяйки, правда, крестьянское происхождение которых не вызывает сомнения.

3.

Семейную стезю длинного крестьянского рода Рубцовых пресекает Михаил Андрианович, устроившись продавцом в лавку сельхозкооперации, в 1912 году закончив «двухклассное министерское училище» в селе Спасском («грамотный был»). Некоторые исследователи жизни Рубцова (Н.Коняев, Ф.Раззаков) отчего-то сильно невзлюбили Михаила Андриановича, называя его «предателем» и даже «подлецом», бросившим на произвол судьбы пятого сына.

Но, во-первых, а это доподлинно известно из воспоминаний близких, Николай Рубцов больше походил как раз на отца (ну и на деда тоже), а не на мать и внешностью, и многими чертами характера. Одно это должно бы заставить присмотреться к Михаилу Андриановичу попристальней (генная память хотя и представляется неким фантомом, то есть призрачной и таинственной субстанцией, но наука генетика не сомневается в том, что наследственные признаки передаются от отца и матери, дело только в доминантных пропорциях этих признаков от того или другого родителя). «Можно только предположить, — отмечал один из биографов Рубцова Сергей Багров, — что умением вдохновляться и вдохновлять, зажигательным смехом, жестами, мимикой и походкой Коля скорее похож на отца. А задумчивой грустью глубокого взгляда густоресничных коричневых глаз, добротой и отзывчивостью души, ранимостью чувств, сострадательной нежностью и способностью радоваться за тех, у кого сегодня успех, несомненно — на мать».

Во-вторых, в судьбах отца и сына есть существенная взаимосвязь, которую на поверхностный взгляд не выразишь, но забывать о которой не следует. А эта взаимосвязь выразилось в «бунтарском духе» и в «охоте к перемене мест», отличавших того и другого.

Родился Михаил Андрианович Рубцов 12 сентября 1899 году в Самылкове. Николай Коняев справедливо полагая, что это «типичный ровесник века» (теперь уже двадцатого), почему-то отказывает ему вправе иметь общественно-значимую биографию, видя Михаила Рубцова, предположим, только сельским лавочником или купцом (кем он, кстати, и стал в советское время). Закончив в 1912 году начальную школу, он помогал родителям по личному хозяйству, а, всего скорее, что и просто нанимался батраком. Октябрьская революция 1917 года, понятно, значительно повлияла на его дальнейшую судьбу. В 1919–1921 годах Михаил Рубцов служил в Красной Армии, даже успел повоевать на Западном фронте бесславной советско-польской войны.

Насмотревшись ужасов войны, Михаил Андрианович вернулся в родовой дом в Самылкове, чтобы продолжать размеренно-спокойное быто-

вание русского крестьянина. Он рано женился, первый ребёнок в семье появился в 1922 году. Девочку назвали Надежда. Уже говорилось о том, что старшая сестра четыре года была своего рода нянькой для брата Коли.

По возвращению домой у Михаила Рубцова начался «бунт» против заведённого в его роду порядка вещей и бедности своей семьи. Он (предположительно) оканчивает школу счетоводов в Тотеме (или в Кадникове), ибо в воспоминаниях родных речь идёт о бывшем уездном городе. Он бросает подёнщицу батрака, устроившись в лавку сельхозкооперации. Наконец, он проявляет настойчивую инициативу, чтобы вступить в ВКП (б), что сельскому «лавочнику» сделать было невероятно трудно. Но Михаил Андрианович справедливо предполагал, что членство в партии откроет перед ним новые возможности в жизни. В 1929 году продаётся и родовой дом в Самылкове. Михаил Рубцов с семьёй пускается в двадцатилетнее странствие, завершив их только с постройкой собственного дома в начале 1950-х годов на улице Республиканской в посёлке Ковырино Вологды.

Как говорится, «пути божьи неисповедимы». Пока все биографы Николая Рубцова прошли мимо того факта, что дорогу в село Никольское... проторил ему отец! С 1929 по 1931 год М.Рубцов работал завторготделом Толшменского районного общества потребителей. А центром этого района тогдашние власти «назначили» село Устье Толшменское, имевшее пристань на Сухоне, на которую потом много раз и приезжал поэт на пути в «деревню Николу».

Только самые дотошные краеведы Вологодчины смогут ныне разъяснить, почему именно так районировали Вологодский округ Северного края. Но с огромной долей достоверности нужно предположить, что село Никольское, к тому же — волостной центр, находящееся всего в 25 километрах от райцентра, значилось на особом счету у заведующего торговым отделом М.А. Рубцова. Ибо там была кооперативная лавка, пекарня, маслобойня, наверняка совершались у местного населения закупки ягод, грибов, скобяных и кожаных изделий. Выходит, что всего лишь за двенадцать лет до пятого сына отец уже пообжил те места, которые станут потом для Николая Рубцова почти родными.

В 1931 году Толшменский район расформировали, а поэтому село Никольское в дальнейшем и зафиксировано в составе Тотемского района. А семью Рубцовых уже понесло «ветром эпохи». В 1931 году семья обособляется в Вологде. Здесь Михаил Андрианович смог повысить образование; встал на учёт в горкоме ВКП(б) (по семейным преданиям: «ярый был коммунист»); поучился в совпартшколе; послужил в учебном подразделении командиров запаса РККА (на Великую Отечественную войну он ушёл в звании старшего политрука, то есть младшего офицера). А ведь это — полуграмотный крестьянский сын, который до 30 лет провёл в замкнутом пространстве достаточно глухой вологодской деревни. Можно смело предположить, что отец Рубцова обладал какими-то неординарными способностями по части устройства жизни своей семьи и сильными личностными качествами.

Первые вологодские годы остаются самыми загадочными в истории семьи родителей Николая Рубцова, и прежде всего в жизни Михаила Андриановича. А они в чём-то повлияли и на судьбу будущего поэта, в частности предопределили место его рождения. Версий на этот счёт несколько, но нижеследующая вологодским краоведам представляется наиболее вероятной.

Дело в том, что устроившись в ОРС (отдел рабочего снабжения) «Леспромсоюза» (после войны — «Вологдалеспром»), Михаил Рубцов обзавёлся тесными связями с начальниками тыловых служб воинских частей 10-й дивизии РККА, расквартированной тогда в Вологде (интенсивная торговля лесом или изделий из него никак не могла пройти мимо начальника ОРСа). Да и со снабженцами других ОРСов тоже, в небольшом городе хорошо знавших друг друга и связанных круговой порукой. А это и была, выражаясь современной терминологией, «торговая мафия» тех лет.

В 1935 году начались первые массовые «чистки» так называемого «большого террора» как следствие убийства 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова. В Вологде репрессивные «чистки» прежде всего и коснулись командного состава частей 10-й дивизии. У Михаила Андриановича хватило ума и жизненного опыта понять, что его связи с военными снабженцами (и другие «торгово-мафиозные» связи тоже) не останутся без внимания следственных органов местного ГПУ. Он «отправил» себя (и будущего сына Колю в утробе жены) от греха подальше в Емецк в добровольную «ссылку», наверняка опираясь на помощь какого-то влиятельного покровителя: очень уж гладко и своевременно получались у него перемещения по службе, и, в общем-то, как бы теперь сказали, на должности «хлебные».

Однако «рука советского правосудия» до Михаила Рубцова всё-таки дотянулась. В январе 1938 года его арестовали уже в Няндоме, куда опять-таки, словно заматаывая следы, как-то стремительно отец Рубцова перебрался из Емецка, где у него к тому времени уже наладилась очень приличная работа и были сносные жилищные условия для многодетной семьи, а в Няндоме должность оказалась на несколько порядков ниже.

Конечно, как отмечал Михаил Суров в полемике с Николаем Коняевым, статья 58-10 — «политическая». Любой «чих» в сторону власти воспринимался как «контрреволюция». И всё-таки экономические правонарушения тоже расследовались по 58-й статье — «производственный саботаж», например. Нет оснований сомневаться, что арест отца Рубцова был вызван какими расчётами (не обязательно, конечно, воровством) по его основной работе, всего скорей — по анонимному «сигналу».

История его освобождения выглядит так же загадочно, как и вся жизнь в Вологде с 1931 года. Пресловутое письмо в адрес 18 съезда РКП(б) едва ли чем-то помогло многодетному страдальцу, хотя сам факт такого письма исключить нельзя. Но, похоже, определяющую роль в этой ситуации сыграло разделение Северного края на Архангельскую и Вологодскую области: архангельским сыщикам не захотелось возиться с бесперспективным «делом», изначальные следы (видимо, через Емецк) вели в соседнюю отныне область. Михаила Рубцова освобождают подчистую, отправив

мартовской морозной ночью в одном пиджачке домой. И он явился домой к сестре Софье в Вологде на улице Урицкого, 32. Значит, остаток следствия он провёл в вологодском «домзаке» на Советском проспекте Вологды, что косвенно и подтверждает «вологодский» след в его деле.

Или опять за спиной Михаила Рубцова замаячила тень некоего «должного лица» явно высокого полёта, и, вероятно, именно из военных... Надо хорошо представлять реалии советской жизни накануне Великой Отечественной войны, дабы понять, что даже годичное пребывание под следствием «на редкость честного дознания» (С. Багров) напрочь должны сломать партийную и хозяйственную карьеру отца Рубцова. А у него и дальше продвижение по работе идёт в гору. Уже в 1940 году он оказывается привлечённым к военной службе и строжайшим военным тайнам по линии снабжения, получив назначение на должность начальника военторга запасного полка в посёлке Кушуба Вологодской области. Похоже, Михаил Андрианович и впрямь был семи пядей во лбу, раз его так высоко ценило начальство. Какой-то счастливый везунчик, почти беспримерный для предвоенного времени! Но почему-то ныне представляется, что всю долю счастья, отпущенную на семью Рубцовых, Михаил Андрианович и вычерпал до донюшка, оставив своим детям от первой жены только самые крохи.

Как быть с этим: «на войне отца убила пуля»?

В 1942 (или в 1943?) году Михаил Рубцов действительно был направлен на Волховский фронт. Но маршевая рота с политруком Рубцовым, ещё не добравшись до передовой, попала под бомбёжку. Политрука контузило, он получил ранение сзади ниже пояса: подобное ранение в настоящем бою расценивалось бы как попытка дезертирства.

Несостоявшийся фронтовик, подлечившись в госпитале в Вологде на улице Батюшкова, был досрочно демобилизован в 1944 году (до конца жизни отец Рубцова прихрамывал). Каким-то образом оказавшись в посёлке Вохтога, и опять на должности начальника ОРСа местного ЛДК, заново женился, и опять создал многодетную семью — таковой видится главная жизненная установка Михаила Рубцова.

В 1948 году новая семья Михаила Рубцова перебралась в Вологду, но хозяйственная карьера Михаила Рубцова пошла на убыль, на пенсию он вышел простым плотником, а умер в 1962 году от рака желудка. Уже в наши дни (к 50-летию со дня смерти) на Горбачёвском кладбище Вологды восстановлена могила Михаила Андриановича, основательно до этого запущенная. Теперь это не столько знак памяти Михаилу Рубцову, сколько дань уважения вологжан его выдающемуся сыну.

4.

Впрочем, впрочем... В литературе о жизни Николая Рубцова как-то сложилось мнение, что роль отца в судьбе поэта оказалась минимизированной. Но так ли это? Есть что-то глубинное в передаче генной памяти от Михаила Рубцова сыну Николаю (и остальным детям тоже). Михаил

Андрианович и его жена Александра Михайловна явно несли в своих душах творческие начала. Оба любили попеть на досуге народные песни и городские романсы, послушать патефон (даже арии из опер!), ходили в вологодские «кино-театры» (так это слово писалось до войны) им. Горького и «Искра», в традиции тех лет устраивали семейные громкие читки художественной литературы, по-видимому, стихов Пушкина и Некрасова, Демьяна Бедного и Маяковского.

Творческие способности от родителей так или иначе передались всем детям. Надежда и Галя превосходно пели, Альберт сочинял стихи (даже публиковался в газетах) и хорошо играл на баяне, Борис имел пристрастие к музыке (учился в музыкальном кружке на баяниста), дети Рубцовых сносно рисовали. Ну, и Коля-Николай... Он самоучкой освоил гармонию, баян, гитару, в детдоме и в техникумах являлся оформителем и автором стенгазет (по-видимому, пытался поступить в художественное училище в Ленинграде), а про поэтическое дарование и так понятно.

Нельзя отказать Михаилу Андриановичу Рубцову и в том, что он успел показать своим детям от первого брака пример традиционного семейного уклада. Он был хлебосол, «душа компании». Даже в Емецке, где семья из семи человек ютилась в двух комнатах, часто бывали гости и постояльцы — сослуживцы отца Рубцова (сообщение краеведа из Емецка Т.Мининой). Всё-таки надо признать, что Михаил Андрианович был широкой натурой, хотя и с известными комплексами выходца из крестьянского сословия, например, «домостроевщиной» и самовластием хозяина дома, явно не огранённые широким систематическим образованием и надлежащим воспитанием.

Понятно, что после отъезда из Самылкова в 1929 году семья всегда была *безытной*, живя «на чужбанах» или на «перекладных», всегда поселяясь на служебной или съёмной жилплощади. Но это была настоящая семья! Держалась она до поры до времени на Александре Михайловне, которая искренне и сильно любя мужа, «многое ему прощала».

Пришло время опровергнуть широко гуляющий миф о том, что Михаил Андрианович «забыл» или «бросил» пятого сына, создав новую семью. Ничего подобного! Совсем недавно тотемский краевед Валентина Притчина, исследуя учётную книгу воспитанников Никольского детдома, обнаружила запись, подтверждающую, что сразу после войны Михаил Андрианович посылал запрос в детдом о судьбе сына Коли. По-видимому, он совершил ошибку, простодушно поведав о своей новой семье, и опытная в подобных семейных коллизиях администрация детдома благоразумно решила об этом письме Коле не сообщать, чтобы не обнадеживать мальчика в излишних ожиданиях встречи с отцом, опасаясь глубоких депрессивных состояний подростка.

А обратный ответ администрации на запрос мог и потеряться, ибо сам-то Михаил Андрианович всё время менял места проживания. Более того, по воспоминаниям Галины Шведовой (Рубцовой), Николай был первым из детей («любимчик отца!»), кого отец и начал разыскивать после

войны. Да и не мог он быть «подлецом» по отношению к сыну, крестьянская совесть и память о крестьянском роде не позволила бы Михаилу Андриановичу забыть о своих кровных детях.

Теперь уже навсегда останется тайной Николая Рубцова то, что заставляло его, повторимся, с какой-то упорной до фанатизма последовательностью отмечать раз за разом в анкетах: «Отец ушёл на фронт и погиб в том же 1941 году. Вскоре умерла мать...», «Родителей лишился в начале войны», «Поскольку родителей лишился рано, воспитывался в детском доме», «Таковых сведений <о родителях> почти не имею». А это утверждалось даже и тогда, когда как раз сведения о родителях у Рубцова уже имелись достаточно определённые. Догадки на этот счёт возможны, но едва ли они ныне приблизят к истине.

Отцовские гены, однако, сказывались в другом: из многих воспоминаний известно, что Рубцов почти всегда с некоторой завистью отмечал отлаженный домашний порядок и устойчивость семейной жизни своих товарищей, часто при этом сожалея, что у него *пока* такового порядка не сложилось. Да и две реальные попытки Николая Рубцова (и несколько пробных) создать полноценную семью сами за себя говорят. И показательно — наследственная черта — как внимательно он относился к детям, не только к любимой дочери Лене, но и ко всем другим тоже.

Отец и сын встретились только в марте 1955 года, сохранилось фотография с надписью: «На долгую память дорогому сыночку Коле. Твой папка М.Рубцов. 4 марта 55 г.». Николаю уже девятнадцать лет, он предстал перед отцом *зрелым* человеком. А дальше случилось то, что и должно было случиться. Проницательный Рубцов-сын увидел далеко не то, что хранил об отце в своей памяти. Вместо *того* отца, сильного и строгого, уверенного в себе человека, перед ним оказался полуснившийся старик-инвалид на исходе жизненных сил и здоровья. Возможно, глядя на *такого* отца, впечатлительный Рубцов представил своё будущее, и это больно покорило его душу. Собственно, в отце он уже не нашёл той опоры, в которой в тот момент в бытовом плане, вероятно, ещё сильно нуждался. И, быть может, пятый сын понял, что через отца уже не установить те дальние родственные связи, которые Николай как всякий русский человек, хотел бы восстановить. Сын потому внешне и *отрёкся* от отца, ибо тот обманул его ожидания на этот счёт.

К тому же, что очень похоже, это были слишком «однополярные» личности, чтобы находиться в длительном соприкосновении. И если бы семейная история Михаила Андриановича повернулась как-то иначе, всего скорей, сын рано или поздно всё равно отца бы покинул, чтобы пойти своей дорогой по жизни. Что, кстати, и сделали сестра Николая Галина и братья Альберт и Борис, которые так и не прижились в новой семье отца. Известно последнее письмо Михаила Андриановича к Николаю, посланное ему за месяц до смерти. Уже смертельно больной отец слёзно умоляет сына о помощи, хотя тот едва ли бы смог реально что-то сделать. На похороны отца Рубцов не успел (он был в колхозе с первым курсом Литин-

ститута), но при первой возможности (на девятый или сороковой день) всё-таки в Вологду приехал... Можно считать, что именно так состоялось запоздалое «примирение» отца и сына.

Отношения отца и сына Рубцовых сложились предельно трагично. Но это отражение всей *трагедии* русского народа, выпавшие на его долю в двадцатом веке. Не вызывает сомнений, что эти отношения значительно повлияли на мировоззренческое становление Рубцова-поэта и, понятно, нашли отражение в его творчестве. Очевидно, что это одна из тайн рубцовского творчества, которую разгадывать ещё и новым поколениям читателей его стихов.

Об Александре Михайловне Рубцовой известно очень немного, а то, что «раскопали» вологодские краеведы, так или иначе уже опубликовано. Она родилась в деревне Логиново Биряковской волости Тотемского уезда 30 марта 1900 года. (Предположительно) окончила Стрелецкую женскую церковно-приходскую школу. Николай Рубцов как-то признавался, что сестру Надю (первую) запомнил отчётливей, чем мать: ««Свою мать почти не помню. Ничего о ней не знаю. Надо будет о ней когда-нибудь порасспрашивать брата <Альберта>». И такое могло быть. Александра Михайловна Рубцова умерла от болезни сердца 26 июня 1942 года, а похоронена (предположительно, точных данных пока нет) на Введенском кладбище Вологды (возможно, вместе с дочерью Надей). Могила её (их) утеряна...

5.

Коля Рубцов навсегда запомнил 26 июня 1942 года: «...Однажды он <брат Али> пришёл ко мне в сад и сказал: — Пойдём в кино. — Какое кино? — спросил я. — «Золотой ключик», — ответил он. — Пойдём, — сказал я. Мы посмотрели кино «Золотой ключик», в котором было так много интересного, и, счастливые, возвращались домой. Возле калитки нашего дома нас остановила соседка и сказала: «А ваша мама умерла». У неё на глазах показались слёзы. Брат мой заплакал тоже и сказал мне, чтоб я шёл домой. Я ничего не понял тогда, что такое случилось, но сердце моё содрогнулось...». Единственную неточность и допустил Рубцов в рассказе, сообщая, мол, Вологду бомбили. Этого не было, тем более в том квартале на улице Ворошилова, где стоял тогда дом №10, квартал «деревяшек» непременно выгорел бы дотла.

У Коли Рубцова ещё нет ощущения семейной катастрофы, а она уже случилась. События второй половины лета 1942 года — это первый известный «бунтарский» период в биографии Рубцова. А Коле всего шесть с половиной лет! Тем летом случился первый побег из дома. Хозяйка квартиры Ульяновская объявила, что Коля украл продуктовые карточки. Мальчуган убегает из дома и несколько дней где-то пропадает (вроде бы «в лесу под ёлкой», что очень сомнительно; всего скорее примкнул к какой-нибудь группе беспризорников, которые летом обычно устраивали свои «логова» на берегу реки Вологды между штабелями брёвен, есть и такие воспоминания вологжан военного времени).

В том-то и дело, что выстраивая поведенческие модели любого поэта, многие опираются чаще всего только на личный, очень ограниченный житейский опыт, основной ценностью которого обычно является достижение эфемерного «счастья», предположим, — семейного или общественного. Но поэт приходит в этот мир не для житейского счастья («На свете счастья нет...», — снова и снова Пушкин!), а для познания и отражения в поэзии всего объёма земной и космической жизни. Как это и произошло с Николаем Рубцовым.

Не раз говорилось по различным поводам, что детдомовец Коля Рубцов — это человек без детства, достойный либо непомерной жалости, либо постоянной заботы со стороны общества и государства. Это какое-то общепринятое настроение ума по отношению к детдомовцам. Как ведь только их не называли — и «сироты казанские», и «дети подземелья» (по-видимому, по аналогии с популярной тогда повестью Владимира Короленко), и совсем грубо и жестоко — «голодранцы». А вот в селе Никольском было и местное определение, так сказать адаптированное к деревне — «голодные овцы». Наверное, гурыба детдомовцев и правда временами напоминала кому-то стадо овец, опротивевшее бегущее к хозяйке с куском хлеба в руках — в наблюдательности русскому крестьянину не откажешь.

Трудно судить насчёт «стыдился сиротства», ведь из воспоминаний о поэте известно, что Рубцов рассказывал о своём детдомовском детстве довольно часто, правда, обычно матерям своих товарищей или близким женщинам. Особенно — матерям друзей! Возможно, в этом проявлялся известный «детдомовский синдром»: повсюду искать понимающую, сродобольную душу и хоть как-то попытаться объяснить «погрешности» своего характера и общественного положения.

Более того, если бы Николай Рубцов оказался «человеком без детства», то нам явился бы другой поэт! Просто детство Рубцова как бы раскололось на две зеркальные части, хотя во временной составляющей его биографии оно должно пониматься целостно и неделимо.

Одна «часть» — в многодетной семье со своими трагедиями и горестями, но всё-таки с семейным укладом, с отцовским и материнским приглядом, с заботой сестёр и братьев и других многочисленных родственников (что и говорить, основы личности закладываются до пяти-шести лет, а дальше идёт накопление знаний и опыта). Другая — да, «сиротская», бессемейная, но не лишённая своих плюсов, в частности — глубокого познания многих других людей, отличных по мировоззрению и воспитанию от первоначального круга его семьи и потом ставшими ролевыми персонажами его стихов.

А в случае с Николаем Рубцовым есть и ещё один несомненный плюс: оба его детдома были «вписаны» в окружающую природную среду, что и позволило ему рано почувствовать себя «природным человеком», и что, как справедливо много раз отмечалось, нашло широчайшее отражение в его поэзии. И ещё неизвестно, смог бы Николай Рубцов так глубоко постичь русскую природу, если бы, предположим, остался в Вологде — вроде бы в те годы и «большой деревне», но всё-таки, как и в любом мало-маль-

ски большом городе, в очевидном отторжении от природного начала («город» — на то и город, чтобы от природы «отгородиться»).

6.

Николай Рубцов не забывал своё детство: и «раннее» — в семье, и «позднее» — в детдомах. Вот строки из письма Николая Рубцова 1959 года Валентину Сафонову: «Ночами часто предаюсь воспоминаниям. И очень в такие минуты хочется вырваться наконец на простор, поехать куда-нибудь, посмотреть на давно знакомые памятные места, послоняться по голубичным болотам да и по земляничным полям или посидеть ночью в лесу у костра и наблюдать, как чёрные тени, падающие от деревьев, передвигаются вокруг костра, словно какие-то таинственные существа. Ужасно люблю такие вещи...». «Ужасно люблю такие вещи» — конечно же о детских годах, других «голубичных болот» и «земляничных полей» к тому времени у Рубцова ещё не отмечалось, он вернётся к ним через три-четыре года.

О детдомовской жизни в «деревне Николе» осталось довольно много воспоминаний. Это даже странно: полуголодное детство не должно было принести так много здоровья, что детдомовцы в среднем прожили так много. Но какие-то драгоценные крупницы свидетельств ныне зафиксированы. И теперь можно довольно сносно картину детдомовской «житухи» представить. Это очень важно. Нет сомнения, что там нужно искать многие ключи к судьбе и личности поэта.

Поразительно, но вполне объяснимо, что многие детдомовцы вспоминают о той жизни с известной долей ностальгии. Ещё бы: ведь это их детство! Правда, должно насторожить мнение Анатолия Мартюкова, товарища Коли Рубцова в детдомовские годы.

Вот тот же Анатолий Мартюков: «Трудно человеку из семьи с матерью и отцом понять законы детдомовской общины. Они естественны и обязательны. Дети, родственные по судьбе, крепче сплавиваются, не знают барьера несовместимости. Войди в этот мир с миром и будешь «братом навеки». Злоба и ложь отвергаются, предательство — вне закона. Сожалеют, взрослея, детдомовцы лишь о том, что крепость нитей первой дружбы не прочнее семейных. Детство не часто страдает муками разлук. Только когда-то, позже, берedit воспоминаниями...»

Нельзя отрицать, что автор цитаты попытался определить некоторые общие законы «детдомовщины». Здесь многого не поймешь, если сам не испытал подобного. Хотя, кажется, есть много и надуманного. Поскольку в военные и послевоенные годы было слишком много тех, кто прошёл детдом, то они создали своеобразный миф о своем житье. На самом деле там действовали правила, характерные для любого общежития детей, ограниченного определенными препятствиями для их свободы.

Теперь нужно обратиться к воспоминаниям, которые укажут на некоторые свойства личности ребёнка Коли Рубцова. «Можно ещё долго продолжать подобные воспоминания, но выбрав самые характерные, легко

можно представить образ Коли Рубцова-детдомовца. Что это дает? Любые свидетельства о том времени ценны и необходимы исследователю. И они, наверное, многое могут рассказать внимательному читателю, особенно — знакомому с детдомовской средой. Однако не покидает ощущение, что внешние детали, о которых так много вспоминают друзья Николая Рубцова по детдому, не дают полного представления о его внутренней жизни.

Но вполне можно из пестрой мозаики воспоминаний детдомовцев Никольского «приюта» выделить несколько важных моментов. Почти все вспоминают, что Коля был очень впечатлительным мальчиком. Это свойство могло быть врожденным. Трагические события раннего детства, без сомнения, развили такую впечатлительность до сверхъестественности, а это для подлинного поэта наиважнейшее свойство. Другое качество личности Коли Рубцова — отличная память! Нет ничего удивительного в том, что уже потом, в зрелые годы, Рубцов-поэт обходился без черновиков, память всегда служила ему огромным подспорьем и можно не сомневаться в том, что он «унёс» с собой «целый сборник стихов». Надо поверить и в то, что кому-то мальчик Рубцов показался «ласковым» и заботливым. Вероятно, он как-то со временем сумел обуздать свои *резкости* характера, отмеченные ещё в Краскове. По-иному и быть не могло: пришла пора становления *поэта* Николая Рубцова.

Так получается, что трудно определить тот момент, когда детство детдомовца Николая Рубцова заканчивается и начинается отрочество. Наверное, это произошло без резких сдвигов в поведении Рубцова-подростка. Какой-то условной границей тут можно считать 1946 год. Коле Рубцову — десять лет, испытаний пройдено много, и наступает такой период в биографии, чтобы начать долгий путь к вершинам поэзии. Именно к этому времени относится и первое достоверное стихотворение «Зима», сочинённое юным поэтом.

Скользят
Полосья детских санок
По горюшке крутой.
Дети весело шепечут,
Как птицы раннею порой.

Считается, что это перифраз известного стихотворения Ивана Сурикова «Детство»: *«Вот качусь я в санках По горе крутой...»* Но такие впечатления могли быть у любого деревенского мальчишки; можно привести десятки стихов подобного плана. Вот, например, Афанасий Фет: *«...Уж теперь не будет спору: За салазки, да и в гору Весело бежать!»* — а эти стихи по настроению даже более близки строкам Коли Рубцова, чем у Сурикова. Словом, нет смысла искать «первоисточник» для подражания у юного стихотворца.

А духовно-эстетическое становление русского поэта Николая Рубцова только начинается...

(Публикуется в сокращении)

ПОВЕСТЬ О СЛАВЕ

(фрагменты из повести-эссе)

*Юрию Малозёмову,
Михаилу Карачёву,
Александру Драчёву*

Где и как мы познакомились, совершенно выпало из памяти. Дело обыкновенное. Бывает, знаешь с человеком многие годы, а где впервые пожал ему руку и не вспомнишь. (Кстати, это почему-то чаще касается мужчин, первые свидания с женщинами помнятся отчетливей.) Всего скорей, такая встреча могла произойти в редакции газеты «Вологодской комсомолец». И как-нибудь буднично, без акцента на длительность знакомства, без эмоционального всплеска для каждого из нас.

Я мог бы нафантазировать что-нибудь поромантичней. Например, как два юных вологжанина, один — почти юноша, другой — незрелый отрок, маленькие «гении» с тощими тетрадками стихов или прозы — сталкиваются посреди обыкновенного двора на улице Менжинского. Они проходят мимо, удостоив друг друга взгляда лишь мельком, так и не протянув друг другу руки, потому что нет места двум «гениям» в одном квартале.

Двор Славы в некотором смысле, и правда, был проходным. Если надо было в «город», как старожилы называют историческую часть Вологды, то никто из нас и не ходил до угла квартала, а часто норовил срезать через этот двор.

Об этом неприметном, самом обычном вологодском дворе, зажатым тогда между глухим забором горотдела милиции и тремя домами постройки времён Хрущёва (в просторечии — Никитка-кукурузник), я мог бы продекламировать героические баллады, сочинить грустные стансы, пропеть блатные куплеты, произнести чувственные сонеты, но Слава меня опередил — он о нём уже сказал своё слово в «Повести о Вологде». Мне, однако, сильно сокрушаться по этому поводу не приходится, всегда есть что-либо добавить к сказанному Славой.

Тут придётся немного притормозить, дабы объяснить с читателем. Я должен признаться, что это не воспоминания, не жизнеописание, не очерк, как любят выражаться литераторы, «жизни и творчества» Вячеслава Белкова. Тогда что же я хочу, привлекая внимание к своему герою?

Быть может, это рассказ о судьбе замечательного человека? Судьба — это, конечно, нечто иное, чем просто земная жизнь, заключенная, как всем доподлинно известно, между двумя датами. Есть, к слову, такое выражение: «посмертная судьба». А я даже уверен, что у каждого из нас есть и пред-судьба, заложенная в земном бытовании родителей и других предков.

Но всё-таки... Просится на ум такое мощное словосочетание, как «духовный облик». Меня могут заподозрить в теологических пристрастиях. Но, понятно, что философский опыт у каждого разный. Получается, что «духовный облик» или что-то донельзя туманное, непостижимое. Либо, наоборот, точное знание, поддающееся пониманию другим человеком. Я склоняюсь ко второй мысли, хотя и смутно представляю инструментарий такого исследования.

Не удержусь, чтобы дать пересказ одной важной мысли немецкого философа Рудольфа Штейнера: «Насколько очевидно физическое сходство между людьми, настолько для беспристрастного духовного взора несомненно различие их духовных обликов. Существует один очевидный факт, посредством которого обнаруживается это. Это — наличие биографии человека. Тот, кто правильно поразмыслит над сущностью биографии, тот заметит, что в духовном отношении каждый человек сам по себе есть отдельная особь».

Как видите, начать придётся всё-таки с биографии. Точнее, с автобиографии. Вот Слава пишет: «Родился 15 сентября 1952 года в любимом городе — в Вологде, в семье служащего и домашней хозяйки, третий сын. В детстве прожил несколько лет на юге — в Днепропетровске, и, как теперь понимаю, для меня счастливо соединились язык и история Древней Руси и Северной нашей Руси, нашей Отчины нового времени. Во всяком случае, всегда гордился и горжусь своей родиной и народом её...»

В другом месте Вячеслав так дополняет себя: «Родился я на улице Менжинского, в <19>52-м году, в деревянном домике с мезонином. А если точнее — в роддоме, который располагался тогда в бывшем здании губернской гимназии. Теперь это политехнический институт, а ещё до роддома там был госпиталь. А ещё давным-давно в этом здании был театр и приказ общественного призрения... И вот многие мои сверстники-воложане впервые подали голос именно в этих исторических стенах. Первое воспоминание — качели во дворе и поленица дров, стеклянная люстра в комнате...»

Хорошо помню этот старый двухэтажный дом с мезонинчиком в тесный дворик, третий от перекрестка с улицей Герцена. Улица Менжинского ныне, кстати, называется Предтеченской. Интересно, что потом, уже в 1980-е годы, в этом доме была мастерская художника (знакомца Вячеслава Сергеевича) Михаила Брагина, как раз в мезонине. Это его могила рядом с могилой Николая Рубцова на Пошехонском кладбище. На могильном камне надпись: «Миша Брагин. XX век». (У самого Михаила век оказался короткий, чуть больше сорока лет.) Был такой чудак-человек, теперь, наверное, почти забытый. Он был талантлив, но слишком рано ушёл из жизни по самой «русской» причине (и не по «пьянке»), а по тоске вселенской, хотя всегда это как-то взаимообусловлено), чтобы состояться в большого художника.

Не удивляйтесь, что всё так связано в нашей Вологде. Впереди ещё много подобных совпадений.

...Теперь на месте «родового» дома Вячеслава Белкова — площадка перед этой чудовищной стеклянно-бетонной гостиницей «Атриум». Кажется, он так и не увидел, во что неуёмные головы превратили один из уютнейших уголков милой ему Вологды. И кстати, почему «Атриум»? Попробуй, выговори! Кроме того я знаю, что кроме значения «внутренний двор», слово «атриум» имеет значение и «закопчённый». И видится мне, что второе больше подходит этой гостинице, пусть и отмывают её время от времени вологодские дожди или уборщицы среднеазиатской внешности...

Назвали бы, например, «Китеж». А ещё лучше «Град Китеж»! Как бы звучно и по-русски было. Боже, что творится в головах некоторых жителей нашего досточтимого города? Вячеслав Белков тоже печалился по сходному поводу до бесконечных головных и сердечных спазмов: «Ах, Вологда! Как больно тебе, наверное!..»

Тут к месту и такая цитата из Вячеслава Белкова: «Вологда... Здесь, в этом старинном городе, живёт моя душа. Здесь она возникла, росла, порой стучаясь об острые мальчишеские рёбра, то залезая наверх в голову, то уходя в пятки. Когда я на время покидал родной город, душа моя заболела, засыпала тяжёлым сном, и хозяин её даже себе самому бывал в тягость... Человек привыкает к домам, к родным и знакомым лицам. А мне иногда кажется, что я прирос к самому месту, где стоит моя милая Вологда, прилепился к её тёплому воздуху, и даже если наши «учёные архитекторы» в смертной битве с охраной памятников победят и всё здесь сравняют с землёй, то и тогда, на горьком пепелище, я буду знать и чувствовать свою родину».

Но это будет потом... А пока наш герой (через город Днепрпетровск) переезжает в другой дом по той же самой стороне улицы Менжинского, во второй от угла с той же улицей Герцена, только в направлении железнодорожного вокзала.

«Наш дом, в котором я прожил много лет, — сообщает Вячеслав Белков в «Повести о Вологде», — был закончен строительством в 1959 году. Четырёхэтажный, 32-квартирный. Два входа-подъезда со двора. Конечно, и мне бы хотелось написать о «пилястрах» «лепных гирляндах во фризе». Но чего нет — того нет. Впрочем, дом неплохой, кирпичный, надёжный... Дом наш, отечественного производства, так сказать. А несколько домов в этом ряду и дом за углом (ул. Жданова) — построены были пленными немцами, после 1945 года...»

Улица Жданова ныне — Чехова! Ещё одно вологодское недоразумение: можно ли было переименовывать улицу Жданова в улицу Антона Павловича Чехова, который, как доподлинно известно, в Вологде не бывал? Тем более что до «Жданова», она имела соответствующее название — Транспортная, а ещё раньше и совсем прекрасное — Фроловская! А ведь на ней первый вологодский вокзал, чудом сохранившийся до нашего времени, а также — транспортный двор Вологодского железнодорожного узла...

Есть и другой замечательный в своём роде дом на углу улиц бывших Менжинского-Жданова. Тот выстроили ещё до войны. Его долго называли «милицейским» — в нём жили когда-то высокие чины областного УВД. Вот в этом доме прошли детские годы замечательного писателя и литературоведа Дмитрия Шеварова, который очень уважал Славу — они были хорошо знакомы.

К сожалению, творчество Дмитрия Шеварова недостаточно знает, как видится иной раз, ныне маловаточитающая Вологда. А ведь он столько прекрасных страниц посвятил именно вологжанам.

«Только недавно я осознал, — пишет Дима в своём эссе «Сны о чём-то большем», — что моё детство прошло в месте необычайно глубоком, в чём, конечно же, нет никакой моей заслуги. Просто так получилось. И теперь я часто ловлю во сне или наяву подспудные толчки, идущие ко мне от обхоженной мной земли...

Вокруг меня жило много светлых, гениально светлых людей, которых я не знал. Но их присутствие рядом что-то творило во мне, со мной — то, о чём мне и сейчас не сказать, потому что не всё угадано, не всё открылось. И не всё откроется. В этом тоже есть свой смысл. Тайна *Места* должна оставаться неразоблачённой тайной, как всё детское, толкающее нас, взрослых, проникновенными, мгновенными толчками памяти. И в памяти этой, в личной нашей античности, в истории нашего древнего мира, — здесь лучше быть не археологом, а поэтом. Место нашего детского пребывания, потерянное во времени, обретается во всём своём обаянии и становится идеальной точкой **прибытия...**»

Эх, дорогой Димка-Дима! Почему ты оборвал многоточием такую важную и своевременную мысль? Идеальная точка **прибытия!**.. На побывку или в вечность?

Мы ведь знаем с тобой как медленно, но верно отучают народ от того, что Александр Сергеевич Пушкин называл «успокоением исторической совести моей», когда просил Бенкендорфа допустить его в архивы, чтобы побольше поузнавать о своих предках. Вроде бы пошло поветрие на «генеалогические древа», на поиски пращуров, но всё ещё маловато тех, кто пишет семейные саги, личные дневники. И не о дальних родственниках, а о жене, детях, внуках... Как добиться понимания того, что нет более ценных рассказов о любой исторической эпохе, чем личные дневники и письма? Как говорил Виктор Астафьев по другому поводу, правда: «Нет мне (нам) ответа».

А ещё те три «немецких» дома по улице Менжинского (Предтеченской)... Тут такая притча. Слава всегда говорил, что никогда не видел Николая Михайловича Рубцова в 1960-е годы. Но дело в том, что мог видеть! И даже очень близко. В соседнем доме с ним — первом из «немецких» — жил в 1960-80-е годы вологодский поэт Игорь Тихонов. Игорь Васильевич в молодости опубликовал две поэтические книжки, довольно сильные по тем временам. Интересно, что Василий Иванович Белов в середине

1960-х годов уверял друзей, что в Вологде два настоящих поэтических таланта — Александр Романов и... Игорь Тихонов.

Николай Рубцов чем-то тоже выделял поэта-ровесника. Он несколько раз бывал у него дома, ночевал... Возможно, что иногда молодые люди Игорь и Николай сидели за столиком во дворе «немецких» домов, предназначенном для игры в доминошного «козла», как раз напротив окна Славы с торца его дома.

У меня осталась уверенность, что все друг друга в этом квартале знали, что и было на самом деле! Каждый новый человек в наших дворах как-то сразу бросался в глаза. Спустя много лет моя мама, когда стали широко публиковаться фотографии Рубцова, сразу вспоминала: конечно, видела несколько раз: такой невысокий, в широкополой шляпе...

И мне почему-то кажется, что я тоже в то время видел Николая Михайловича Рубцова. А было так: однажды тёплым летним вечером мы играли с ребятами в «войнушку». И между прочим «оружие» у нас было вполне боевое. Изготавливалось что-то наподобие деревянного пистолета, к нему укреплялась рогатка с резинкой, которая отчего-то называлась «венгеркой». Полем «войны» у нас был весь квартал от Герцена до Жданова. Я как раз устроил засаду у ворот «немецкого» дома. Слышу шаги, думаю, что подкрадывается «противник», выскакиваю из засады, но в воротах сталкиваюсь с незнакомым человеком, в широкой шляпе. Шляпа именно и поразила — никто у нас в квартале таких не носил. И пронзил цепкий, откровенно-пристальный взгляд, поразивший до глубины моего мозга. (Я и теперь этот взгляд помню.) Я выдавил из себя что-то вроде «извините», а незнакомец ответил какой-то странной полуулыбкой...

Я ничего не утверждаю, но мне так хочется верить сегодня, что это был именно Николай Михайлович Рубцов...

Старший брат мой Дима дружил с сыном Игоря Васильевича Володей — они погодики, вместе ходили в шахматную секцию при Доме пионеров... Дима часто вечерами засиживался у Тихоновых, наша бабушка Нина Николаевна ходила вызволять любимого внука из гостей и могла тоже запросто встретить там Рубцова.

Вячеслав Белков тоже хорошо знал Игоря Тихонова, этого кряжистого мужичка с вологодским говорком на «о», пытался за ним записать воспоминания о Рубцове. Ничего из этого, кажется, не получилось. Слишком «разобранным» был уже Игорь Васильевич в свои поздние годы. Стихи он писал такие же — «вологодские», «цветастые» по стилю и содержанию, но какие-то вторичные, то ли «под Есенина», то ли «под Исаковского». А закончил свои дни Игорь Васильевич совсем «типично» для него: уехал в деревню под Вологду, пас коров, а однажды в драке ударили его поленом или обухом топора по голове... А славный был человек, хоть и буйный! Настоящая русская душа!

Тут мне придётся сделать такое признание. Дело в том, что мы со Славой в те годы были соседями! Но не обочь, а напротив, через «дорогу», как

многие в Вологде называют проезжую часть улицы. Окна квартиры, где он тогда жил у отца с матерью, смотрели на окна нашей кухни и балкон. Как я любил сидеть на балконе летними тёплыми вечерами, жадно перелистывая страницы журналов или книг! Между нами было всего метров сорок, никак не больше!

А его двор — один из «дворов» моего детства, их было несколько. Долгими летними днями и вечерами я пропадал в детском клубе «Красная гвоздика». Он находился как раз во дворе Славиного дома. Два года я был вратарем дворовой команды, тоже называвшейся «Красная гвоздика». У нас подобралась тогда отличная команда! Один раз мы заняли третье место на городских соревнованиях «Кожаный мяч», а таких команд тогда было в городе больше тридцати.

Тренировались (какое тяжёлое слово!) мы, нет, до самозабвения гоняли мяч на том же самом пятачке, где до нас за пару-тройку лет перед этим гонял мяч и Слава, потом уже ставший старшеклассником и как «взрослый» человек, забросивший футбольные игрища. А «воротами» у нас — два тополя, выросшие, по-видимому, на могилах или аллее кладбища Свято-Духова монастыря... И чёрный могильный памятник, который Слава вспомнил в своей «Повести о Вологде», мы тоже пытались откопать: он находился рядом с площадкой и уменьшал её размеры, мешая воплотить наши «тактические» комбинации.

В его подъезд повадился я в классе шестом ходить к прелестной, кроткой девочке Оле, которая жила на третьем этаже. (Слава — на первом.) Мы не должны были разминуться ещё в те годы! И подишь ты!

Словом, говоря по-научному, «среда обитания» в те далёкие 1960–1970-е годы у нас была общая... В какой-то умной книге вычитал: «Среда обитания — окружающая человека среда, обусловленная совокупностью факторов (физических, химических, биологических, информационных, социальных), способных оказывать прямое или косвенное, немедленное или отдаленное воздействие на жизнедеятельность человека, его здоровье и потомство. От понятия «среда обитания» следует отличать понятие «условия существования».

Вот ещё место из «Повести о Вологде» Вячеслава Белкова: «Территория, пространство... Видимо, для детей, как и для животных, «своя территория» — весьма важная штука. Её надо обязательно обойти, освоить, чуть ли не обнюхать. Попробую описать пространство, которым мы «владели» примерно в 8-10-12 лет. Центром этой территории будет перекресток Герцена-Менжинского, мерой длины кварталы и метры...»

И мне стоит закрыть глаза и как живую видится эта территория-пространство. Впрочем, пойду на эксперимент. Попробую посмотреть на мир глазами подростка Славы. Сколько ему? Двенадцать, четырнадцать, шестнадцать?.. Вот просыпается наш юный герой погожим летним утром, где-нибудь ещё на рассвете, в звонкой тишине вологодского утра. Бежит на кухню, чтобы попить молочка, принесённого молочницей. (Сам не верю себе, но я застал времена, когда молоко приносили на дом крес-

тьянки из подгородных дерезень, вроде Бывалова или Осанова, в больших алюминиевых бидонах.)

Слава распахивает окно на кухне, видит противоположную сторону улицы Менжинского. А весь квартал — сплошь деревянные особнячки и домишки. Особенно хорош второй от угла, уже подсевший от старости, с прекрасным мезонином. Его часто рисуют художники! Что они находят в нём — развалюха и развалюха?

За домом напротив «люди вырыли котлован», где построили самое большое в квартале «здание» — плавательный бассейн «Динамо». Он долго будет чужеродно смотреться в раздолье деревянных домов и тополей, особенно выделяясь стеклянной стеной второго этажа по фасаду, за которой — это видно — юные пловчихи и пловцы разминают-растягивают свои мышцы и косточки. Бр-р! Как им хочется прямо с раннего утра... А, может, Слава и завидует им...

На другом углу квартала — кафе-мороженое «Ветерок» (или «Встреча», забылось) — жестяной короб и тоже со стеклянными стенами! Летом в нём прохладно, мороженого можно купить сколько хочешь! Потом сиди себе за дюралевым столиком, поглощая его с вишнёвым или малиновым сиропом из вазона на тонкой ножке. Окрестные мальчишки любили собираться в этом кафе. Часто в летные дни там было не протолкнуться.

Тут же рядом — небольшая площадка, бывшая коновязь. Когда в Вологде основным видом транспорта был гужевой — здесь «обедали» лошадки и коняги, запряжённые в телеги или в дровни. Всего скорей, коновязь была в этом месте извечно. Прихожане церкви св. Екатерины и паломники в Свято-Духов монастырь оставляли здесь свои «транспортные средства». От коновязи остались столбы с перекладинами, окрестная ребятня использует их как гимнастические брёвна. Сколько там прошло незабываемых летних вечеров!..

...Сейчас, на прогулке, проходя по любимой Предтеченской, вдруг вернулся в тот двор. Наш двор! Вроде, всё как прежде. Вот тут, на углу, стояла церковь св. Екатерины. Для Вологды, может, и обычное явление, но дело в ином — она была единственной и неповторимой. Тут я вспомнил, что в этом дворе было Славе явление Галактиона Вологодского. Старец сказал: «Нет у нас книги родства!» Попробуй, пойми: чтобы это значило? Что такое книга родства? Сама известная — Иисуса из Назарета.

Тихо, безлюдно... Нет уже скамеечек у подъезда Вячеслава Сергеевича, где летними вечерами сидела его мама с соседками. Спортплощадка теперь славная — настоящий корт! Нам бы такую тогда! А тополя всё те же и так же шумят своей почти жестяной листвой. Часто в том углу «тусовались» какие-то сорванцы на мотоциклах «Ява». Красно-никелированная «Ява» — мечта всех стилиг того времени. Такая «Ява» была и у брата Славы, который «так спешил жить, что умер в девятнадцать лет» (разбился на мотоцикле).

В «Повести о Вологде» Вячеслав Белков мало говорит о том, что было вокруг его дома. А мне ещё помнится серая стена бывшего Духового монастыря, старинные ворота, возле них — всегда милиционер. Зимой — в белом тулупе. Летом — в тёмно-синем кителе и галифе. А главное: на ремне с портупеей — кобура! Вот мечта — иметь такую кобуру. Возможно, как показывали в каком-то фильме, в ней действительно — огурец для закуски, но мы не могли об этом знать. А за воротами — таинство следствия, выезжают автозаки, тупорылые «козлики» с желтыми полосами по бокам и надписью «Милиция».

Однажды, летней ночью, под окнами нашей квартиры, раскрытыми настежь душной ночью, раздались крики: «Стой, стрелять буду!», и отчетливо был слышен топот двух пар ног. Я от страха завернулся с головой под одеяло... Ничего мы тогда, конечно, не понимали, ничего не знали о репрессиях 1930-х годов, об этой самой страшной странице истории бывшего Свято-Духова монастыря. А насмотревшись советских детективов, с каким-то благоговейным трепетом смотрели на этого горотделовского постового. Впрочем, говорю о себе. Отношение Славы к этому я уже не узнаю...

Теперь на этом месте магазин «Океан», точнее — уже и «Океана» нет. А когда магазин только открыли, весь город ходил смотреть на два огромных аквариума в центре торгового зала с живой рыбой... Её сачком вылавливал какой-нибудь «дядя Вася» в резиновом фартуке и небрежно бросал на огромные весы.

Мимо «Океана», потом заворачивая за угол, мимо дома, где жили художник Николай Васильевич Бурмагин и женой Генриеттой, журналист Э.Федосеев, а у них в гостях бывал Рубцов, Слава ходил в школу № 8 (гороно). Почему — «гороно»? Потому, что у вокзала ещё была «восьмая» (СЖД)... К сожалению, он потом почти не вспоминал о своих школьных годах.

Есть только ворчливое замечание в «Повести о Вологде». «До сих пор не пойму, как в одной из лучших школ города на уроках пения меня и моих сверстников не только не научили любить и понимать музыку, но даже не дали её послушать... До сих пор поражаюсь, как мало дали нам уроки рисования. Впрочем, понимаю уже, что в отдельности такие уроки мало что могли дать. Художественную культуру надо подавать цельно или хотя бы большими кусками: литература, театр художественное слово, философия, кино, живопись, архитектура, графика. Фотография, плакат, книжная иллюстрация; музыка народная и классическая, поэзия, танец и т.д.»

Тут нам интересны пристрастия самого Вячеслава Сергеевича, его взгляд на педагогическую практику. Но как жаль, что он нигде не вспоминал своих учителей. А среди них могла быть, например, как бы сказали ныне, первая «леди» области — жена первого секретаря обкома партии Анатолия Семёновича Дрыгина, такая дородная, степенная женщина, кажется — «химичка» (я у неё не учился). А насчёт музыки? Наверное,

Слава просто не застал то время, когда в нашу школу пришёл молодой учитель пения Владимир Николаевич Копнин, который создал мощный школьный хор, а потом и ВИА (вокально-инструментальный ансамбль), один из первых и лучших в тогдашней Вологде...

Впрочем, не буду спорить со Славой. Просто своими воспоминаниями дополню страницы его «Повести о Вологде».

Вячеслав Белков родился как раз посередине сентября — 15-го. Почти все значительные русские поэты родились осенью. Исключение как всегда — Александр Сергеевич Пушкин (из поздних выдающихся — Н.Рубцов). Но собирался ли он стать поэтом или литератором? Наверное, нет. Где-то он обмолвился, что в отрочестве мечтал быть футболистом или военным.

Скажем, футболистом, понятно! Когда живёшь рядом со стадионом «Динамо» и слышишь в дни футбольных матчей ор многотысячной толпы болельщиков, то невольно это завораживает могучей энергетикой футбольного ристалища. особенно, если ты сам на поле (мне такое довелось испытать)! Раньше раскатистый рёв трибун: «Гол-л-л!», был слышен за несколько кварталов. Теперь, кажется, «болеют» скромнее. Да и областной футбол перестал быть таким сильным «наркотиком», как это было в дотелевизионные времена.

Вот военный, это более очевидно. Семейная традиция! Отец — крестьянский сын, фронтовик, после войны — офицер. Старший брат уже учится в военном училище. И что ему, Вячеславу, надо? Не пойти ли в военное училище? Вот и решено. Из автобиографии Вячеслава Белкова: «После школы поступил в высшее военное училище в Петергофе, но через два года понял, что совершил большую ошибку».

Никогда я не слышал от него про те годы. Есть только маленький рассказ Славы о том, что в молодые годы он был «юнкером». Юрий Малозёмов мне потом рассказывал: для того, чтобы уйти из военного училища Слава написал семнадцать или восемнадцать рапортов... Такие суровые были времена. Поступить в те годы в военное училище было трудно, а «выйти» из него ещё сложнее. Отчислить из военного училища могли только по серьёзной болезни или очень «плохое поведение». Впрочем, мне ли не знать... Я через всё это прошёл. Только через семь лет после Славы.

В нашей не-встрече в те годы многое решили семь лет разницы в возрасте. Когда летом 1969 года моя мама относил документы в 4 класс 8-й школы (а тот год Дима Шеваров поступил в первый класс, значит, мы стояли в одном строю однокашников на торжественной линейке 1 сентября на стадионе «Динамо»), Слава уже сдал выпускные экзамены, выпорхнув, так сказать, из «альта матер». И умчался на поезде в Ленинград, чтобы поступить в военное училище. Когда же он вернулся со «службы» в свой двор, я туда почти перестал ходить. Многие мои друзья-одноклассники из его двора были детьми военных и милиционеров, отцов к тому времени попереводили в другие города.

Он поступил на филфак Вологодского педагогического института, помоему, совершенно уверенный, что учителем точно не будет. Хотя задатки педагога в нём были прекрасные. Только маленький пример. Однажды он поразил меня: «Настоящий мужчина должен уметь читать стихи вслух». Слава читал стихи великолепно. Я только потом узнал, что он провёл школу студенческого поэтического театра. Он любил кафедру, её ему часто не хватало. За четверть века нашей дружбы мы совместно выступали, вероятно, много десятков раз: в школах, ПТУ, в районных и сельских библиотеках, на литературных вечерах и конференциях... Ему было что сказать. И многое хотелось сказать...

Но Слава был скромным человеком. Ему никогда не хотелось сидеть, что называется, в «первом ряду» или на сцене: «Я тихо жил на свете». С этим связаны и его «отношения» с Николаем Михайловичем Рубцовым. На тему «Рубцов и Вячеслав Белков» написано довольно много. Я и сам сподобился издать брошюру о Вячеславе Белкове, где эта тема — одна из доминирующих. Но я выскажу свою догадку, наверное, в чём-то и криво.

Слава, видимо, рано понял, что в силу склада своего характера ему трудно будет сделать яркую биографию. Хотя он был очень сильный, даже — волевой человек. У двоих своих друзей я встречал такой характер: у Славы Белкова и Володи Кудрявцева. Оба умели сдерживать внешние проявления эмоций, и можно только догадываться какие молнии и громы случались в их душах втайне ото всех.

Так вот, в какой-то момент Слава стал жить «чужой жизнью», чужой биографией. И лучше всего для этого «подошёл» ему Николай Рубцов. Мне думается, что через своё «рубцововедение» Слава нашёл возможность выразить и своё отношение к жизни, как бы создать «модель» идеальной (или близкой к идеалу) биографии мужчины и писателя. Исследуя жизнь и творчество Рубцова, он постигал и себя, свою душу.

Мы редко переписывались. В этом не было большой надобности. Много лет мы работали в одних коллективах, жили почти по соседству. Несколько писем Слава отправил мне, когда я на два года уехал в Москву, поступив на Высшие литературные курсы. Все его письма ко мне, в основном, и написаны в то время. Я перечитываю их теперь. И всё кажется, что вновь погружаюсь в его незабываемую интонацию, и всё чаще хочется, чтобы он сказал сейчас в телефонную трубку: «Андрей, привет-привет» (между прочим, такое приветствие было в ходу у Рубцова).

Наверное, я не могу причислить себя к его «первым» друзьям (для меня-то Слава, Володя Кудрявцев и Дима Шеваров таковыми были). Ибо знаю, что у него было два самых лучших друга, которые, уверен, занимали в его душе очень много места — Юрий Максим и Валерий Мурин.

Когда Валерий трагически погиб (выбросился, вероятно, с балкона пятого этажа своего дома), собрались мы со Славой на сороковую день на кладбище около села Чучково Сокольского района (Валера был оттуда ро-

дом). Мы долго искали могилу, но без провожатого так и не смогли найти (на похоронах мы не были). И помню, когда выходили с кладбища после долгих блужданий между оградками, Слава, всё оглядываясь на смиренный погост, приговаривал: что же ты, Валера, спрятался так, ещё друг называется... Что-то подобное.

А Юрий Максин жил и живёт в Устюжне, куда мы однажды собрались со Славой, чтобы навестить нашего товарища. Незабываемые были дни в кругу семьи Максиных!.. Но это было так давно...

Я всё-таки хочу привести несколько писем Славы. В них живая его интонация, отражающая и его характер, наверное. Ибо, как я думаю, он всегда помнил слова Антона Павловича Чехова про «краткость — сестру таланта». В архиве у Славы должен быть огромный эпистолярный, но едва ли его скоро издадут, а даже в этих письмах ко мне есть несколько важных строк, которые что-то да говорят о настроениях Славы последних лет жизни, хотя впереди у него будет ещё почти десять лет жизни.

* * *

Андрей, привет-привет!

Получил твоё письмо. Первое из столицы. Слава Богу, что устроился, что семинар ведёт Гусев. Лично не знаком, но это действительно человек талантливый и образованный, не делец. Правда, пьющий, но ему это, кажется, не мешает.

Повостей у нас нет. Нет и денег. Затишье. Вите твой привет передал. Вчера отметили в Союзе мой день рождения. Спасибо тебе за поздравления. Видимо, Баракова и Мартюкова будут принимать в СП. Но когда, неизвестно.

Правильно ли я понял? — у вас 27 чел. в группе критиков. Напиши, как прошло обсуждение твоё. «Зачина»? Я ведь «лицо заинтересованное».

Пиши. Будь здоров.

В.Б.

Посылаю новую газету, внутри её программа TV и реклама.

<16.9.1997>

* * *

Андрей!

Получил твоё письмо... О памятнике новостей нет, Грязев в отпуске. Твою заметку «Поэзия без поэта» сразу поставил в журнал, к-рый называется «Автограф» и к-рый, надеюсь, выйдет в декабре. Надо успеть именно в этом году выпустить первый номер.

А вообще — страшно устал, и от журнала, и от др. дел.

Пишу прозу, новый очерк о Рубцове и т.д.

Пиши. Всего доброго.

В.Б.

<20.11.1997> (по штемпелю на конверте).

* * *

Петрович!

У нас всё по-старому, и настолько нудно, что и писать нечего. Все пописывают, Маложёмов издаёт, а нек. читатели почитывают.

Завидую — ты там хоть умные лекции слушаешь.

Приветы твои передал, Максим молчит, Мишенёв приезжал, но ничего толком сказать не успел.

Неужели проживёшь без Вологды до Нового года? Не верится.

Посылаю «Слово». Я читал «День л-ры» — кажется, 3-й номер. Только.

Те, кто говорит о бурной жизни литературы, мне кажется, лукавят. Сейчас не время слов, а время поступков. Но на поступок никто не решается, или не способен.

Да, тебе там надо бы вступить в Союз. Это будет всё-таки какой-то опорой, хотя творчеству это мало помогает. Но времена трудные, сам понимаешь...

Слава

16.10. <1997>

Я разыскал ещё неск. стих-й Рубцова, и практически уже можно наконец составить полное собрание его стихотворений. Теперь мне можно и отдохнуть! Слава Богу.

* * *

Андрюша!

Привет, привет! Не знаю, читаешь ли наши газеты. Посылаю одну. Может, пригодится.

Я по-прежнему не в форме. Очень устаю. Впрочем, пытаюсь делать 4-й номер «Автографа».

Просьбу Славецкого передал Баракову. Кудрявцев тут отмечал свой юбилей. Я не ходил.

Когда приедешь? Какие новости?

Будь здоров.

Слава.

20.10.98.

Видел твою статью в «Л.Р.», а сам я пока ничего не публикую, «отдыхаю».

* * *

Андрей!

Новостей особых нет. Посылаю газету. Журнал выйдет у нас через неделю. Если не приедешь — напиши. Я пришлю его, сразу. Как дела твои, как Москва.

В Никольск я не ездил. Прошло там, как обычно.

Будь здоров.

Слава.

31.03 <1998>

* * *

Андрей!

Только отправил тебе письмо, как получил письмо от тебя. Посылаю журнал. Отдай его в хорошие руки. Я отложил тебе ещё 2 экз.

Подумай, что напишешь для 3-го номера.

Всего доброго.

В.Б.

8.04. <1998>

Если бываешь в «Лит. России», спроси там д. адрес бывшего сотрудника их — Е.Ованесяна. Я потерял его.

* * *

Андрюша!

С днём рождения тебя!

Успехов и всего-всего!

Наверное, в мае приедешь?.. Два раза спрашивал о тебе В.Кудрявцев, теперь я вижу его иногда.

У нас всё по-старому, болото, скука. Только газеты воюют. Посылаю страничку. Ожидается продолжение, конечно.

Постарайся больше печататься в Москве, чтобы тебя узнали, при-
выкли.

Пиши, будь здоров!

25.04 <1999>

* * *

Андрей!

Посылаю свежий журнал. Со следующего номера — ты в редколлегии. У меня срочное дело: хорошо бы в твоей газете опубликовать мою заметку (с иллюстрациями) о книге В.Меркулова +3-4 иллюстрации. Если это подойдёт, то мне нужно 3 экз. газеты (целиком). Потом все материалы мне надо вернуть.

Посылаю ещё заметку «Три автографа», но это не к спеху.

Будь здоров!

Позвони вечером как-нибудь.

Слава

У Славы были какие-то связи с «тем» миром. Выражалось это так: он чаще других сообщал мне о уходе в мир иной наших знакомых. Однажды майским днём сидел я дома. Вдруг ни с чего ни с того взял с полки книгу Славы «Неодинокая звезда», где на первой странице его рукой надписано: «Андрей, Рубцов — это океан, мы отхлебнули от него чуть. В. Белков». Стал читать малюсенькое предисловие Виктора Коротаева. В этот самый момент раздаётся телефонный звонок, Слава глуховатым голосом произносит: «Сейчас умер Коротаев... В своём офисе на Ленина... Сейчас будут выносить». Но меня больше поразило, что всё сошлось в один миг...

В другой раз ночью читал воспоминания Василия Елесина о Рубцове, тоже зачем-то надо было прочитать именно в тот вечер, на утро звонит Вячеслав Сергеевич: «Ночью умер Елесин, от инсульта».

Он же мне первым сообщил о кончине Юрия Леднева, Михаила Сопина... и много кого ещё других.

Ну и Слава... Когда он уже разрядил свой «пистолет», в эти самые часы я смотрел фильм о Николае Рубцове, который с каким-то трудом достал (тогда мы только-только приобрели ди-ви-ди-проигрыватель.) Слава всё поднимался и поднимался по лестнице подъезда последнего рубцовского дома, говорил и говорил о том, что выше Рубцова только Бог, а потом вдруг исчез, растворился в снежинки, которые по воле оператора посыпались в том подъезде.... Помнится, почему-то я этот момент прокрутил два или три раза подряд...

Да, день похорон. Довелось многих проводить в последний путь, как говорится, и в жару и в стужу. Бывают похороны, если можно так выразиться, «лёгкие», спокойные. Бывают — «тяжёлые», с какими-нибудь неувязками, надрывными настроениями провожающих.

Забуду ли я теперь осень и зиму 2006 года? Правду говорят, что в природе многое «сломалось», никакие народные приметы не действуют. Рябины в тот год было много, а это — предвестник быстрой и холодной зимы. Ничуть! Весь ноябрь и декабрь стояло вселенское тепло, даже ночами. Снег выпадал редко, тут же стаивал. Некоторые отважные вологжане даже ходили в свитерах. Словом, «лондонская зима». Я никогда не был в Лондоне, но где-то что-то читал по этому поводу. Ну и вот...

13 декабря, часов в девять утра, позвонила сначала Марина Липина, потом Коля Гришанов, сотрудники газеты «Премьер», мои хорошие друзья из незабываемых времён газеты «Русский Север». Я не поверил. Для меня Слава всё поднимался и поднимался по лестнице в «рубцовском» доме.

В день похорон, как мне показалось, я всё рассчитал. И чего там было рассчитывать? Десять минут на «четвёртом» троллейбусе до морга на Пошехонке. Дорога очень и очень известная... А тут? Сначала я решил сходить в магазин за цветами. Только вышел из подъезда — ливень стеной, настоящим водопадом. Я промок за одну минуту насквозь. Пошёл домой

переоделся. Снова — на улицу, уже на троллейбусную остановку у бывшего кинотеатра «Родина». Солнце во всю «ивановскую»! Теплынь, летний полдень (это в декабре, на Русском Севере, не Заполярье, конечно, но всё-таки)! Сел в троллейбус, поехали. Тут... Ах, многие, поди-ка, скажут, что так не бывает... Тут ураган такой страшной силы, что даже многотонный троллейбус дрожал от порывов ветра. И — встали... Стоим, стоим... Никто ничего понять не может. Наконец, открыли двери, всех выпустили: троллейбус дальше не пойдёт! Как так? Мне же, как говорили в нашем детстве, «кровь из носа» надо!

— Ничего не знаем! — как-то безучастно сказала контролёр. — Рекламный щит от ветродуя упал на провода, пока не починят...

Я бегом по улице Мира. Троллейбусы стоят вдоль улицы, опустив свои «рога». И бьётся только в голове мысль: неужели опоздаю. Слава мне этого не простит... Наконец, добираюсь до морга. Никого! Ни машин, ни одного человека. И дверь морга — на замке! Откуда-то сбоку подходит Леонид Стариков, тоже разводит руками: неужели опоздали? Звоню Коле Гришанову на «мобильник». Не отвечает, отключен, конечно, в такую минуту.

Так и топчемся на месте... Откуда мне было знать, что Вологда расшедрилась на новёхонький зал прощания, но повернули архитекторы его как-то «задом» к больнице. И никаких указателей! Наконец-то Коля позвонил: уже вынесли, сейчас — на кладбище...

Я и теперь думаю, что всё это было не случайно. Может, Слава просто не хотел, чтобы были мы в числе провожающих, нередко ведь людей случайных и не очень памятливых... Мои подозрения на этот счёт усилил потом и Юра Максин. Оказалось, что именно в тот день Юре надо было лечь на операцию. А ведь какие они были друзья!..

Над гробом Славы что-то сказать не нашлось сил, душили слёзы. Помню, проникновенно и хорошо говорил Виктор Бараков, как-то эмоционально и публицистично Михаил Суров, очень тепло сказал Михаил Карачёв... Приглушённо рыдала мама Славы... Пусть об этом расскажут другие...

Не знаю я ответа на главный вопрос: нужно ли помнить прошлое, даже в чём-то «цепляться» за него? Нынче модно по поводу и без повода вспоминать американцев-психологов вроде Карнеги, который ляпнул однажды насчёт «цепляния» за прошлое: «Если вы готовите завтрак, но ведь не идёте к мусорному ведру».

А мне, воспитанному на русской классике, чаще вспоминается Фёдор Михайлович Достоевский, которому я больше верю. Вот цитата из «Дневника писателя» за июль-август 1877 года:

«Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек... При этом самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства. А потому и сомнения нет, что воспоминания и впечатления, и, может быть,

самые сильные и святы, унесутся и нынешними детьми в жизнь. Но что именно будет в этих воспоминаниях, что именно унесут они с собою в жизнь, как именно формируется для них этот дорогой запас — всё это, конечно, и любопытный и серьезный вопрос. Если б можно было хоть сколько-нибудь предугадать на него ответ, то можно бы было утолить много современных тревожных сомнений, и, может быть, многие бы радостно уверовали в русскую молодежь»...

Не боюсь я больших цитат, как не чужаюсь и чужой мудрости. Как не противлюсь и длинным воспоминаниям, которые с годами всё чаще посещают меня.

2007, 2011

ВСЕГО ПОЛТОРА ГОДА

(По страницам дневника)

Брату Диме и Ире,
жене Ире и детям Маше и Ване

Памяти А. В. Наддачиной

Первый свой дневник я начал в 15 лет. И с тех пор не могу остановиться. Дневники — жанр маргинальный, но временами вдруг становятся документами истории. Впрочем, бывали годы, когда ежедневные записи оставались только в журналистских блокнотах. Они погибли во время пожара в доме моей мамы. Дневниковая активность начинается обычно, когда делаю большую работу, каждый день сижу за столом. Так случилось с лета 2011 до конца 2012 году. Работа литератора требует одиночества. Читателям она не видна. Вот и захотелось приоткрыть тайну из жизни писателя. К сожалению, пришлось сократить многие куски, касающиеся личной жизни. Это относится и к обширной переписке, обычно важные письма вклеиваю в дневник. Пока об этом поведать читателям рановато...

Андрей СМОЛИН

1 июня, среда, +24, тепло. Почти всю ночь не спал. Перечитываю писанину к юбилею писательской организации. Не могу найти продолжения. Это от большой фактуры. Сказать хочется многое, но объём не позволяет. Последние дни что-то застопорилось в моём общении с миром. Цветёт сирень, пахнет умопомрачительно. А яблоня у подъезда уже доцветает...

2 июня, четверг, +28, жара. Весь день — жарко. Да, лето в этом году как-то с разбега. Утром долго работал над статьей. После 14.00 пополудни отправился в Союз писателей. Пришёл, там — А. Цыганов, Г.Сазонов. Генн. Алек. похвалил за книгу о Сопине в противовес книге о Коротаеве. «Коротаева хорошо знаешь, поэтому скучно тебе было, а Сопина не знаешь, поэтому в книге есть поиск». Это ладно. Сопина я знаю достаточно, но зачем мне это излишне показывать? А вечером и Татьяна Петровна Сопина переслала отзыв Бакуменко из Москвы.

После обеда звонил Володе. Ничего, голос бодрый. Говорит, что работает. Потом сел за статью опять. Что-то трудно пошло... Вечером отправил статью Володе. Позвонил, немного поговорили. Он пришёл с прогулки. Перед сном читал Вл. Ив. Гусева. Ах, как я его понимаю. Но и ему, наверное, грустно всегда среди дураков.

8 июня, среда, +20, почти без солнца, облачно. Позвонил А.Цыганов: «Буду предлагать в третий номер «Лада», даже я кое-что не знал...». Вдруг объявился Слава Огрызко. Нужна статья о Петухове в какой-то сборник о вепсской литературе. Это ладно. Вечером провожал Иру в Москву, села перед самым отходом поезда, чуть-чуть не подвёл троллейбус. Обошлось.

9 июня, +26, душно. Утром съезжа от Иры, что доехала. Она отнесла статью в «Наш Современник». Хорошо. Надо забыть и не вспоминать. Захотелось написать для них про О.Фокину. Всё-таки задела меня её последняя книга. Никто так сегодня не умеет в плане поэтики, да и содержания, пожалуй. Большое явление. А у нас предубеждения, однако. А Фокина — это огромное дарование!

10 июня, -24, временами дожди, короткие. Утром читал, но после обеда... Да-да, С.Тихомиров... Много рассказывал о Румынии, суть доклада его не понял, но всё нужно. Конгресс славистов, посвященный Рубцову. Возможно, в сентябре приедут в Вологду... Да ещё пленум этот, выездной «Москвы». Привезут одних и тех же, это ясно. В Сокол так не собрался. Правда, никому твёрдо и не обещал. Да и дождики эти... Совсем тяжёл стал в этом смысле. Неподъёмный.

11 июня, +22, северный ветер, солнце. Встал, да-да, встал в 3.15. Ира приехала около 6.00. Встречал только у трол. остановки. Тревожный сон, тяжёлый. Это днём. Весь день — Гусев, Владимир Иванович... Ира была в лавке Литинститута, купила там последние его книги... Не забыть, будет ему 75 в мае будущего года. Да и книги послать.

12 июня, +18, сильный ветер с сев-запада. Уснули поздно, во втором часу. Сегодня встал в 8. Читал Гусева, сидел в инете. Да, день рождение сына. Сколько же? 26, между прочим. И не знаешь, много ли сейчас, или — «начало жизни»... После обеда — длинный сон. Приснилась какая-то муть: беременная собака, свора вокруг, одна схватила мой кулак в пасть. Какие-то ребята в плавках лезут в кабинет директора с улицы по лестнице. Мы с братом спасаем беременную суку... Всё цветное.

Днём в Гусеве. Глыбища он всё-таки. Особенно — «Два Александра». И там подтверждение моей мысли, что любой поэт связан с предшественниками. Что говорить, даже у Твардовского этого не нашли. И нужен «новый» взгляд, вот так-то!

Зато вечером — это «мероприятие» на Красной площади, этот гимн России в исполнении Лепсов, Биланов и проч. Какой «праздник», так и отмечают. С таким «народом», как на площади, можно успокоиться: ничего скоро в России путного не будет. Госпремии по литературе опять не было: да неужто некому? О.Фокина есть, Гусев...

13 июня, понед. +16, ветер, солнечно в облаках. Как-то так, впустую день, без «жизни». Утром читал Педенко, думал над статьёй о Саше Швецове, перечитал его «Холмы». Потом пошёл гулять, часа три(!). Футбол этот — Дим-Зенит (запись). Ну уж, такое не забывать... Хотя, конечно, бегают. Вечером — «Искусство прозы» В.И. Читают ли это «молодые»? Наверное, кто-то, далеко не все... А сколько ещё понимает?

14 июня, вторник, +22, почти без ветра. С утра — статья о Саше Швецове. Тут позвонил Дима Ермаков. Оказывается, Цыганов дал ему для «Лит.страницы» мою статью. Дима выберет какой-то «кусочек». Ну, пусть так. Закончил «Заметки» о Саше. Отправил в Сокол. Тоже пусть делают, что хотят. Вдруг хорошее настроение, только после сигареты колет внизу живота: печень, поджелудочная? И надо бы работать, как сегодня — упорно!..

15 июня, среда, +18, утром — дождь, вечером — хорошо и ясно. Утром встал в 6.00. Отправился за цветами Ире. Не сразу, конечно, за цветами. Ещё и погулял, дошёл до работы, оставил Ире поздравление на её компе. Пришёл домой в 7 утра, цветов не купил. Разошёлся дождина, который рано утром не обещал быть долгим. Но промок, однако. Потом ходил в 14 отделение, получить перевод. Но не удалось — толпа пенсионеров. Днём суета, мысли по поводу Фокиной, точнее, статьи. Ну... и книги тоже.

16 июня, четверг, +13, утром — дождь, пасмурно. Говорят, ночью было лунное затмение. Сообщили, что в это время увеличивается агрессивность мужчин, активность самоубийц... Всё возможно. Во мне никакой агрессивности ни вчера, ни сегодня не было. Как-то так, спокойствие. Хотя, кажется, трудно заснул... Сны тоже были, не запомнил. Активность народа вокруг меня упала до 0. Собственно, приливы-отливы, так и должно быть. Утром понял, что надо переработать Коротаева, расширить, углубить поэтику. Да если ещё Чухина, да если ещё Нину Груздеву — «рубцовский круг». Вот про Нинель Старичкову — стихи, это едва получится.

А мемуар её замечательный. Как же получилось, что женщины о Рубцове и написали лучшие воспоминания?... А он от них «убегал» в сущности. Загадка. Корякина-то тоже ведь многое вспомнила, другое дело — где правда?.. Надо работать...

Вечером — длинная прогулка, почти без мыслей. Ночью вставал посмотреть лунное затмение, но была низкая облачность, мелконький дождь. Так ничего и не увидел.

17 июня, пятница, +19, утром — дождь, вечером — прохладно. Зарядило однообразие в погоде: утром — дождь, к вечеру ясно. Это из дня в день. Ну, что? Давление низкое, полдня спал. Потом ходил на почту, опять очередь. Вечером — длинная прогулка. Опять без мыслей. Думал над Коротавым. Ищу ещё ходы, чтобы развить основное...

18 июня, суббота, +17, временами дожди. Утром проходил в поисках подарка. В три часа полудни пошли с Ваней к Ире на работу. Ну да, юбилей. Человек 50, все праздничные. Весело, хорошо. Ничего нового мы про Иру не узнали, но говорили довольно искренне. Это радует. Приехали домой около 10 вечера... Дима Ермаков прислал письмо по эл. почте.

19 июня, воскр. +24, без дождя. Утром — водка. В одиночку, к сожалению. В голове шумит, давление низкое. Глубокий дневной сон. Вечером — телевизор. Опять что-то про воровство. Некий Кузнецов украл 3 миллиарда, его показывают на экране, а следователи найти не могут... Тут же информация, что в Китае украли за 5 лет 123 миллиарда долл., наверное. Конечно, воруют везде, но как у нас и в Китае, вряд ли больше где-то ещё.

20 июня, понедельник, +24, временами — дожди. Встал в 4.30. Пошёл гулять. Люблю Вологду в это время: что-то вечное, спокойное. На мосту (наплавном) через реку — рыбаки. А вода-то мутная, с пятнами бензина. Что они там ловят? Потом — дома. Читал Гусева. Это ведь вулкан, который не сразу «освоишь».

21 июня, вторник, +23, утром солнце, к вечеру — облачно. Проснулся рано, 5.15. Телевизор. Разбился самолёт в Петрозаводске. Трагедии нынче привычны. 44 погибших, почему-то на взлёте. Ходил искать «Маяк». Нашёл. Опубликовал Дима Ермаков нарезку из статьи. Суховато получилось. Ну да, ладно. Счастья нет. Видел Мишу Скляра. Не так давно и вспоминал. Что-то вроде: был у меня один друг-еврей, и тот Миша Скляр... Боли под ребрами, и печень, наверное... Вечером, едва успел в филармонию, концерт Тани Орловой, Насти и Саши Хазова. Домой пришёл в первом часу ночи...

27 июня, понед. +33, без дождя. Утром встал в 5.30. Гулял. Вдоль реки парочки, видимо, всю ночь провели вместе. Возможно, выпускники техникумов прощаются. Но все с пивом... Сигареты. Утро совершенно шикарное, спокойное солнце, тихо-тихо. Даже слышу эту тишину.. Позволил Тихомирову, а он в Устье. Впрочем, кажется, он меня туда звал... Вечером — Гусев о Твардовском. И оказывается, что ещё «последнего слова» о Твардовском и не сказали. Впрочем, кому? Тот «Новый мир», этот

«Новый мир» — одна бодяга. «Идеологи» себе на уме. И тем, и этим уже не до Твардовского. Да и кому, кроме Смоленска, до него? Другие заботы, особенно, в «литературной Москве»... Вот только Гусев и держится.

29 июня, среда, +24, с утра — облачно, ветер северный, потом — солнце. Голова в общем-то пустая. Позвонил Тихомирову. Всё опять туманное, каких-то подвижек нет. Случайно услышал, что Медведев вручил Госпремии молодёжи. Среди них — воложанка. «За вклад в поэзию»! Это уже весело. Опять забыл имя... Да, Мария Маркова, 27 лет, студентка ВГПУ. Нашёл в инете. Ну да, «вклад». Но чёрт его знает: молодые стремятся на Запад, отсюда этот белый стих, ассоциативность и вся прочая атрибутика на заумь. Там это любят. А вообще-то что-то под и «Бродского», интонационная тягомотина. Правда, вероятно, и это нужно кому-то. Думаю, что «толкнули» Шайтанов или Кондакова, похоже, что так: опять в пику «Вологле». А может, уже и не в пику... Ещё надо почитать.

30 июня, четверг, +31, жарко. Думается тяжело. Читал стихи Марковой. Что-то в этом есть. Но поскольку не «моё», то надо привыкать и к этому. Кажется, Заболоцкий там гуляет. А я-то его плоховато знаю. Вечером письмо от Серёжи Сорокина (Вакомина) из Питера. Передаёт ещё привет... Вал. Ст. Старковой. Ну да, связи в стране оборваны напрочь. Какой там интернет! Впрочем, может, именно потому, что он не владеет компом (письмо на машинке), то поэтому так и получается. Писал ответ, ходил к Ире на работе распечатать. Но главное, конечно, прогулка. Очень много пьяных. А это рабочие дни!.. Президент разносил военных во Владивостоке, но кто его уже слушает, меньше года ему осталось. Да и зачем? Глупость, понятно, русская и вечная...

1 июля, пятница, +32, жарко. ...Сумятица ума. С утра продумывал планы на месяц. Всё равно толком не определился. Трудно понять и расчитать время своё. Перечитывал свою книгу о М.Н.Сопине. Понимаю, что толки вокруг неё в чём-то и справедливые. Но всё равно: важное и перспективное в ней есть. Впрочем, нужен «2-й том». Тогда многое встанет на свои места. Вечером — длинная прогулка на Соборную горку. Красота, конечно. Привычная.

2 июля, суббота, +33. От жары мозги в тумане. Слава Огрызко прислал запрос на эл.почте по вепсам. А что я о них знаю, кроме Анатолия Петухова?.. Оставим....

3 июля, воск., +32, без облачка. Ира с утра убирается по дому. Я хожу в магазины. Вечером — большая прогулка вдоль реки. Зюганов собирает «ополчение на олигархов». В общем-то, ожидаемо. Да кто их видел олигархов-то этих. Они в Англии? Или где? Долговязый Прохоров только и виден, но этому публичности захотелось, ни дать ни взять. Этот ещё «Ё-мобиль», «Правое дело»... Вечером смотрели с Ирой «Демидовых». А вот ведь где всё было: Демидов же организовывал переворот в пользу Елизаветы Петровны! Но ещё горестней судьба его: неужели нынешних не научит. А потом тема от Демидова: я ворую, чтобы другие не разговаривали. Так и думают все теперь у нас. Значит, новые круги, какие по счёту?...

4 июля, понед., +22, облачность. Целый день один. Спал долго, часов до 10. Снова перечитывал Андрея Грунтовского о Рубцове «Москве». Ну, в общем и целом, он прав. Точнее, его аргументы точны и анализ стихов не вызывает спора. Тут не поспоришь в плане того, что Грунтовский настаивает на своём серьёзно и со знанием темы. И выходит, что Рубцов — выше всех после Есенина в XX веке?... Выходит, что так! Как это сбивает мою версию о сентиментальности Рубцова.

5 июля, вторник, +24, гроза. Сидел над книгой В.Оботурова. Чего вдруг? Всё кажется, какой-то долг внутренний. Вечером большая прогулка до Кремлёвской площади. В деятельности — полный штиль.

6 июля, среда, +23, дожди временами. С утра пошёл в библиотеку, видел Романа. Переслали рукопись Орлова. Да, Орлов. Давно я его не читал, но оказалось, что поэт-то он замечательный, разнообразный всё-таки. Интонация очень доверительная. И всё без зауми поэтической. Где-то, видимо, влияние Твардовского. Но интеллигентней. Наверное, так. Написал три страницы, но «граф Тихомирский» отверг, а я обиделся что-то. Хотя давно привык не обижаться ни на кого. Мысли о смерти. Вечером, ближе к ночи — водка, будь она неладна.

7 июля, четверг, +28, с утра — пасмурно, к вечеру — ясно. Как-то всё буйно. Звонил Володе. Он бодр, судя по голосу, уже выкарабкался. Это хорошо. Тихомиров даёт срок до вторника по Орлову. Но сегодня читал Панкеева, и опять нет концепции. Поэт-фронтовик слишком узко. Надо бы — лирик! Что-то такое. Болит голова. Сосуды? Никак не удаётся сбить боль. Если только пивом...

8 июля, пятница, +27, временами — дождь. Бездельничал. Болела голова. Сосуды, наверное. Читал немного Иван Ильина об искусстве.

9 июля, суббота, +21, днём — сильный дождь. Думал над Орловым. Надо писать на чистовую. И всё... Утром — большая прогулка вдоль реки. Но потом дошёл и до Кремлёвской площади. Сидел на скамейке над рекой. Река «цветёт», совсем обмелела что ли? Странно, что раннее утро, а народа шатается порядочно. Вечером — пиво. Кого не встретишь, все в подпитии. Погода влияет, так сказала, наверное. День-то грустный был.

10 июля, воскр. +29, солнечно. Как-то не работалось. Мысли спутанные. Вечером по ТВ этот кошмар: теплоход на Волге, «Булгария»... Больше ста человек на дне. Когда пошли подробности, совсем ужасно стало: мимо проходили баржи, даже не остановились... В общем и целом, горе стране нашей. Так невольно и думаешь: какое у неё будущее?

11 июля, понед. +31, временами — отдельные облака. С утра сел за Орлова и написал страниц 7. Сквозная тема — образ «песни» в его творчестве. Это у него заметно. Ещё раз убеждаюсь, как «тесно» в Вологде. Мы за Яшиным и Рубцовым даже Орлова редко замечаем. А сильный и своеобразный поэт! В другой бы области «первым» был бы до нового геня. А у нас — много! Поэтому и тесно.

12 июля, вторник, +32, солнечно. С утра снова за Орловым. Получилось пол-листа (печатного). Но, конечно, только начало. Почти ничего

и не тронул по-настоящему. Только «Вологодчина» да любовная лирика. Переслал С.Т. и Володе. С обоими разговаривал по телефону.

13 июля, среда, +24, облачно. Депрессия какая-то. Ира болеет. Темп. до 38. Капризничает. Всё — бытовое: магазины, посуда, уход за Ирой. К вечеру разболелась голова...

14 июля, четверг, +28, временами короткие дожди. Утром съездил на работу распечатать статьи. У остановки троллейбуса «Электротовары» встретил А.Цыганова. Звонил Сергею со своей идеей новой книги. Но верстальщик у него в отпуске. Потом с Ирой вычитывали рукописи. Вечером телевизор, «Противостояние» Юлиана Семёнова. А как хорош Басилашвили! Впрочем, есть ведь что играть, а в кино это главное... Мысли о песне...

15 июля, пятница, +30, облачно, но без дождей. Днём чтение, вечером — в парке Ветеранов с Ирой и Сергеем. Да, Коля Илюшичев сообщил из Сокола, что наши (мою и Володи Кудрявцева) статьи о Саше Швецове опубликовали. Вот и хорошо. Кто ещё побеспокоится теперь об этом. Но на сайте «Сок. Правды» я что-то не нашёл. Вечером письмо-рецензия от Володи на предисловие к Орлову. В общем и целом я согласен, хотя как написать в сотый раз о том, что другие уже сказали.

16 июля, суббота, +33, короткие дожди. Звонил Сергею, но он занят на работе. Вечером — большая прогулка, но далеко не ходил, в основном сидел во дворе. Опять эта эпическая мысль: сколько в моей жизни было счастливых и хороших совпадений... Но сколько друзей-товарищей уже «там», что страшно представить. От этого и личное счастье как-то меркнет.

17 июля, воскресенье, +28, без дождей. С утра не обошлось без водки. Но потом правил Орлова, готовил рукопись книги. В общем и целом, тяжелоатом для «простого» читателя. Вечером ездил распечатывать к Ире на работу. Перед сном — «новости» эти разные: опять самолёт упал... Но это видно в России никогда не закончится. Да, неожиданно связался с Тотьмой, с Серёжей Булатовым, и так захотелось туда рвануть. И хорошо бы, а...

18 июля, понедельник, +31, жарко. День потратил на лечение, дисбактериоз. Собираюсь в Тотьму. Почти не читал, днём спал, давление, видимо, упало. Опять довёл себя до нерабочего состояния. А жаль, конечно.

19 июля, вторник, +29, без дождей. Итак, собрался в Тотьму. Уехал в 16.30, на Бабушкинском автобусе. Сначала было жарко, но потом всё-таки ветерок. Встретил Серёжа Булатов. Пили водку, 0,7 литра. Новости: Алик Горели «сидит», Колю Алыкова чуть не зарезала новая жена; Надя Фешина родила, Ритка работает в полиции сержантом...

20-21 июля. Тотьма. С утра — прогулка по Тотьме. Володя Замараев, «Тотемские вести», Валя Дуров, «Уездные новости», Павел Алексеевич, библиотека, музей. Долго сидел у Оли Новосёловой, многое вспомнили. У неё трое детей! Потом — Чуриловка, полтора часа в реке плескался, даже в баню не пошёл, хотя Серёжа звал... Потом — деревня Володи Замараева.

Утром — Лёша на Варницах. Потом опять деревня Володи. Водка и пиво. Жара. Вечером — Тотьма, у Серёжи Булатова.

22-23 июля, +30. Утром у Коли Алыкова. У него — Слава Коровин. Потом автобус. В Кадникове сгорел детдом. Пока стоит остов.

Сегодня звонил Володе (передавал привет от Юлии Павловны); Серёже «Тихмирскому». Вечером с Ирой ходили в парк, шашлычки взяли... Ночью спал плохо.

26 июля, вторник, +32, жарко. Утром встретил Виктора Плотникова. Он сказал, что 25-го *немножко* отметили юбилей Союза писателей. Но мне так и не дозвонились. Ладно. Начали ремонт на кухне, Ванечка вставлял новое окно. Ира целый день ездила с Машей по магазинам. Я выносил мусор: этакая тренировка раз 16 туда-сюда на 5 этаж. К вечеру Ира привезла чёрной смородины и крыжовника с дачи Максима (друга Маши). Долго не могли уснуть: жарко и душно...

27 июля, среда, +30, днём — короткий дождь. Неожиданно запылало давление, сначала — низкое, потом за 134. Бронхит жесточайший. Пытался помогать Ире по уборке кухни, но поднялась температура.

28 июля, четверг, +33, иногда — облачно. Настроение тяжёлое, ремонт этот... Что-то целый день делали, а сейчас и вспомнить не могу. Мусор, скобление стен, магазин. Какие-то верные мысли о Сопине. Но ничего не записал. Пропало в голове уже...

29 июля, пятница, +32, днём — небольшой дождь. Всё тоже и всё так же... Ремонт. Помогал Ире. Но читал... уже прогресс. Звонил Сергей, звал читать верстку Орлова. Но побаливало сердце, и я не рискнул. Тем более, водка, всего скорей. Не до этого сейчас. Похоже, и так за две недели сердчишко посадил. Ещё неизвестно, как аукнется...

30 июля, суббота, +24, пасмурно. Наконец жара закончилась. Уже и не обещают больше тепла... Два раза и купался-то. Впрочем, впервые как-то плохо жару и перенёс. И сердце пошаливает. Ира уехала на дачу к Наташе с ночёвкой. У неё тоже тот ещё отпуск. Так и не отдохнула. И какой уже год.

31 июля, воскр., +22, редкие дожди. Целый день в попытках обрести здоровье. Одиночество, но бесплодное. Ира приехала поздно, Ваня в Нюксенице. Телевизор. Опять утонул теплоход... на реке-Москве. Рок ужасный, как видно. Никто не звонил, все воды в рот набрали. Ну да ладно. Надо самому успокоиться. Завтра уже и август...

1 августа, понед., +22, пасмурно. ... Как-то так, всё без души. Володя предложил сделать предисловие к книге его переводов. Но пока нет текстов. Звонил Сергею, он делает родословную Орлова, но, похоже, текста нет. Значит, и вёрстка пока не готова. Ох, уж эта его манера тянуть до последнего. А сам? Вечером, правда, долго гулял, лёгкие побаливают. Не воспаление ли?

2 августа, вт., +16, пасмурно. Низкое давление. Долго спал сегодня. Ира ушла на работу. Телевизор. Фильм о Вавилоне. Жаль акцентирова-

но — Лысенко. Как многие украинцы, конечно, активный пройдоха. Ну, да и эпоха ещё та, правда. Чего там только не было! Но было и главное: запреты! Если нет сопротивления среды, но едва ли много путного сделаешь. Почти всё нынешнее искусство, не знающее препятствий — пошло и вторично. Да и искусство ли? Телевиденье, театр, литература... Всё одно к одному. Пошло и тускло...

3-5 августа, все дни — дожди, довольно прохладно. Ремонт этот. Всё шиворот-навыворот. В большой комнате присесть негде. Ничего не делаю. Письма от Володи и Татьяны Петр. Сопиной. Вот-вот выйдет «Избранное» М.Н. Готовили Колосов Алексей и Сальников Андрей. Но в целом — затишье. Ио уже есть настрой на работу. Всё-таки Сопина хочу сделать по-новому.

7 авг., воскресенье, +24, тепло. С утра — чтение, потом опять ремонт. Вечером дошёл до библиотеки, сидели с Тихомировым в кафе у филармонии. Трёп, одним словом. Завтра повезёт сдавать избранное Сергея Орлова в Ярославль. Позвал, но мне что-то не хочется. Предисловие сократил. Да ладно...

8 авг., понедельник, +22, без дождей. Целый день дома. Только к вечеру выбрался на прогулку. Звонил Сергей. Оказалось, что в Тотьму надо ехать 11-го в четверг. А я думал в пятницу. Вечером с Ирой ходили в парк Ветеранов. Что-то мы туда зачастили...

9 авг., вторник, +25. Целый день ноющие боли в груди. Ира говорит: зажимает нервы. Возможно. Маша улетела в Тунис. Где она уже была: Турция, Египет, Италия... Ну что ж, лишь бы полезно для здоровья. Климат-то совсем другой. Ваня в Ньюсенице.

10 авг., среда, +25, тепло. Читал материалы по Рубцову. Надо будет и оппонировать на конференции. Судя по составу, профи будет немного, больше любители-краеведы. Эта публика вокруг Рубцова ещё та... Впрочем, возможно и другое.

11 авг., четверг, +26, жарко. В 9.25 выехал в Тотьму. В автобусе было душно сначала, потом вполне терпимо. Приехал в 13-00. У музея ждал Сергея с делегацией. Да, эта переводчик из Румынии, директор Рубцовской библиотеки из Питера, Татьяна Алексеевна, её зам — Татьяна Петровна... В музее устроили презентацию книг. Тоже пришлось выступить со своими. После многие подходили: Славу Белкова тут знавали очень хорошо. Даже готовят какой-то мифический сборник воспоминаний. Вечером — ресторан «Сияние Севера». Юлия Павловна Ерыкалова организовала. Наталья Трофимова вспоминала, что я о ней писал ещё в году 1986-м, наверное. Возможно... Ночевали в «Кельях».

12 авг., пятница, +26. В 10-м часу выехали в Никольское. «Пленарка». Моё выступление, одни — эмоции, доклад не стал читать. Передо мной двое читали, чуть не умер от скуки. Но какие-то важные мысли высказал. Прежде всего, об уважении к памяти. Надо ещё глубже самое творчество, а не только биографию. Майя Андреевна Полётова. Книжка у нее хорошая, добрая. Но, говорят, тоже напридумывала местами. Возмож-

но, не стоит и вникать. Всё это уже далеко от того, что был сам Рубцов. Секция по краеведению. Больше оппонировал, ерунды всё-таки многовато несут. Потом — кладбище. Ну да, Антуфьев, Генриетта Михайловна...

Вечером — «пикник» на берегу Толшмы. Хорошо. Потом ещё останавливались и у Сухоны. В «Кельях» звали череповецких: Алексей Новиков, Сергей Дмитриев, Леонид Вересов... Но это уже тихо, без эмоций. Кто-то сказал, что разбился на машине Миша Суров. Вроде было сообщение по радио...

13 авг., суббота, +27. День города. Ходил на площадь. Видел Василия Николаевича Кузнецова. Потом — музей, коньяк у Юлии Павловны. Проводы гостей. Сергей уехал с ними. Вечером снова пошёл на площадь. Встретил Володю Замараева. Сидели за шашлыками и красным вином. Он говорил о моих книгах. Хорошо говорил. Поехали к Сергею Булатову, но Серёга уснул рано, с нами сидела Света. В 4 утра отвёз на такси Володю в Семёновскую, сам поехал в «Кельи». В общем и целом, хорошо, душевно... Но ведь это Тотёма! Только водки многовато... Но это как водится.

14 авг., воскр., временами облачность. В 10.00 выехал в Вологду. До Воробьева на такси. Потом — автобусом. В Воробьёве пил водку в кафе. Не дело, понятно. Дома Ира сказала, что Маня вылетает из Туниса...

16 авг., вторник, +24, без дождя. С утра привезли мебель на кухню. Долгая прогулка. День рождения Маши. Она прилетела из Туниса. Ира ходила по магазинам. Вечером приехала Маша с Максимом. Пили вино из Туниса. Довольно своеобразное, терпкое. Наверное, в основе — финики. Её рассказы о Тунисе, об их нравах. Познавательны.

17 авг., среда, +20., дожди. Володя прислал свою рукопись переводов. Начал читать. Работы много, но интересно. Вечером давление под 150. Для меня очень высокое.

19 авг., пятница, +19, днём — продолжительный дождь. Ну да, августа 19-е. Наверное, и не вспомнил бы. А 20 лет назад с утра собирался в Лычёво за семьёй. Но срочно вызвали на работу. Собрал тогда всех сотрудников, выписал по месячной премии, ожидая, что газету закроют немедленно... Но теперь? Вдруг оказалось, насколько всё было подготовлено беспомощно. Нынешние по «ящику» показывают трагедию этих еврейских мальчиков, которые закидывали БТРы бутылками с зажигательной смесью. А если бы боезапас взорвался в центре Москвы? У Кричевского на могиле — еврейская звезда. А, в целом, очевидно, что события забылись. 67 процентов (по опросам) даже не понимали о чём идёт речь. Роль этого Горбачёва... И весь характер тут: уехать из столицы в самый канун события. Но эти «ребята» из Кремля тоже хороши: не знаем, что делать, не знаем, что делать... Менять страну надо было, а что делать никто (и тем более Ельцин, клоун поганый на танке) не знал. Вот и получили... Собственно, немного России осталось. Китай в силе, а силу применять надо... Рано или поздно... Ладно, я не пророк.

20 авг., суббота, +22, временами — дождь. Какой-то упадок сил. Поздно вечером позвонил Дима Шеваров. Оказалось, он в Вологде. Договорились о встрече.

21 авг., воскр., +24, солнечно. В 9 утра пошёл на встречу с Димой. Долго бродили по родным улицам. Вспоминали многих. Потом он уехал по своим делам, а меня нашёл Сергей «Тихмирский». Опять гуляли. Пошли в библиотеку, взяли том Орлова. Ну, что — рад. Что-то ведь движается, мелкогато только напечатали. Сидели в «Лесной сказке». Серёга потом уехал в Белозерск, а моих сил на эту поездку уже бы не хватило. Слишком много Тотьма отняла. Ходил к Ире на работу распечатать рукопись Володи. Потом у мамы. Провожал Диму с Асей и её женихом на вокзале. Была Наталья Серова.

24 авг., среда, +23. С утра правил текст для буклета. Пусть будет. Если всё хорошо, то в сентябре выйдет. Звонил Володе, нужен фоторяд. Он выслал. Днём ходил к Сергею Тихомирову в библиотеку. «Вот и кончилось лето, мой друг...» А дни-то стоят прекрасные, днём даже жарко. Так хочется жить...

25 авг., четверг, +22. Ира пришла с работы приболевшей, насморк, озноб. Вечером позвонил из Москвы Дима Шеваров. Хорошо говорил о моих книгах, вспоминали Славу... Потом позвонил и Виктор Плотников. Выездной пленум и прочие дела.

27 авг., суббота, +20, светло. Утром открыл почту, а там письма от Димы Шеварова. Чудесные фотографии. Отражение церкви Димитрия Прилуцкого в большой луже. Потом я послал ему наброски повести о Славе. Он почти тут же прислал отклик. Я с ним согласен. Всё это надо делать на одном дыхании, свежо, просто...

28 авг, воскр., +23, утром — облачно, а потом распогодилось. Ира с Машей и Максимом собралась за грибами, встали рано. С балкона смотрели на небо. Казалось, что всё небо заносит. Но ничего... Северный ветер разогнал. Они уехали в 9 утра. Я взялся перечитывать тот номер «Согласия», где Димкин очерк о провинции. А там ещё Дм.Голубков (дневники), Ю. Казаков, Аннинский о Казакове, кусок книги о Чехове... Вот как надо делать номера журналов. Такие-то и остаются... И вдруг понял: какое великое чувство — сентиментальность. Это же память, связь с прошлым. Оно уже было, а значит, есть и теперь. Только эфемерно, только в нас. И нам бы всё это оставить, хотя бы в слове, пусть и искажённом, затёртом. Вот это важно. Утром посмотрел часть фильма Молчанова о Росточком-режиссёре. И у него та же мысль: делать нужно сейчас, в этой жизни, во славу её.

Эх, да, а где моя жизнь?..

А вечером Дима Шеваров прислал фото из своего детского альбома. Боже мой, как могут волновать фотографии из давнего времени.

29 авг., понед., +25, тепло. После вчерашнего бурно-эмоционального дня — сегодня затишье. Впрочем, с утра читал Сергея Орлова, размышлял о планах на сентябрь. Да, плановость — необходимое условие движения.

30 авг., вторник, +22, днём небольшой дождь. Просидел полдня в инете. Слушал 2-й концерт Рахманинова, смотрел фильм о Тотьме.

31 авг., среда. +21, дожди временами. Дети ушли на свадьбу к товарищу, я полдня читал «Согласие», потом новости. А потом ударился в

«МУР есть МУР», восемь серий подряд... Во, занятие. надо сказать. А потом сожалеть о потерянном времени? И кто виноват... Лето закончилось. Вечером звонил Володя. Я обещал на этой неделе предисловие. Ну, что? Вперед без сомнений и предвзятостей! А лето было приличным. Жаль, мало поездил. Да, ремонт этот... Впрочем, жалеть не о чем.

1 сентября, четверг, +22, с утра — туман, потом — солнце. ... С утра читал верстку Володи. Книга переводов. Местами сильно.

3 сентября, суббота, +15, днём — сильный дождь. Пришло извещение на бандероль от Димы Шеварова. Но поленился, не пошёл. Ира убиралась на кухне. Я смотрел телевизор. Легкая атлетика. Болт этот, но наши тоже в ударе. Особенно, холоки. Да, пройди-ка 50 км. Да по жаре, при 100 процентах влажности. В общем и целом — героизм высшей пробы.

5 сентября, понед., +13, без дождя. С утра пошёл за бандеролью. Да, книги Димы — роскошь... Никак не мог оторваться. Как много в нём доброты! И ума, конечно. Но душа — на первом месте. И память... Тут самое драгоценное и приходит. Написал ему весточку...

7 сент., среда, +12, дожди. Посидел над «Вологодскими элегиями». Что-то надо переделывать, а желания мало. Ближе к вечеру сообщили: разбился ярославский «Локомотив». Больше 40 погибших. Прямо на взлёте, чуть и высоту-то набрал, а зацепился за радиомачты. Оказывается, диспетчеры гнали на взлёт. Ждали, кажется, президента... Хорошая была команда, очень симпатичная по игре. Чем-то напоминала нынешнее московское «Динамо» по футболу.

12 сент., понед., +14, целый день изморозь, к вечеру — солнце в тучах. Пробовал работать. Читал Диму Шеварова. Как он умеет затянуть своим загадочным стилем. Вроде бы всё просто, но очень достоверно, будто бы репортажно, а по сути — проза! Тонкая, красивая. И душа, конечно...

13 сентября, втор., +12, временами — дождь. С утра вдруг перечитал свою книгу «За порогом века» и не мог оторваться. Конечно, местами слабо, разностильно, но есть и душа. Вечером — первое занятие в коллежде. Пришло человек 40. Понятно, что будут отсисываться. Но есть неплохие ребята. Вечером провожал Иру с работы. Дети укатили в Тотьму. Настроение бодрое, но боли в области сердца. Вечером позвонил Виктор Плотников с этим пленумом выездным. 16 — Вологда, 17 — Тотьма... Но в Тотьму едва ли поеду. Опять что-то многовато Тотьмы стало.

14 сент., среда, +15, утром — дождь. Вдруг упало давление, сонливость. Симптомы переутомления эмоционального. Мало чего хочется. Никто не звонил. Читал немного Белова. Станные сны. Будто бы собрание пис. организации, мы все по очереди держим маленького В.И. на руках. Да так оно и есть на самом деле...

15 сент., четверг, +13, без дождя. Утром — большая прогулка. Было тихо, свежо. Вечером — занятия. Долго сидел у Иры на работе. Мысли о книге критики — «Стихи и подстрочники» (условное название). Это можно интересно сделать о нашем поколении. Постоянные боли в области сердца. Уже настораживает...

16 сент., пяти., +12, туман, днём — небольшие дожди. К 11.00 пошёл в филармонию, на выездной пленум Союза писателей. Всех увидел. Но в целом и общем, полезного мало. Запомнился только Виктор Иванович Лихоносков. К 17.00 пошёл в библиотеку на литературный вечер. Началось вроде живое, потом пошла «вода», народ как-то заскучнел, вологжанам почти слова не дали. Потом — снова филармония, банкет этот. Пообщался с Генн. Тимоф. Хрипелем. Давно не видел. Из политики он уходит... Провожал на такси Олега Коротаева, сам «явился» домой где-то около 24-х.

17 сент., суббота, +15, временами — дожди. В Тотьму не поехал, уже не по силам было. Но неожиданно выяснилось, что едем за грибами в Лычёво. Вот это было счастье! Набродились по лесам и лугам. На обратном пути зашёл в Лычёво. Вся деревня заросла чертополохом. Дождик загнал под крышу. Постоял, повспоминал. Дубок наш поднялся, но болезненный какой-то. Грибов набрали на всех корзину, но хороших, крепких. Всё-таки Лычёво в нашей жизни было событием значительным и ярким. Да и Маша с Ирой других мест для грибной «охоты» не ищут, каждый год туда и ездят. И я вот сподобился в кои-то веки.

19 сент., понедел., +12, почти без дождя. Полдня спал. Дети приехали из Череповца. Немного пива. Потом читал Лихоносова «Русская скорбь». Ясность стиля его поражает. Он всегда умел как-то без надрыва, но очень прозрачно. Нет, хорошо!

20 сентября, втор., +13, мелкие дожди. День несуразный. Сходил на занятия. Ребята слушают плохо, исполняют ещё хуже. Не верят в себя. Читал Рубцова. Сидит занозой, что книга не двигается... Звонила Гали Швецова, пригласила в Сокол на вечер Саши. Надо бы, конечно, поехать, есть что сказать о нём...

21 сент., среда, временами дожди. Сыро, тускло. Погода вернула долги хорошему лету. Читал Владимира Цыбина, его заметки о поэзии. Да, он тоже употребляет слово «стиль», но размыто, без понимания сути.

22 сент., четверг, опять дожди, +12. Опять читал Рубцова. Как-то не видится стержня. Или их много. Всё время меня уводит в сторону, то судьба, то поэтика. А соединить не получается. А ещё и характер бы хотелось. Тут и вязну. Но были мысли хорошие по дороге на работу, не записал. Вечером — депрессивное состояние, сонливость. Давление низкое, боли в области живота.

23 сент., пятница, дожди, +15. По просьбе Иры ходил платить за квартиру. Читал Гусева, немного Цыбина. У него — интересное о памятнике Рубцова в Тотьме. У Клыкова он будто бы собирается в путь, полон сил, а Цыбин помнит его уже с опущенными плечами, очень уставшим. Возможно, возможно...

Вечером отправились в Сокол, на вечер Саши и Гали Швецовых. Костя Павлов, сильно выпивший, всё приставал: это мой первый редактор. Были: М.Карачёв, А.Цыганов, А.Ехалов, О.Ларионов. А хорошо, надо сказать, как-то без надрыва, в притушенных интонациях. Выступал. Ну, и водка эга потом. Домой приехал около 23. Ира ждала.

25 сент., воскр. +12, временами — дождь. Большая прогулка вдоль реки. Думал о планах на осень. Главное, планы-то есть. Пытался читать Замятина, критику. Мысли про книгу о В.И.Белове. А-то опять опоздаю к юбилею. Да и повесть о Славе надо заканчивать. Опять читал Диму Шеварова. Вот так и надо писать сейчас...

27 сент., втор., +12. Про дожди уже ничего писать, каждый день хоть помаленьку. Боли в животе, даже на занятия не пошёл. Отговорился. Читал вяло и немного. Мигрень. Написать что ль повестушку весёлую про *мученика Андриюшу*. А когда? Как-то всё и некогда.

28 сент., среда, +13, почти без дождя. Опять полдня сидел у компа, читал новости всякие. Дети вечером приехали. Вот и сентябрь к концу. А сделано слишком мало. Да и то, скорее, наметки на будущее. Это плохо. Ира пришла поздно. Работы много.

30 сент., пятн., +10, мелкий дождь. Ну да, сентябрь к концу. Радости было мало, погода почти не радовала. Но пленум этот, поездка в Сокол. *Как бы* и все радости. Впрочем, достаточно...

1 октября, суббота, +13, дожди. ... Сидел дома. Бронхит замучил. Настроение тоскливое, без радости. Должны были пойти на юбилей Виктора Кондрашова. Но какое там, оставалось чихать и кашлять. Боли в области желудка непонятные. Я не паникую, возможно, связано с физическими нагрузками.

2 октября, воскр., +7, без дождя и без солнца. Хочется безумствовать, что-то сделать радостное, весёлое. Сегодня полегчало, даже ходил на прогулку. Дошёл до Андрея Первозванного.

65 процентов населения за десять лет почувствовали ухудшение жизни. Это из опроса накануне выборов. Колбаса в магазинах есть, а счастья нет. Да если бы всё определялось колбасой... Связи все потеряны, только старым багажом и живём. Ладно, будь, что будет...

3 октября, понед., +8, мелкий дождь. Встал рано. Гулял. Ира ушла на работу. Тоже сел за комп. Начал перечитывать старые наброски. Давно пора что-то доделывать. Но времени не хватало, особенно, этим летом. «Вологодские элегии» давно просятся. Да, перечитывал Диму Шеварова. Вот молодец! Как его на всё хватало?

5 октября, среда, +14, сильный ветер. Давление упало, утром долго спал. Проснулся разбитый. Читал сборник критики. Любопытно у Шайтанова про «поэтическую критику». Особая эта сфера литкритики, это верно. Ростовцева как всё смешала. Тащит своих — Олега Чухно (кто теперь помнит?), Александра Кочеткова... Да сколько чудных поэтов было на Руси. Взять хотя бы Вологду! А что говорить обо всей России... А гения после Рубцова давно уже нет...

6 октября, четв., +13, к вечеру — солнце. С утра работал. Как-то рывками движется повесть. Не совсем осознаю, что из этого ещё можно сделать. Ну да ладно, главное, работается. Звонил Сергею Тихомирову. Работает над 7-м томом Белова — публицистика и письма. Это ладно, хотя интересно. Вечером — занятия. Устают детки за день. Но мне жалеть их

не приходится — им это нужно, а не мне. Вечером — читал всё подряд, что под руку попадалось.

7 окт., пятница, +12, почти тепло. С утра сидел и двигал повесть. Но опять «утонул» в композиции. Нет как-то очевидной соразмерности, основные события многословны, второстепенное раздувается в объёме. Это худо. Ходил встречать Иру с работы, решили отметить конец рабочей недели. Потом ещё и футбол смотрел, наши со словаками. Тягомоть. К ночи уже не читалось.

8 окт., субб., +15, без дождя. Встал рано, но делать ничего не хотелось. Ира ушла на работу. Попытался работать, но голова... Нет, в таком состоянии лучше не маяться. Вдруг взял Гранина, его публицистику, и зачитался как-то, будто вновь. Как писатель Гранин едва ли себя переживёт, а ведь 92(?), он с 1919 года, если не ошибаюсь, а вот эссеистика всего скорей останется. Есть любопытные места. Да и то на любителя. Зачем я столько времени трачу на пустяки?..

9 окт., воскр., +15, без дождя. Когда Ира дома, как-то не нахожу места, чтобы поработать. Неудобно что ли сидеть сиднем? Возможно. Читал мало, больше думал. Целый день резкий ветер, из дома выходить не хотелось, никуда не пошёл. Сидел в инете, читал Лит.Россию, Наш Современник.

Да, опять попалась Мария Маркова, её стихи. И опять какое-то двойственное чувство: где же я это уже читал? А главное — где судьба? Рафинировано всё, слишком гладко, навверное. Нет, надо бы её ещё почитать. Вопрос первый и главный: если это не подделка, тогда это прилично. Если же нет, овчинка выделки не стоит...

10 окт., понедельник. Утром — солнце, вечером — сильный дождь. Настроение было такое, что взялся читать Рубцова. Опять с прицелом на книгу. Повисла она у меня, точнее — провисла. Сбил меня Грунтовский. Он написал много верного. Но его база православного литературоведа позволяет из любого текста вычитывать народное православие. Но не оставляет ощущение, что и это не совсем так. Есть ещё что-то глубже.

12 окт., среда, +8, без дождя. Позвонил маме, поздравил с днём рождения Аллы. Сестры не было дома. Долго говорили. Потом вдруг задумался о том, что нужна «статейная» книга. И ту же набросал начало о вологжанях, рождённых в 1950-е годы. Вот есть повод поговорить об особенностях этого поколения.

13 окт., четверг, +5, дождь. Как-то всё так: без перемен. С утра звонил Володе, поздравлял с днём рождения. Немного поговорили. Писал статью, которая может вырасти в книгу. Вечером пошёл на занятия. Заходил в музей, видел Лену Саблину: её настроения ужасные, всё время думает о смерти. А какой возраст — 56, как я и выяснил тотчас же. Потом ещё писал.

14 окт., пятн. +4, без дождя. Встал рано. Но ничего не мог делать, давление низкое. Всё-таки читал Ивана Ильина, даже писал. Не вяжется концепция: надо поругать, а всё хочется выстроить на хорошем, добром.

16 окт., воскр., +1, снег с дождём. Да, целый день снег, но таял у земли. Ходил за пивом, ничего не писал. Сидел у компа и читал интернет. Ира дома, а дети ушли «гулять». Что такое они там делают, я не знаю, но пришли очень поздно, говорит, что смотрели кино. Без пива не обошлось. Грустно как-то, м.б., погода...

18 окт., вторник, +9, днём — солнце. Спутанное сознание. С трудом сел за статью о наших поэтах. Но потом пошёл платить за квартиру. Днём спал. К вечеру вдруг распогодилось. Солнце в глаза. Вечером долго шёл домой. Сухо. Отчего-то думал о Юрии Казакове. Скоро уже не будет художников природы, писателей чувства. Информация забивает мозги. Некогда подумать, что-то прочувствовать реально. Одна виртуальность...

19 окт., среда., +8, сухо. Утром спал долго. Сказалось напряжение последних дней. Потом — работал. Вязну в том, что Рубцов, понятно, «знамя» нашего поколения. Но быстро выясняется, что поэтических высот его достичь не удалось. И всего скорее, из-за ложных представлений именно о нём и его поэзии. Тут даже не подражание, а ложно взятый след. Но на этом фоне теряюсь и я.

20 окт., четв., +9, сухо. Встал рано, но боли в желудке сковали волю. День памяти Вал. Ст. Старковой. Да, уже год... Но самочувствие на нуле. Давление низкое, спал потом до 13.00. Читал, немного писал. Пошёл на занятия через силу воли. Вечером с Ирой помянули В.С. Что тут говорить?.. Ничего не возвращается, а столько упущено...

21 окт., пятн., +8, временами — дождь. Как-то так, с пятого на десятое. Вечером хотел пойти на представление первых 2-х томов Белова, но болели сосуды. Отлёживался. Звонил Сергей. Грустный что-то, безынициативный. Немного двинул статью, но куда выйду и сам пока не вижу.

23 окт., воскр., +4, без дождя, к вечеру — северный ветер. Спал долго. Ира ушла в магазины. Сел работать, но уже идёт не туда, как мне кажется. Вечером мог только читать. Но толком ничего не придумалось. Надо было пойти гулять, но разнылся корень зуба. Вечером обсуждали возможность книги о Вал. Ст. по поводу письма Володи. Ещё надо думать. К вечеру подсело зрение.

24 окт., понед., +2, без дождя. Полдня работал над книгой. Вроде бы выясняется мысль, что непонятность нашего поколения в том, что мы слишком близко стоим от Рубцова или Вас. Ив. Белова. О них-то ещё не «договорили», а мы тут тоже требуем внимания. И потом, слишком осязаемы или приближены оказались тот и другой. Это породило иллюзию возможности повторения их достижений. «Ложный след» или консервация традиции? Если точно ответу на этот вопрос, то скорее и будем всё нормально.

30 окт., воскр., +9, сухо. Большая прогулка. Мысли о книге. Письмо Володи несколько выбило, хотя я сам чувствую перекос в сторону Рубцова. Читал книги наших поэтов, обновлял впечатления. Конечно, надо написать почти обо всех...

31 окт., понед., +10, целый день дождь. Да, зарядил. Пора бы снегу, а дождь самый летний, продолжительный. Сидел над книгой, начал переделывать, но пошло плохо, всё-таки в голове концепция уже была...

1 ноября, вторн., +9, сухо. ... Сидел дома. Всё мурыжу текст, но уже без вдохновения. Хотел сегодня книгу закончить. Должен был поехать в Череповец на открытие Рубцовского музея. Но Маша не поехала, а без машины ездить по городу я уже не в силах. И правда, погода эта давит. Называется это — черностопа, кажется. Где-то в 22.30 позвонила Наташа из Питера: полчаса назад умер д. Гоша....

Звонил Диме, Алле... Она маме пока ничего не говорила. Вроде решать ехать, но завтра посмотрим по состоянию.

Да, что сказать? Не будь д.Гоши, не было бы этой «ленинградской» ветви нашей семьи. А так, конечно, это было счастье. Ещё с детства помнились его приезды в Вологду, всегда — ощущение большого человека, предельно умного. Ну, и Дибуну в детстве... И потом, моя учёба в Ленинграде. Снова его приезды в Вологду, наши долгие разговоры по телефону... Сколько всего мы переговорили!.. И всё кончилось...

2 ноября, среда, +7, тепло. Полдня ждали, что сообщат из Питера. Оказалось, на 5-е. Решили, что поедем 3-го вечером. Пытался работать, но плохо. Пошёл к маме. Посидели, вспоминали... Какие ещё тут слова нужны? Ира пришла поздно. Спал плохо.

3 нояб., четверг, +6, без дождя. Позвонил Наташе. Сообщил, когда приедем. Выехали в 21. 40, на поезде Иркутск-Питер. В вагоне жарко, до 24 градусов, уютно, чисто. В Череповце выходил на перрон, курил. Ночью подморозило. Мыслей мало, эмоций тоже.

4 нояб., пятница, +10, тепло. Приехали в 10.00, вокзал Ладоский, современный, но путанный какой-то, добирались до Старорусской на троллейбусе и пешком. Дома — Костя и Саша. Поехали на Староохтинское кладбище. У дома встретили Наташу, она поехала с нами. Ну да, могилы с урнами. Мария Александровна, тётя Таня, отец т.Тани, Володя... После обеда пошли с Ирой на Невский. Доехали до Фонтанки. Зашли в лавку писателей, особенного ничего. Дошли до Таврического сада, там посидели. Корпуса моего военного училища переделали в офисы. Весь район за Парадной улицей застроили по-современному. Ходили за цветами на Суворовский. До полчетвёртого ночи сидел с Костей, говорили о разном. Значит, политолог, аспирант. Ладно и это...

5 ноября, суббота, +8, чуть ветрено. В 10 выехали в морг, катафалк пришёл к дому... В крематории — очередь, ждали часа полтора-два. Поминки эти... Потом — дома. С Ирой прошлись по Смольнинскому району, хотели найти уютное кафе, но не нашли. Дома разговоры разные с Сашей и Аллой. В 19.20 пошли на Невский, провожал Костя. Вологодский поезд. Чисто, уютно.

7 нояб., понед., -8, днём — снежок. По привычке смотрел парад на Красной площади (да, пародия). Сердюков похож на борова. Маша уехала в Питер менять машину. Как она сможет по гололёду?.. Пытался работать, но плохо. Вечером — гулял. К вечеру -3, ветерок.

8 нояб., вторник, +3, днём — снег, к вечеру растаял. Легкая депрессия. Это понятно, последствия Питера. Пытался работать, но потом пролежал на диване у телевизора. Не могу набрать рабочую форму. Вечером — длинная прогулка. Никто не пишет...

11 нояб., пятн., +3, вечером — снег. Всё по-прежнему. Нет движения. Звонил Сергею, долго говорили о предстоящем вечере. Письмо от Наташи из Питера. Вечером — водка, футбол этот... Ладно.

12 нояб., суббота, +4, сухо. С утра сидел, немного писал. К 15.00. пошёл на вечер Сергея Тихомирова в «Дом Корбакова». Выступал. Банкет. Много слов, хотя и дела есть. Ладно, это не требует комментариев. Пришёл домой с пивом, Ира поругалась.

15 ноября, вт., +1, туман. С трудом выходил из депрессии. Заходил в музей Рубцова. Видел Лену Саблину. Юра Малозёмов в Череповец не ездил. Значит, книга о Славе Белкове не ушла туда. Вечером — занятия. Едва довёл до конца. Головные боли.

16 нояб., среда, -5, легкий снег. Утром — прогулка. Сел за книгу, стал сокращать, но, вроде, порчу. Уходит из неё *моё*, выстраданное. Вечером сидел над очерками о ребятах, но не идёт уже, настрой сбился. Все дома чихают и кашляют.

17 нояб., четв., +1, ночью и утром — мокрый снег. Встал рано, кашель, бронхи. Но гулять ходил. Сел опять за книгу, перечитывал Колё Фокина. Вечером пошёл на занятия. Едва справился, мучил бронхит. А надо было идти на вечер А.Грязева. Жаль не пошёл.

18 нояб., пятн., -5, сухо. Подморозило хорошо, скользко на улице. Никуда не ходил, лечил бронхит, стало лучше. Немного читал.

19 ноября, субб., +3, мокрый снег. Встал поздно, готовил завтрак. Телевизор. Что-то про Андрея Мягкова. Похоже, порядочный. Вечером пошёл к маме. Длинная прогулка. Кашель опять. Надо бросать курить табак, всё-таки. Писем нет.

21 ноября, понед., -7, солнце. Долго спал. Давление упало. Читал, писал о Лиде Тепловой. Но всё это мало.

22 нояб., втор., -8, солнце. Да, вроде зима, хотя завтра обещают оттепель. Читал, но мало. Пошёл на занятия. Кашель почти вылечил. Желудочное кровотечение. Заходил в обл. библиотеку. Сергей передал от Т.П.Сопиной книгу. Занятия. Вечером долго, около часа ждали с Ирой троллейбуса. Замерзли... На ночь читал книгу М.Н.Сопина. Да, поторопился я со своей, но и отказываться от неё нельзя: там есть важные тезисы, важные угадки о судьбе. Всё вспоминал, как мы отмечали у меня на квартире его 60-летие в 1991-м году: Мин. Ник., Леша Швецов, Света Савичева, моя сестра... Почему у меня? Татьяна Петровна была в отъезде, а Мих. Ник. деваться было некуда. Наварили мяса, пили водку... Мих. Ник. тогда сказал, что такого дня рождения у него никогда не было...

24 нояб., четв., -1, дождь. Опять теплеет, оттепель. Хотя и зимы ещё не было. Вечером — занятия. Ходят плохо. Приглашение из Москвы на

вечер писателя и *поэта* Дмитрия Шеварова от «Рос. газеты». Поеду ли? Пишет Вит. Серков.

28 нояб., понед., +6, временами — снег с дождём. Спал долго. Сидел в интернете. Новости всякие. Вечером читал Сопина. Как бы написать рецензию. Голова пустая. Вечером — телевизор. «Фурцева»...

5 декабря, понед., +5, временами дождь. Утром долго спал. Не работалось. Давление низкое. Пошёл на занятия. Вяло, малопродуктивно. Домой пришёл в 19.00. Приехали Маша с Максимом. Но я вялый, хотя и поговорил. Фильм о Трифонове. Да, уже почти забыт. А когда-то, да, в числе первых русских евреев. Ольга Трифонова называет роман «Время и место» гениальным. Ладно, ей простительно. Впрочем, сейчас так не пишут. Может, и зря.

6 декабря, вторник, +3, слякоть. Утром читал. Пошёл на занятия. Вечером — на представление книги Мих.Ник. Сопина. Выступал. Вёл Алексей Колосов. Видел Володю, М.Карачёва, В.Плотникова, Наталью Серову. Тяжело что-то... Плохая слышимость. Ценного мало. Андрей Сальников сказал, что статья идёт в третьем номере «Лада». Бог с ним. Потом — прогулка.

7 дек., среда, +1, днём — солнце. Весь день дома. Только читал. Мысли есть, но спутанные. Но настроение уже лучше.

8 декаб., четв., -4. С утра — дома. Потом — занятия. Вечером — водка. Какая-то депрессия.

11 декаб., воскр., 0, снег. Полный разлад в голове. Ира дома. Быт. Писал немного. А сидел за компом долго. Не складывается «сюжет» книги. Читал ребят опять.

12 декаб., понедельник, -2, снежок лёгкий. С утра работал, вечером — занятия. Писал вяло, но пошло вроде. Да, день памяти Славы.

Сегодня пять лет, как нет Славы Белкова. Нет сил поехать на кладбище. Успокаиваю себя тем, что есть память, есть его книги. Был он человеком сложным, невероятно требовательным к себе. (Поэтому и написал сравнительно немного.) Но умел дружить, умел быть снисходительным к слабостям других. Жизнь его была «тихой», почти незаметной для других. Но всегда было важно его присутствие в литературной жизни области.

Сижу опять над «нами». Теперь вот «мучаю» Сашу Пошехонова. Звонила Лена Саблина. Расстроенная. 20-го в Череповце хотят устроить вечер памяти Славы. Но как поедешь? Впрочем, будет видно...

13 декабря, вторн., -3, наледи на асфальте. Утром — писал, вечером ходил на работу. Голова тяжёлая. Кашель.

14 декаб., среда, -2, утром — снег. С утра — большая прогулка. Потом спал до 12.00. Вечером работал. Всё-таки закончил. Послал рукопись Володе... Ладно, утром надо будет перечитать. Вечером — давление, 130/95. Чем-то Ира лечила.

15 дек., четв., +4, дождь. Да, погодка ещё та. Как-то вспомнилось 15 декабря 2006 года, день похорон Славы. Да, почти такая же, только без

грозы и ливня. Занятия. Но днём писал. Многое переделываю. И понимаю, что оставляю за пределами рукописи ещё очень многое. Но объём уже не позволяет... Всё-таки отправил Володе. Вечером — водка...

16 дек., пятница, +3, изморозь. С утра работал, но больше правил. Володя обещал внести правку после вёрстки. Вечером пошёл на встречу с читателями. Было человек 20 писателей и три читателя. Слышно было плохо, говорили длинно, потом читали стихи. Олег Коротаев сказал, что летом умер Альберт Третьяков. Был он человеком умным, противоречивым, но слабым. Да, и водочка с молодых лет. И то сказать, до 70-ти всё-таки дотянул. Он последний видел Рубцова живым. Мне говорил, что есть у него воспоминания, которые надо опубликовать после смерти. Они, всего скорей, у Олега Коротаева. Но Олег такой разобранный, едва ли сохранил... Нет, Алик, это Алик... Теперь таких мало. Была в нём широта ума, да и сердца — тоже.

17 дек., суббота, +5, дождь. Ходил на прогулку, в парк Ветеранов. Там затеяли какую-то бревенчатую крепость. Или снежный городок? А смысл? Ладно... Читал, но мало.

18 дек., воскр., +4, снежок. Всё-таки эти погоды в декабре уменьшают настроение. Грязь, слякоть. Володя прислал вёрстку. Пусть и так будет. Всё-таки многое не дописал. А самое главное, нет даже предварительных выводов. Да и как тут быть? Все работают, публикуются. Есть надежда, что ещё что-то создадут. Но надо пошевелить общественное мнение: есть ведь и такие поэты, не только Рубцов и Яшин... Пока задача в этом, а дальше уже внимательней...

19 дек., понед., +3, снег. Правил вёрстку. Быт. Магазин, отделение Сбербанка. Потом пешком к Ире на работу. Но у неё сломался комп. Поэтому ничего не сделал, а надо было распечатку. Вечером с Ирой пришли домой. Ваня уехал в Вельск. Звонила Маша, вроде повеселее, простужаться ей никак нельзя. Впрочем, и нам тоже, бронхит уже года два, наверное, у меня. Но разве пойдёшь к врачу?..

20 дек., вторник, -4, снежок. Утром ходил в типографию. Сдал вёрстку. Потом читал Валерия Дементьева. Странно, что раньше мне это казалось так занудно, а теперь вроде и в жилу. Очень хорош Клюев, Леонид Мартынов... Яшина он не дотянул, наверное, не захотел из-за Зл.Конст. Может, что-то и другое.

Вечером — занятия. Веселились дети, наверное, напряжение перед сессией сказывается.

22 дек., четверг, -6, целый день — снег. Утром — читал, потом спал (давление низкое). Вечером — большая прогулка. Ноги промочил. Сидел на компе, перечитывал и удалял часть переписки. После лета — просто огромная... Так ничего и не поделал толком.

23 дек., пятн., -3, снежок. Сегодня оплатил издание. Значит, можно считать и это дело законченным. Можно подводить итоги года. А что? Две книги, большая публикация к юбилею союзписа, обещанная А.Сальниковым в 3-м номере «Лада» (и возможно, в «Нашем современни-

ке», хотя Сергей Куняев, видимо, поторопился сообщить мне о факте, не согласовав с отцом или ещё с кем-то, да и бог с ним), статья в Рубцовском сборнике в Тотьме по итогам конференции по Рубцову (Юлия Павловна звонила, просит эл. вариант), статья в сборнике Сергея Орлова, публикации в райгазетах... Да ещё личный дневник листов на 8 печатных. Выходит около 20 п.л. Около 20 выступлений на разных уровнях. Много ли мало, что там говорить...

Удовлетворение есть, хотя, конечно, можно было сделать больше. Всё-таки лето почти выпало (два месяца отпуска), другие житейские дела отвлекали от стола. Да, это жизнь, но я так и не научился по-настоящему ею управлять. Слишком разбрасываюсь. Вывод: год вполне успешный. А планов? Незаконченная книга о Рубцове по принципу «Виктор Коротаев», то есть для молодых читателей. Книга о Алек. Ал. Грязеве (это обязательно к его юбилею), то есть надо делать уже сегодня. Юбилей Белова (почти готова большая публикация о его рассказах), 60 лет Славы Белкова (что-то, наверное, удастся сделать), юбилей Димы Шеварова (50 лет 4 июня 2012)... Да ещё Шаламов. Да ещё Чулков... Из-за стола лучше не выходить...

2012 год

1 января, воскр., +2, снег. Новый год встречали с Ирой вдвоём. Ира выпила шампанского, я не стал ничего. Хватит уже. Телевизор, но немного. Ушёл к себе читать. Читал часов до 3-х ночи. Успел отправить письмо Виталию Серкову. Проснулся где-то во втором часу дня. Собрался гулять. Шёл снежок, такой замечательный, легкий. Дошёл до центра. Народ гуляет, много выпивших. Фейерверки поминутно. И хорошо. Вечером — чтение. Взялся, наконец-то, за В. Баракова. Но едва ли мне это бы помогло в моей книге. Хотя, быть может, что-то сделал и поубедительней.

2 янв., понед., +1, снега не было. С утра читал. Потом вышел в магазин. Опять читал. Написал Диме Шеварову. Он ответил. Больше писем не было.

3 янв., вторник, +2, снежок. День рождения Н.М.Рубцова. Утром дошёл до музея, но вопреки объявлению, было закрыто. Или я рановато пришёл. Сходил до работы. Пришёл, стал перечитывать В. Баракова. Нет, это мне было бы полезно учитывать при чтении поэтов нашего поколения. Я ведь *новопочвенники* придумал почти по шаблону. Собственно, это произошло из приверженности нашего поколения Рубцову... Вечером решили «посидеть», взяли почему-то виски... *Как бы* за Рубцова...

4–12 января. Ушла из жизни мама Иры... Как-то всегда это неожиданно. Ждали, где-то были готовы... Всё-таки, всё-таки больше 30 лет прожили рядом. Меня в эти дни выбило страшно по настрою. Девятый день был сегодня. Были за эти дни письма, но с этим потом разберусь.

13 янв., пятница, -1, снежок. Собрался было на работу, но инфекция эта... Срочно взялся за лекарства. И вроде получилось. Собственно, каж-

дую зиму бывает что-то подобное. Да, нятница. 13. Но ничего не случилось, сидел дома у телевизора. Точнее, пролежал.

14 янв., субб., -2, без снега. Встретили Старый Новый год у телевизора. Да и сидели недолго. Никто даже не звонил. Впрочем, какие тут праздники. Сегодня проявил активность, многим написал. Как-то активно получилось. Вечером сел смотреть поютубу концерт Пахмутовой за 1971 год (3 часа). Да, это слёзы... Ничего этого не вернуть уже, но как, *оказывается*, было человечно всё. Если бы это показывали нынешней молодежи, она бы, вероятно, увидела разницу. Ну, самые умные хотя бы. Но мозги, скорее всего, уже набекрень, мышление-то «клиповое». Где-то уже и цифры называют, что России 20 лет осталось... Да, пророк... Нет, это упадничествово... Надо работать!

15 янв., воскр., +1, снег. Всё-таки остаточные явления депрессии. И хотя мысли были, но не было сил сесть за компьютер. Потом — большая прогулка. Вечером слушали с Ирой «Песняров» на «ютубе». Боже мой, неужели всё это было? И — с нами...

16 янв., понед., -2, снежок. Целый день сидел у компьютера. Вдруг многие написали, молчит только Володя. И дома — автоответчик. Наверное, куда-то уехал, а сообщить не успел. Мысли вокруг новой книги. Только надо решить, что главнее сейчас. Боли внизу живота. Вечером — занятия. Приехал домой в 23.00. Читал «Войну и мир». Увлекательно, однако.

17 янв., вторник, -4, без снега. С утра сел за работу. Читал Серёжу Чухина. Перечитывал Елесина о нём. Да, это хочу сделать. Вечером — занятия. Вернулись с Ирой домой в 21.00. Читал «Войну и мир».

18 янв., среда, -4. Весь день дома. Читал-перечитывал Чухина. Ещё не ясна мысль общая: кто он? Что сделал? А без этого вперёд не двинешься. Послал кинофильм об Астафьеве Виталию Серкову и Диме Шеварову. Была по этому поводу переписка. Вечером читал «Войну и мир», 3 том. Наверное, готовлюсь к 200-летию Бородинской битвы. Тогда и Тарле надо перечитать...

19 янв., четверг, -9. По ТВ показывают, как народ в иордани лезет. Бр-р! Крещение. День памяти Рубцова. Вечером читал стихи Рубцова. Может быть, я уже *перечитал* его, глаз замылился. Или вижу как-то односторонне, всё понимая в глубину. Правда, и других прочитано много о Рубцове. И много дельного, основательного. Как тут найти *свое*? Вот основная мысль.

20 янв., пятн., -8, ясно. Вроде бы пришли холода. Но вдруг депрессия. И не могу сломать своё состояние. Писал вчера план работы. Столько можно сделать. И всё реально. А я читаю «Войну и мир»... И оторваться не могу.

24 янв., вт., -17, солнце. С утра — дома. Читал Чухина. Но писать ещё вроде не готов. Занятия эти. Вяло. Вечером читал.

26 янв., четв., -18. С утра — работал. Днём — занятия. Вечером пришли с Ирой с работы. Не спалось.

27 янв., пятн. — 17, солнце. Целый день читал. Томило одиночество. Ждал Иру.

28 янв., субб., — 16. С утра — читал. Приходили Маша и Максим. Вечером — телевизор. Без особых событий.

29 янв., воск., — 21, ясно. С утра читал Сергея Чухина. Есть странные мысли, что его принимают не за того, кем он был на самом деле. У него традиция-то блоковская. Но это ещё надо смотреть. Вечером — телев. Куда от него денешься?..

30 янв., понед., — 24. Да, холода. Но что делать — север! Будь бы я здоровее, надо бы гулять, дышать кислородом. Но — кашель, насморк. Читал Белинского, статьи о Пушкине. Что я там ищу?

31 янв, вт., — 22, ясно. Целый день дома. Лечусь. Телев., но немного. Читал «Наш совр.» по инету. Всё крепко, но взлётов нет каких-то. Ожидаемость, предсказуемость. Стихи Маринки Струковой. Да, одна из всех нас и устоялась в столице. Молодец. Да и характер крепкий.

1 февр., ср., — 25, ясно. Да, февраль. Стоят солнечные дни. И настроение как-то сразу повернуло на весну. Но ещё недели две обещают холода. Моя зависимость от погоды уже пугает. Все настроения к ней теперь привязаны. Ладно.

2 февр., четв., — 21. С утра читал, но вяловато. Сергей был слишком ровен, без полёта к вершинам. Такова и его поэзия. Дело не в Рубцове. Он его, понятно, имел в своих поэтических влияниях. Но ведь и Фет, и Блок... Всё равно он сложнее, чем кажется...

3 февр., пятница. — 17. С утра читал. Совсем нет внешних впечатлений. Телев. смотрю, но вяло, без интереса. Давление, похоже, упало. Сонливость. Приходил Ваня. Вечером Ира ушла в гости. Сидел один. Попытался планировать, а надо работать...

4 февр., субб., — 13, снежок. Холода вроде пошли на убыль. Долго спал, встал разбитый. Опять запоздалые размышления о том, что мало сделал в то время, когда было много сил. Но это понятно сейчас, когда много времени на литературу. А раньше-то ведь его особо и не было.

5 февр., воскр., — 11. Наконец-то выбрался на улицу, погулял довольно прилично. Ира дома. Не работалось. Телевизор этот. Народ заводят на выборы. В Москве какие-то митинги. Дались им эти честные выборы. Честные выборы возможны только на этапе агитации. Но Путин, похоже, попадает в положение Горбачёва: надо что-то *менять*, а куда менять, он себе сказать боится. «Шведская модель», о которой так долго говорили когда-то, это единственный вариант для России. Не самоуправство на местах, а самоуправление. Но тогда надо национализировать *недра*. Вот ключ к решению всех проблем. Но Путин понимает, что стоит только заикнуться... Налог на роскошь и то пугает. Осторожно, только через год будут выносить в парламент. И так во всём. И врут, страшно врут обо всём. Тупик умственный для элит? Похоже...

6 февр., понед., -15, ясно. Погоды стоят прекрасные. Жаль, что холодно. Утром читал. Есть какие-то мысли по книге, но больно сложные. Наверное, надо проще и чувственней. С утра звонил Володя. Поговорили долго. Оказывается, у него телефон не работал. Внучка что-то там накурочила. А я вот, как водится за мной, начинаю накручивать... Всякое. Вечером — прогулка. Но быстро замёрз. Телев. на ночь. Дебаты какие-то! Господи, как убоги твои кандидаты в президенты, Россия!..

7 февр., вт., -14. С утра читал. Не пишется... Вечером — занятия. Ходят плохо, многие болеют. Хлюпики мои дорогие. Даже спорт не может вылечить. Хотя у них повышенная контактность, м.б., в этом причина... Вечером — «Жуков». Да, упростили великого маршала до невозможности. Или — опошили? Вранья, наверное, много. Есть канва отношений с женщинами. Но какие-то они взбалмошные.

8 февр., среда, -16. Чтение — это хорошо. Но никак не могу выбраться из обломков мыслей. А они накапливаются, но картины целой не дают. Серёжа — хороший поэт, но вот в чём своеобразие? Тут-то пока и тупик...

9 февр., четв., -14, днём солнце, вечером — резкий ветер. Целый день дома. Неожиданно из-за холодов отменили занятия. Но я читал. Да, скачал с инета балет Валерия Гаврилина «Анюта». Боже мой, не мог оторваться. Максимова — чудо! А «основная тема» «Анюты» — это вершины музыки... Наслаждение необыкновенное. Вечером — «Жуков». Всё, как водится, скомкали, всё для женских слёз. Да и надо было это показывать? Не смерть красит человека, а его жизнь. А тут всё выставили напоказ. Всех жалко, кто ушёл, но Жуков — это гигант, а не размазня после инсульта.

10 февр., пятн., -17, солнце. Хотелось поехать в Череповец, но слишком холодно для меня. Там выпустили сборник исследований по Рубцову. Звал Алексей Новиков. И я вроде обещал. Но это выше моих сил. Слушал 6 симфонию Чайковского. Да, мощь!.. Вечером — отдых. Навалилась предвесенняя депрессия.

11 февр., субб., -16, солнце. Надо писать, а сил нет. Целый день лежал больной. Читал немного. В основном, телевизор. Да и то, ничего для души. У Иры на работе была встреча выпускников разных лет. А я не пошёл. Маловато надежды, что кого-то увижу, и даже — узнаю. Володя прислал вёрстку книги переводов. Читал с интересом. Ещё бы понял, где переводчик, а где автор?.. Но очень цельно получилось.

12 февр., воскр., -21. Утром Ира с Галей уехали на кладбище. Сороковины Ириной мамы. Я готовил обед, резал салаты. Собрались около часа дня. Мы впервые принимали столько народа за последние лет десять, наверное. Но по болезни своей просидел немного, ушёл лежать. Усталость. Вечером — инет, переписка.

13 февр., понед., -14. Проснулся с желанием поработать. И даже сел за комп. Но пошло вяло, скучно. Опять читал Кожина, статьи о литературе. Мне бы тоже пора книгу сделать критическую о вологжанях.

14 февр., втор., -13. Ира пристаёт со статьёй об училище. Но нахлынули какие-то воспоминания, которые оформить без настроения трудно.

Вечером — турнир по волейболу. Играли времена неплохо. Но мне всё не хватает слаженности в команде. Ещё никак не удаётся соединить их в одно целое. Да и уровень техники разный...

15 февр., среда, —12. Вроде идёт к потеплению. Холода вымотали уже. Без прогулок не хватает движения. И организм застывает. Опять боли слева. Да и сердечко покалывает. Наверное, перепил кофе. Бывают какие-то периоды кофемании. Потом вдруг проходит. Не жалею себя, однако. Вечером дочитывал книгу Володи. Надо отнести корректору.

16 февр., четверг, —5. Вчера пошёл на прогулку. И впервые гулял по реке. Дошёл до союзписа. Видел у Цыганова сигнал «Вологодского Лада» со своей статьёй. Набрали мелко, читается плохо. Звонил Сергею Тихомирову. Новостей нет. Ну и хорошо.

17 февр., пятн., —7, ясно. С утра читал, потом пошёл гулять. Пришла газета с заметкой о Володе Димы Шеварова. Отнёс рукопись переводов Володи корректору, заходил в библиотеку. Сидели с Робертом и Сергеем. Я был вяловат. Потом дома писал статью об истории училища. Ладно...

18 февр., субб., —10, ветерок. С утра пошёл на прогулку. Увидел в киоске «Вологодский ЛАД». Радость, но тихая. Ира была на работе. Читал Лад. А много интересного, между прочим. Личутин, например. Письмо от Володи.

19 февр., воскр. —8. Почти весь день дома. Днём прогулка. Читал Лад.

20 февр., понед., —5. С утра позвонил в типографию, сказали, что книга готова. Большая переписка. Звонил Володе. Бодрый, весёлый. Ездили с Максимом за тиражом. В общем и целом, доволен. Обложка получилась. Ира ушла на больничный. Работал...

21 февр., втор., —4. С утра писал. Потом пошёл на занятия. Да, совсем всё рассыпалось. Заходил в союз. Долго сидели с Сашей и Витей. Вечером — читал.

22 февр., среда, —2. Опять писал. С утра поехал в союз, чтобы отдать Саше статью для «Лада». Пусть будет. Печататься надо. Потом дома, работал. Ира дома.

23 февр., четв., —4, снежок. День этот... Отечества нет, но защита есть. Что-то делал, но даже не помню и что. Написал письма, но никто, кроме Вити Серкова, Лёни Вересова и не ответил. Даже Димка... Вечером — читал...

25 февр., субб., —1, снег. Писал для Тотьмы «Образ Рубцова...». Ещё много надо. Вечером перечитал Кожина исвою книгу о Володе. Да, скомкал я её. Середина вся в композиции просела. Слов вроде много, но все не к месту.

26 февр., воскр., —3. Погода чудная. Возвращаясь домой, зашёл в парк Ветеранов. Да, эта Масленица. Лошадки прекрасные. Народ пьёт и ест, а что ему остаётся? Вечером работал. И довольно много. Ира ушла на юбилей. Даже телевизор не включал. Да и бог с ним...

28 февр., вт., -5. Погоды стоят хорошие, почти без ветра. Сегодня много гулял. Сходил на почту, отправил бандероль Виталию Серкову. Прошёл-ся в парке Ветеранов. Ира с работы пришла рано. Вечером — читал.

29 февр. -9. В травматологии заковали правую руку в гипс. Растяжка сухожилий. Все дни не то что безделье, но активность не велика. Погоды налаживались, часто солнце. Много было переписки разной. Но сам-то ждал у моря погоды...

10 марта, воскр., утром -11, днём — 0. Ира утром уехала на кладбище, я читал. Потом биатлон этот... Тот ещё. Вечером Ира сняла гипс. Оказалось, рука ещё в опухоли. Но пальцы вроде зашевелились. Что-то с глазами. Нет привычной четкости. Да, весна! Новостей особых нет.

11 марта, понед., утром -9, днём +1. С утра сел за компьютер. Давит душу, что не сделал работу. Эти две недели и вылетели. Пытался работать. Письма от Володи.

12 марта, вт., +3, снег. За ночь навалило снега! Последние всплески зимы. Весна, похоже, будет долгой. С утра — в поликлинике. Очередюга, нервы мои. Выступал в 9 школе, слушали вполуха. Но как всё убого организованно. Детишкам кино показали о Яшине, мне дали 10 минут. Это — о Яшине! Ладно... Вечером — занятия. Совсем группа разобранная... Вечером — дома. Письма от В.Серкова.

21 марта, среда, -2, снежок. Доделывали вёрстку. Работаем со Славой-верстальщиком только по «электронке», у него на работе появляться нельзя, начальство следит. Но он делает внимательно. Обложку уже сделал. Виноват я, плохо вычитал свою рукопись. А так бы сделали быстро.

22 марта, четв., -4, солнце. Что я совсем запустил дневник. Возился эти дни с книгой, доволен лишь отчасти. Но сегодня запустил в типографию, наверное, сделают быстро. Вечером на занятия, ходят плохо. Заходил в союз, видел Сашу, Витю... Говорили мало, они спешили домой.

23 марта, пятн., -3. Пошёл в типографию платить по счёту. Потом — чтение.

24 марта, субб., -2, солнце. Пошёл на похороны Н.Н.Беловой, директора областной библиотеки. Видел Володю, Мишу Карачёва. Олега Коротаяева... После со Славой Кокориным зашли в закусочную. Поминки. Домой пришёл поздно.

25 марта, воскр., -3. Большая прогулка. Чтение. Ира дома. Вечером — телев., футбол этот. День пропал.

26 марта, понед., 0, солнце. Долго гулял по парку Ветеранов, ходил платить за квартиру. Ира пришла поздно. Разговор о болезнях. Вечером — читал.

27 марта, втор., +2, солнце. Весна как-то не начнётся. Днём тепло, но ночами до -10. Такое бывает. С утра читал, телев., вечером — занятия. Ира ходит по врачам. Уныние посещает.

30 апр., понед. +8, северный ветер. С утра стали поздравлять, но всё по инету. Теперь по телефону, наверное, не принято. Звонил маме. Потом

собрались с Ирой в Парк ветеранов, приехали Ваня с Леной. И так хорошо на свежем воздухе. Опять ныло в груди... Спал плохо.

1 мая, вт., +14. Ходил с утра на прогулку. Потом у мамы. Сидели долго, пил водку, к сожалению. Как-то стал я выбиваться быстро из привычного ритма. Всё-таки надо набраться сил, ещё в этом году работы много. Или весна такая, что радости нет. Да и глаза болели недели две.

2 мая, среда, +12. Целый день дома, читал, но мало.

3 мая, четв., +5. Целый день дома, читал Грязева...

4 мая, пятн., +8. Всё ещё холодно, особенно, ночами. Встал рано, но только читал. А уже надо писать...

28 мая, понед., +23. Опять новую жизнь с понедельника. Наверное, отдохнул от работы литературной. Что-то стало появляться. Володе в среду сделали операцию, ещё не узнавал. Какие-то боли в области сердца, но ведь до врача лень дойти, а кардиограмму сделать надо. Вечером — большая прогулка. Как хороша Вологда в такие вот спокойные дни! И надо бы всё-таки написать об этой любви книжку...

29 мая, вт., +21. Две недели выпали из жизни. И сам не пойму: почему не работается? Только читал. Размышления хороши, если есть результат. Но нет какой-то новой темы, нет запала. Ира была четыре дня в Екатеринбурге (два дня — дорога). Сегодня приедет. Но как-то и одиночество не радовало.

10 июня, воскр., +23, солнце. Опять какая-то сильная вялость сломала эти дни, ничего не хотелось, боли в области сердца, особенно, при курении табака. Генезис таких явлений может крыться в душевном состоянии. Всё больше тянет в истинное одиночество, вообще без внешнего участия. Перечитывал (местами) «Братьев Карамазовых». Вызывает такое чтение отчётливую тревогу, что не получилось найти истину земного бытования. Не для всех, а *твоего* только. (Вот и стиль уже угадывается Фёдора Михайловича. Как это втягивает, однако, в сознание.) Потому и начинаешь думать отрывками усложнённых метафор. Но наступает болезнь какая-либо и всё сводится лишь к одному: жить хочется ещё, чтобы не радоваться, нет, это не самое главное, а успеть сделать важное, тебе предназначенное. Вот и начинаешь обдумывать это, так уже и на жизнь смотришь, и на литературу. А ответа нет. Мне казалось важным всегда определить себя внутри общества, понять его состояние в данный момент. Но уловив это состояние, тот же час понимаешь, что едва ли это самое определяющее, самое важное. Сиюминутное опасно тем, что сразу ломает основательность высшего смысла. И сразу неверие в высшие силы... Вот и весь сказ.

11 июня, понед., +25, к вечеру — дождик. Спал так долго, как никогда. Пошли с Ирой по магазинам, купили Ванечке подарок, потом пошли к Маше с Максимом, долго не сидели, было душно. Вечером читал Вл.Ив. Гусева. И всё думал, что надо вот так же писать и дневник как письма самому себе. Тогда событийность приобретёт объём. Ведь сколько пропадает втуне. Даже не для меня, а для потомков.

12 июня, вт., +27, к вечеру — гроза. Ну да, праздник этот. Никак не могу к нему привыкнуть, и если бы не день рождения Вани, едва ли бы и вспомнил. Но состояние было, как перед... грозой, душно, тревожно. Приезжал Ваня, Ира подарила ему рюкзак, шорты и майку, сразу помолодел. Правда, он и так относительно молод. Краем глаза посмотрел вручение госпремии. Да, в «области литературы» опять... никого. В «номинации» этой почему-то оказался Белза. Что он там такое для литературы мог сделать? И который год уже не вручают, если там не считать Ахмадуллину и Вознесенского (да, кажется, Рейна), да и то это уже давно было. Бог с ней премией, но разве нет никого достойного? Вопрос не к Путину, вопрос к литературе... Может, и правда, уже и нет! А как же та «плеяда» пелёвинская? Давали бы им, может, кто бы стал просто читать для начала. Но — никого! Вот и весь сказ.

4 июля, ср., +25, облачность, северный ветер. Да, вчера Машенька родила. Ира ещё с утра ушла в роддом, но дочь родила только в десятом вечера. Я целый день промаялся дома, не отходя от телефона. По инету переписывался с Ирой из Калининграда, у неё было больше эмоций. Да она и понимает в этом больше. Ира приехала домой в первом часу. Привёз Максим. «Отметили» чаем на кухне, водки не закупили. Да и бог с ней, впрочем. Переживания пока смутные. Да надо ещё дитя и увидеть. Пытаюсь работать. Но настроение пока не сильно рабочее.

8 авг., ср., +23, переменная облачность. С утра Дима Шеваров прислал письмо. День рождения Юрия Казакова. Хотел поработать, но отключили свет. Приходится на батарее, хотя осталось немного. Новостей нет.

29 сент., субб., +12, временами — дождь. Вчера позвонил Виктор Плотников: надо 29-го пойти от Союза писателей на открытие памятника на могиле отца Рубцова. Пошёл пешком через центр, хотя накрапывал дождь. У входа на Горбачёвское ждал Юра Малозёмов. И больше никого? Оказалось, что я чуток припозднился. Юра повёл куда-то мимо Лазаревского храма. Ба! Могила М. А. Рубцова оказалась совсем рядом с могилой Вали Уткина... А я ведь ещё в самом начале 1980-х, бродя между могилами в этом углу кладбища, видел тут полусгнивший столбик с ржавой табличкой «Рубцов Михаил». Дат, правда, вроде уже не было. И ведь не придал значения. А мне и Слава Белков не раз говорил когда-то, что он с Ю. Малозёмовым ищут могилу отца Н.М. и не могут найти. Вроде бы ближе к храму искали и даже нашли каких-то М.Рубцовых...

Всё прошло хорошо, душевно, по-человечески. Череповецкие из клуба «Госпожа Провинция» (кажется, так?) даже исполнили что-то православное... Водочки выпили, повыступали... Потом Лёня Вересов и Юра звали продолжить, но мне нужно было двигаться к дому. Я не знаю, что за человек был отец Рубцова, но негоже нам и о нём забывать: без него бы и Н. М. не было...

4 нояб., +4, дождь. Вчера созвонились с Сергеем Булатовым. Оказалось, что 19 октября умерла Оля Новосёлова... Боже мой, зачем уходят такие молодые? Тут вспомнил её прощальный взмах рукой. Где-то в сен-

тябре прошлого года шёл на вокзал, на перекрёстке останавливается автобус «Вологда-Тотьма» Кто-то машет мне рукой. Смотрю: Оля Новосёлова! И пока автобус полминуты стоял, она всё махала... Я тоже ей помахал рукой, думая, что ещё увижу много-много раз. Оказывается, рак у неё был давно. Когда я в прошлом году был у неё в гостях, она уже знала... Даже словом не обмолвилась... А Серёжа 19-го до меня дозвониться не мог, я как раз заблокировал второй номер, а этот новый он не знал. Сказал, что наши все собирались, только меня и не хватало. Горе...

30 декабря, воскр., -3, слякоть. Ну да, день предпоследний. С утра пошёл и купил принтер (давно мечтал). Днём ушёл на работу, а Ира затеяла перестановку. В целом, стало лучше. Вроде удобней работать. Письмо от Володи — поэтическое! Но с ноткой грустинки. Всё-таки, видимо, болезнь прогрессирует... Ну, итоги — завтра. Впрочем, что говорить?

Давно мы столько не теряли, хотя в последние годы много и часто, но в этом выше «нормы». Надо работать, надо жить.

ДОЖИТЬ БЫ ДО ЛУЧШИХ ВРЕМЁН...

*Ответы на анкету издательства «Российский писатель»
о проблемах текущей литературы*

Памяти

*Василия Александровича Оботурова,
Юрия Николаевича Мацнева*

Андрей СМОЛИН, литературный критик (Вологда)

1. Какие темы и коллизии наиболее важны для нашей прозы и поэзии сегодня, в середине 2014 года?

Ну, вопрос, мягко говоря, задан лукаво. Что значит «в середине 2014 года»? А почему не в начале 2014 года или к концу 2014 года? А тема-то одна — Украина! Если мы не сможем или не захотим осмыслить уроки украинского «бунта», то можно не сомневаться, что очень скоро и Россию ждёт что-то подобное. Можно спрятать голову в песок и сказать себе: нас это не касается. Ещё как касается! Нам на практике показали, как можно природное национальное чувство, присущее любому патриоту своей страны, преобразовать в нетерпимость и злобу. Это не происходило в одночасье. Потребовались годы целенаправленного труда, чтобы из истинных украинцев, в сущности, добрых и покладистых людей, создать передовой отряд нацизма. Тут были все средства хороши, прежде всего — идеологические. Что проще: а давайте перекроим историю, литературу, философию, этику поведения. И получим от всего тот «суржик»-суррогат истории, философии, литературы, которым забьём головы людям. И ведь повелись на это украинцы! (При этом большинство из них знает русский язык!) Да, где границы национального самосознания и интернационального миропонимания? Мы сегодня (сейчас!) сможем ответить на этот вопрос? А ответ хотелось бы получить именно сегодня, чтобы завтра понять: как жить дальше... Конечно, читатели «РП» знают ответ на этот вопрос. А вот наши сограждане знают? Есть сомнения на этот счёт, и пребольшие!

2. Какие проблемы занимают сердце современника, который понимает себя русским человеком?

Проблема-то одна: как понимать сегодня себя русским человеком? Тысячелетия русский человек был крестьянином. Но сегодня крестьян осталось 10 процентов от населения страны. Насильно согнанные в города, мы оторвались от земли, от природы. Есть, правда, скрепа, которая делает нас русскими — это наш великий русский язык. Но, положая руку

на сердце, сможем ли мы сказать, что русский язык нынче используется в том размахе и объёме, который есть в его запасниках. Похоже, что 1000–2000 русских слов стали нормой для нашего современника. Остальное выключено из активного бытового употребления. Мы же видим, как на глазах исчезает великолепный русский читатель, которым мы гордились весь двадцатый век. Нет его. То есть литература не находит выхода, она не востребована. А ведь национальная литература — это тот стержень, на который наматывается основа личности человека. Русского человека! Когда мы читали «Повесть о настоящем человеке», пусть и написанной человеком другой крови, мы всё равно хотели стали русскими! Разве не так!

3. Чего не хватает в нашей литературе, что позволило бы считать ее бытийным зеркалом русской жизни?

На мой взгляд, ей не хватает какого-то умственного начала! Русской философичности, наверное. Что-то в этом смысле. Наша литература нового времени слишком созерцательна. Нет в ней призыва к борьбе, к преодолению сложностей жизни. Впрочем, сама жизнь не требует такого преодоления. Символ нашего времени — «офисный планктон», который живя одним днём, в ус не дует, что Земля скоро исчерпает свои возможности, что нефть и газ закончатся быстрее, чем мы их разведем. Слишком многие из нас хотят быть «вечно молодыми», не желая понимать, что жизнь имеет свои пределы. А литература в этом направлении не бьёт тревогу, она тащится в обозе жизни.

4. Каким должен быть характер сегодняшнего литературного героя и как в нем могут быть соединены изъяны и достоинства, чтобы он обладал притягательностью и не был плоской фигурой?

А что — характер? Разве это главное? На мой взгляд, движение литературы определяет типичность героя. А мы достигли какой-то унифицированной формы бытия человека, что «типажей» уже и не видно. 19 век искал в русской литературе хотя бы «лишнего человека» или «маленького героя», а разве сейчас такие есть? Теперь все «большие»! «Гиганты мысли и демократии». Заметьте, что «особое мнение» или «личный взгляд» стали преобладать в наших умах. Мы не стремимся к пониманию сути событий, к сути человека, а ищем то, чего в природе общества нет. И нам навязываются именно эти «особые мнения», а не истинная правда жизни. Возможна ли нынче «Как закалялась сталь»? Ответьте себе на этот вопрос и увидите, что такой вопрос кажется донельзя неуместным в наше время. Ну и откуда тогда возьмутся «характеры»? То-то и оно...

5. К чему подвигает писателя нынешнее «многослойное» время: отразить его гротескно — или дать абрис реальной жизни, обращаться к уму читателя — или к его сердцу?

Русская литература (в широко тиражируемых произведениях) так уже завязла в гротеске и иронии, что сама не знает выхода из тупика. Беда-то в том, что реализм, как метод отражения жизни, нынче мало кому по-настоящему доступен. Это такой ком проблем, что даже сильному уму его не поднять. Нужен сверхталант! Гений! Если кто-то сегодня может назвать гения из живущих писателей, то есть надежда, что русская литература

найдёт выход из тупика. А соединение ума и сердечности — есть — Разум! Не нами сказано, но это истина.

6. *Интеллектуальна ли сегодняшняя русская проза, достаточно ли она выразительна для того, чтобы сохранив отпечаток времени, не утратить живой жизни своих героев?*

Что-то по этому поводу сказано выше. Нет, не интеллектуальна, слишком однобока...

7. *Насколько современная поэзия отражает облик эпохи — как в публицистическом отношении, так и в художественно-бытийном, «обобщающим» происходящее со всеми нами и страной?*

Да, поэзия отражает. Именно — поэзия. На самом деле, это и есть природа поэзии. Мы здесь тоже не найдём гениев. Но... Есть очень сильные таланты. Скажем, Светлана Сырнева из Вятки. Её поэзии как раз присуща та русская философичность, которой ныне не хватает прозе. У неё есть и та амбивалентность «лирического героя», который часто стоит выше быта, сегодняшнего времяпрепровождения. Он духовен, умён. Хотя он — наш современник, то есть какие-то пороки нашего времени и ему присущи. Или — Юрий Перминов из Омска. Иногда поразительно, как поэт в бытийном течении жизни находит высоты поэзии. Его герои взяты из глубин жизни, это самые простые люди, но поэт их превозносит до духовных личностей! И поэту веришь. Есть и сильная поэтическая публицистика, понятно. Николай Зиновьев из Краснодара, Марина Струкова из Тамбова... Это русские поэты, что тут ещё скажешь.

8. *Возможно ли соединение в единый литературный поток художественных произведений, созданных почвенными авторами и либеральными, насколько кардинальны различия в изначальных авторских установках и позволит ли русскому читателю быстротекущее время воспринимать эти различные углы зрения как полноту происходящего — в истории, в семье, на войне, в любви?*

Нет, такое соединение невозможно. Прежде всего — мировоззренчески. Те, кто знают, например, поэзию «либералов», понимают, что это эгоцентричная поэзия, там нет боли за русский народ, за его будущее. Это кальки с Бродского. Даже интонационно, даже в стиховых конструкциях. А это — тупик. Собственно, и проза «либерального» крыла давно исчерпала себя. Это осколки западной литературы, привнесённые в литературу русскую. Подлинные русская поэзия и русская проза намного шире и богаче.

9. *Существуют как мрачные суждения о литературе нынешнего времени, так и вполне оптимистичные: одни говорят, что она в упадке и надеются на будущее возрождение русской художественности, другие уверяют, что мы находимся в зоне литературного цветения — какие имена и произведения дают нам основания для взвешенного суждения о литературе последнего периода?*

Конечно, русская литература попала под гигантский пресс. Прежде всего, экономический. По нынешним ценам простому читателю купить книгу очень накладно. Тиражи журналов мизерные. Ну и понятно, что влияние литературы схлопнулось до её истинных фанатов. В этом обществе перспектив у любой литературы нет. Но как дожить бы до лучших времён...

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

Владимир Кудрявцев. Куда уходит время? (Заметки о творчестве Андрея Смолина)	3
---	---

Литературная критика

Поверх барьеров (<i>Литературная Вологда: вчера и сегодня</i>)	14
Оборванная строка (<i>Слово об Александре Яшине</i>)	37
Притяжение судьбы (<i>О поэзии Виктора Коротаева</i>)	45
И поётся песня на земле... (<i>Поэзия Сергея Орлова в современном прочтении</i>)	66
Любовь и слёзы (<i>О поэзии Нины Груздевой</i>)	76
И дольше века длились дни (<i>Вспоминая Владимира Кудрявцева</i>)	86

Проза. Дневник

От мига к вечности (короткая проза)	
В последний миг	100
Тишина	103
Этюд с муравьями	104
Пешком на Бобришный угор	106
Волки	108
Горе	111
Философ	112
Путь к слову	113
Воскресным утром	116
Николай Рубцов. Истоки судьбы (<i>Опыт филологической прозы</i>)	117
Повесть о Славе (<i>фрагменты из повести-эссе</i>)	132
Всего полтора года (<i>По страницам дневника</i>)	147

<u>Вместо послесловия</u>	176
---------------------------------	-----

Андрей Петрович Смолин
ИЗБРАННОЕ

Редактор В. Серков.
Художественный редактор С. Тихомиров.
Тех. редактор Ю. Малозёмов.
Корректор Н. Галушина.

Сдано в набор 3.09.2014 г. Подписано к печати 15.11.2014 г.
Гарнитура таймс. Бумага офсетная. Печать ризограф.
Усл. печ. л. 10, 4 Физ. п. л. 9.1. Тираж (первый завод — 100)
Цена договорная.

Смолин Андрей Петрович родился 30 апреля 1959 года в Вологде. Детские годы провёл в городе Кадникове, где для него началось постижение русской провинциальной жизни. После окончания СПТУ №30 в Вологде, учился в Ленинградском высшем военном училище связи, в Вологодском пединституте.

В печати работал с 1983 года. Прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора областной газеты «Вологодский комсомолец». Был руководителем других печатных средств массовой информации.

В 1999 году закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте в Москве. Профессор В.И.Гусев писал в характеристике на своего слушателя ВЛК: «На мой взгляд, Смолин А.П. один из лучших наших выпускников семинара критики последних лет. Собственно, он и пришёл на ВЛК с большим задёлом критических работ. За период обучения я убедился, что Смолина отличает от многих широкое знание жизни, истовая любовь к русской литературе. Ему бы ещё уйти от своего “областничества”, хотя литературная Вологда — один из центров литературной жизни страны, и понятно, что ему там есть где развернуться по-настоящему. А так ему ещё работать и работать на поприще русского литератора».

Как литературный критик дебютировал в журнале «Север» в 1995 году со статьёй о молодых прозаиках Вологодчины. С тех пор опубликовал десятки статей, очерков, эссе в СМИ Москвы, Петербурга, Вологды... Автор девяти книг, написанных, в основном, на материале литературы Русского Севера. Среди них литературные портреты В.Коротаева, Н.Груздевой, М.Сопина, В.Кудрявцева, В.Белкова.

Член Союза журналистов России с 1987 года, член Союза писателей России с 1997 года.